

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЧЕЛОВЕК В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

HUMAN IN THE SOCIO-CULTURAL DIMENSION

Издается с февраля 2020 г.

Выходит один раз в полугодие

1

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **КОРОЛЬ А. Д.** – доктор педагогических наук, профессор; ректор Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: rector@bsu.by
- Заместители главного редактора** **УСОВСКАЯ Э. А.** – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: usovskaya@bsu.by
- БУРАЧОНОК А. В.** – кандидат исторических наук, доцент; декан факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: burachonak@bsu.by
- Ответственный секретарь** **ФРОЛОВА Н. Ю.** – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры коммуникативного дизайна факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: frolovanu@bsu.by
- Арташкина Т. А.** Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
Бабосов Е. М. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Баженова О. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Будучев В. А. Университет Лотарингии, Мец, Франция.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воронович И. Н. Министерство спорта и туризма Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Гафаров Х. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Глейтер Й. Берлинский технический университет, Берлин, Германия.
Джохадзе Г. А. Государственный университет им. Ильи, Тбилиси, Грузия.
Духан И. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Зверева Г. И. Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.
Котович Т. В. Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, Витебск, Беларусь.
Лаврентьев А. Н. Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова, Москва, Россия.
Локотко А. И. Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мартынов В. Ф. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Павильч А. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Печенева Т. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Прохоренко О. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Свидерская М. И. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Симян Т. С. Ереванский государственный университет, Ереван, Армения.
Снапковская С. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сухоцкая Т. Ф. Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск, Беларусь.
Филипп К. Я. Штутгартский университет, Штутгарт, Германия.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **KAROL A. D.**, doctor of science (pedagogy), full professor; rector of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: rector@bsu.by

Deputy editors-in-chief **USOUSKAYA E. A.**, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: usovskaya@bsu.by

BURACHONAK A. V., PhD (history), docent; dean of the faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: burachonak@bsu.by

Executive secretary **FROLOVA N. U.**, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of communication design, faculty of social and cultural communications, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: frolovanu@bsu.by

- Artashkina T. A.** Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.
Babosov E. M. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bazhenova O. D. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Buduchev V. A. Université de Lorraine, Metz, France.
Vazhnik S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Voronovich I. N. Sports and Tourism Ministry of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Gafarov H. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gleiter J. Berlin Technical University, Berlin, Germany.
Jokhadze G. A. Ilia State University, Tbilisi, Georgia.
Dukhan I. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kotovich T. V. Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Viciebsk, Belarus.
Lavrentiev A. N. Moscow State Stroganov Academy of Design and Applied Arts, Moscow, Russia.
Lokotko A. I. National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Martynov V. F. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Pavilch A. A. Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Pechenyova T. A. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Philip K. Ya. University of Stuttgart, Stuttgart, Germany.
Prakharenko A. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sviderskaya M. I. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.
Simyan T. S. Yerevan State University, Yerevan, Armenia.
Snapkovskaya S. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sukhotskaya T. F. Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Belarus.
Zvereva G. I. Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIONS

УДК 378.018.43

ПРОБЛЕМА СМЕШАННЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ КАФЕДРЫ

Л. В. ХВЕДЧЕНЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Показан опыт организации научно-исследовательских работ на кафедре английского языка гуманитарных факультетов факультета социокультурных коммуникаций (2018–2023). Отмечена актуальность организационных форм обучения для обозначенного периода, характеризующегося многочисленными социальными конфликтами, геополитическими трансформациями, а также неблагоприятными пандемийными условиями, которые породили проблему способов организации учебного процесса в экстремальных ситуациях. Проанализированы результаты научно-исследовательской работы, обоснована необходимость продолжения исследования ее темы в плане создания информационно-образовательной среды и дидактического сопровождения. Предложен пилотный вариант модели синхронного гибридного обучения как наиболее вероятной модели в условиях социальной неустойчивости и нестандартных педагогических ситуаций.

Ключевые слова: организационные формы обучения; смешанное обучение; синхронная гибридная модель; методическое обеспечение; информационно-образовательная среда.

Образец цитирования:

Хведченя ЛВ. Проблема смешанных форм обучения в научно-исследовательской работе кафедры. *Человек в социокультурном измерении*. 2024;1:4–10.
EDN: QCUHJA

For citation:

Khvedchenya LV. The problem of blended forms of learning in the research work of the university department. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2024;1:4–10. Russian.
EDN: QCUHJA

Автор:

Людмила Владимировна Хведченя – доктор педагогических наук, профессор; профессор кафедры английского языка гуманитарных факультетов факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Ludmila V. Khvedchenya, doctor of pedagogy, full professor; professor at the department of English for humanities, faculty of social and cultural communications.
khvedchenya@bsu.by

THE PROBLEM OF BLENDED FORMS OF LEARNING IN THE RESEARCH WORK OF THE UNIVERSITY DEPARTMENT

L. V. KHVEDCHENYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The author considers organisational forms of learning as an educational matter of topical interest at the department of English for humanities, faculty of social and cultural communications for the indicated period (2018–2023), which is characterised by numerous social conflicts, geopolitical transformations, as well as unfavourable pandemic conditions. The latter actualised the problem of educational design in the emergency situations. The results of the completed research are analysed, and the necessity to continue research its topic in terms of creating information and educational environment and didactic support is substantiated. A pilot version of the model of synchronous hybrid learning is proposed as the most perspective in the conditions of social instability and non-standard pedagogical situations.

Keywords: organisational forms of learning; mixed (blended, hybrid) learning; synchronous hybrid model; methodical provision; information and educational environment.

Введение

Центром научно-исследовательской и научно-методической работы учреждений высшего образования является кафедра – базовая единица университета, реализующая его основные функции. Задача кафедры состоит не только в создании эффективной образовательной среды по предмету или учебному курсу, но и в проведении исследований по актуальным направлениям образовательной деятельности, а также в разработке прикладных проблем в соответствующих предметных областях. Реализация этой задачи способствует повышению качества университетского образования и решению фундаментальных проблем педагогической науки.

В настоящее время в педагогике высшей школы первостепенное значение приобрела проблема организационных форм обучения (ОФО). Впервые она сравнялась с вопросами содержания и методов обучения, а в пандемийные годы превзошла их по актуальности, заняв ведущие позиции в теории и практике построения педагогического процесса. Такая ситуация обусловлена как внутренними, так и внешними факторами. Под первыми подразумеваются перманентно протекающие эволюционные процессы педагогических преобразований (*self-paced modifications*), вторые носят социально обусловленный характер

(*involuntary, unplanned modifications*) и подвергаются не всегда предсказуемым радикальным изменениям, связанным с геополитической обстановкой, социальными катаклизмами, экономикой, финансовой сферой и экологией. В 2019 г. к перечисленным социальным факторам добавился ранее не фигурировавший фактор – глобальная пандемия, вызванная инфекционным заболеванием. Последнее нарушило равновесие и относительную устойчивость жизни во всех ее проявлениях. В системе образования это породило проблему форм обучения в экстремальных ситуациях, что потребовало от университетских кафедр мобилизации усилий по корректировке всей учебно-методической работы.

В сложившейся ситуации основная ставка делается на использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обладающих значительным дидактическим и педагогическим потенциалом для решения спонтанно возникающих нестандартных организационно-образовательных ситуаций. Сочетание дистанционного обучения с традиционными аудиторными занятиями потребовало научного обоснования, что и послужило предпосылкой выбора в качестве предмета исследования проблемы смешанных форм обучения на кафедре.

Результаты и их обсуждение

В начале работы над темой (в 2019 г.) нужно было определиться с базовыми понятиями, запутанным терминологическим аппаратом и соответствием процесса обучения условиям университетской информационно-образовательной среды, а также выявить сущность смешанных форм обучения и их дидактического потенциала. Изучались русскоязычные и англоязычные источники, лучшие образцы адаптировались к организации курса обучения иностранному языку на кафедре.

Результатом начального (теоретического) этапа работы явилось уточнение понятий и неоднозначного терминологического аппарата. Было установлено, что термин «смешанное обучение» используется в двух разных значениях – как общий и как специальный термин. В первом случае под ним понимаются любые смешанные формы обучения (*mixed learning*), т. е. все то, что так или иначе смешивается в едином образовательном контенте, преследуя определенные педагогические цели. Здесь каждую из существовавших

ранее форм в каком-то смысле можно назвать смешанной, даже самую чистую классно-урочную, так как она дополнялась другими формами организации обучения, например внеаудиторными мероприятиями, экскурсиями, практиками и др. Во втором случае выражение обозначает возникшие в 1970-х гг. ОФО (*blended learning, hybrid learning*). Эти термины использовались синонимично, хотя в последнее время наблюдается тенденция к их дифференциации по семантическим и функциональным признакам.

В целях формирования системного представления о категории смешанных форм обучения кафедра из года в год накапливала фоновую информацию, отражающую состояние проблемы на диахронном и синхронном уровнях. В частности, был выявлен ряд закономерностей и тенденций эволюционного развития этих форм. Смешанное обучение возникло на основе устоявшихся систем очной и дистанционной форм обучения и представляло собой комбинированный вариант реализации этих систем в зависимости от их цели, места использования и дидактической направленности. Диапазон вариативности каждой из форм достаточно широкий (колеблется в пределах от 30 до 70 %). С учетом того, какой компонент является базовым в курсе обучения, дифференцируют ряд моделей смешанного обучения, радикально не отличающихся в зарубежной и отечественной практиках. Например, можно сравнить ротационные модели (*rotation models*) учебного меню (*a la carte model*), обогащенного виртуального обучения (*enriched virtual model*) и дистанционного обучения (*online driver*) с их отечественными аналогами, такими как поддерживающая модель, замещающая модель, модель электронно-образовательного консультативного центра и др. [2; 3].

На сегодня утвердилось не менее десяти бинарных оппозиций наименований аудиторных и дистанционных компонентов, что также приводит к терминологической путанице. Одни из них транслитерируются (онлайн – офлайн (*online – offline*)) в русском языке, другие имеют русские эквиваленты (очное – дистанционное, контактное – бесконтактное, традиционное (конвенциональное) – электронное, управляемое – самостоятельное, формальное – неформальное (*face-to-face – distance, in-class – out-class, life – online*)). В настоящее время аудиторное обучение осуществляется на основе компьютерных средств обучения. Благодаря им обеспечивается вариативность способов подачи материала и гибкость моделей, создается комфортная образовательная среда. Дистанционное обучение использует дидактический потенциал ИКТ, что меняет привычную структуру учебного курса и всю методическую структуру, поэтому, возможно, смешанные формы называют еще и технологиями обучения.

В отличие от других ОФО смешанное обучение не имеет конкретного автора и единой модели ре-

ализации обучения. К числу наиболее известных зарубежных ученых, занимающихся этой проблемой, можно отнести имена Ч. Р. Грехам, Б. Дж. Битти, Ч. Бонк, М. Хорн, Дж. Куртис, Д. Кларк, Д. Гаррисон, Ч. Миллер, С. Дзюбан, Р. Шанк и др. Институциональному укреплению теории смешанного обучения во многом способствовали отечественные ученые А. А. Андреев, Ю. И. Капустин, Е. Полат, С. В. Титова, М. Н. Мохова, В. И. Блинов, М. В. Дулинов, А. Л. Назаренко, В. А. Фандей и др.

Главной педагогической ценностью смешанного обучения считается то, что возрастающая доля внеаудиторной работы содействует развитию навыков самообучения, саморефлексии и самоконтроля как конечной цели развития личности. Дидактический потенциал проявляется в выборе различных образовательных ресурсов интернет-пространства, использовании элементов синхронного и асинхронного обучения, активизации разных видов учебно-познавательной деятельности студентов, а также в обогащении содержания дидактики за счет безграничных возможностей цифровых технологий.

Заслуживает внимания преподавателей-практиков и методистов современный статус смешанных форм обучения. Во-первых, в отличие от дистанционных форм они никогда не были формами получения образования. Смешанное обучение не является стандартизированной формой, законодательно закрепленной в каком-либо единственно возможном виде. Иначе говоря, смешанное обучение не представляет собой форму обучения, построенную на жестких требованиях, а проектируется с учетом принятых концептуальных положений и принципов, которые признаны академическим сообществом в качестве оптимальных в конкретных условиях построения учебного процесса. Применение такого обучения во многом зависит от объективных и субъективных факторов: у каждого типового случая должен быть свой микс.

Теоретикам может показаться интересным изучение динамики становления и развития смешанных форм обучения. Панорама исторического исследования позволила определить ряд закономерностей их эволюции, которые распространяются в современности и продолжают развиваться в будущем. В частности, отмечается, что смешанные формы обучения являются эволюционным продолжением ранее существовавших чистых ОФО. Их становление всегда происходило с учетом предшествующего этапа развития, о чем свидетельствует наличие промежуточных форм обучения (индивидуальная – индивидуально-групповая – групповая, аудиторная – дистанционная – смешанная, смешанный «бленд» – смешанный гибрид – гибкий гибрид). Основные этапы эволюции детерминируются факторами социокультурного характера, уровнем

развития педагогической науки и обуславливаются изменением всех сфер образовательной практики. Радикальные модификации происходят в связи с появлением глобальных ИКТ, вызвавших к жизни новые формы образования и средства обучения.

Тенденцией современного развития смешанных форм обучения является процесс размежевания терминов «бленд» и «гибрид». На смену их недифференцированному употреблению приходит понимание «бленда» как чередования аудиторной и дистанционной учебной деятельности, причем последняя используется в «бленде» как дополнительный (сетевой) образовательный ресурс, решающий вопросы информатизации самообучения. Гибридные формы рассматриваются сегодня как организационно и структурно более сложные и характеризуются глубокой комбинаторикой (сращением) элементов, взаимопроникновением технологий, подвижностью модификаций, а также разнообразием программного оборудования и самих девайсов [4]. Они представляют собой способ более широкого взаимодействия в онлайн-пространстве и, соответственно, обладают большей продуктивностью в плане порождения новых модификаций (гибридное обучение, *HyFlex*-обучение, синхронное *HyFlex*-обучение, синхронное дистанционное обучение, *flipqrld*-обучение и т. д.). В современных условиях отечественного образования эти формы обучения пока недостаточно распространены, однако могут рассматриваться как модели обучения в недалеком будущем.

Свидетельством эффективности перечисленных модификаций гибридных форм обучения может быть эксперимент, проведенный в рамках темы научно-исследовательской работы (НИР) на кафедре английского языка гуманитарных факультетов факультета социокультурных коммуникаций в 2021/22 учебном году. В силу сохраняющегося риска для здоровья и связанного с этим нерегулярного посещения студентами занятий была предпринята попытка перейти на синхронное гибридное обучение (*synchronous hybrid learning*). На ряде факультетов на первой и второй ступенях высшего образования практиковалось синхронное обучение в аудитории и на месте дислокации студентов при условии наличия у них девайсов, обеспечивающих доступ к интернету и образовательной платформе *Moodle*. Преследовалась задача обеспечения студентов образовательным контентом и вовлечения их в учебный процесс. Процедура и результаты эксперимента описывались в научной литературе, а также обсуждались на международной конференции, проводившейся на факультете социокультурных коммуникаций. Общим выводом стало следующее положение: даже на базе имеющегося оборудования можно при необходимости обеспечить синхрон-

ный гибридный формат обучения безотносительно к условиям и академическим обстоятельствам. Ценность такой модели состоит прежде всего в способности организации непрерывного учебного процесса, что особенно важно в условиях усилившейся социоприродной турбулентности. Синхронное гибридное обучение может стать базовым вариантом организации обучения для формирующейся в настоящее время так называемой пандемийной педагогики и цифровой дидактики.

Последним по порядку (но не по значимости) является вопрос теоретического обоснования и методологии смешанного обучения. В его основе лежит теория транзакционного расстояния Мура (*Moore's transactional distance theory*), согласно которой дистанция признается педагогическим феноменом, формирующим педагогическую реальность и представляющим новый способ социального взаимодействия в онлайн-пространстве. Методологически важную роль играет и теория конструктивизма, базирующаяся на предшествующих ей бихевиористской (Э. Торндайк, Б. Спенсер и др.) и когнитивистской (Ж. Пиаже, Дж. Брунер и др.) теориях. Конструктивизм усиливает обе теории (особенно когнитивистскую) идеями, связанными с получением, обработкой и хранением информации. Одной из целей когнитивизма является не только хранение ранее приобретенных знаний, но и получение новых [5]. Главным считается тезис о том, что в конструктивистской теории познания каждый человек сам контролирует свою относительную субъектную реальность, самостоятельно добывает и перерабатывает информацию, что соотносится с основополагающими в отечественном образовании личностно ориентированным и проблемным подходами.

Багаж теоретических знаний, который расширяется до сих пор, создал необходимую базу для обоснования практической деятельности кафедры, в частности ее программно-нормативных и организационно-методических аспектов. Ключевыми направлениями и результатами работы были разработка и экспериментальное внедрение модели смешанного обучения, способной функционировать в двух режимах:

- в традиционном курсе очно-дистанционного смешанного обучения с акцентом на аудиторную и самостоятельную работу, осуществляемую в режиме дистанционного обучения;
- в курсе обучения в непредвиденных ситуациях, требующих социального дистанцирования.

Программа обоих курсов остается единой и неизменной. Отличаются способы доставки материала и педагогический дизайн. Дистанционное обучение осуществляется в режиме видеоконференции с использованием встроенных систем звука

и видеоизображения. Они обеспечивают имитацию реальной образовательной среды и синхронное участие в работе очной и дистанционной группы студентов. При этом предусматриваются механизмы «бесшовного» и максимально включенного перехода с одной формы на другую. Возможность синхронного обучения создает тот эффект неожиданности, который не предполагался на этапе начального планирования результатов НИР на кафедре.

Важным направлением практической деятельности кафедры было методическое обеспечение образовательного процесса в режиме смешанного обучения. Оно включает в себя составление учебных программ, производство печатных и электронных учебно-методических комплексов, пригодных для обеих модификаций. При этом предлагаемая в настоящей статье практика материального обеспечения исходит из максимального сближения дистанционного и контактного обучения, где обе формы смешиваются в единый образовательный контент и взаимодополняют друг друга. Наличие синхронизированных материалов позволяет содержательно объединить оба формата. Допускается умеренное изменение формата того или иного курса в зависимости от условий и потребностей обучения. Эффект внедрения результатов НИР в практику преподавания иностранного языка на кафедре начинает осознаваться только сейчас, когда получены реальные рычаги управления учебным процессом в ситуациях социальной нестабильности и неопределенности.

Практическим выходом НИР является обновление учебно-материальной базы на юридическом, экономическом и историческом факультетах. Были изданы два базовых учебника под грифом министерства образования, 16 учебных пособий под грифом учебно-методического объединения, ряд дополнительных материалов, ориентированных на потребности преподавателей и студентов. В реализации плана НИР принимали участие все преподаватели кафедры. Они приобрели необходимые методические компетенции, стали соавторами научных и учебно-методических разработок, которые представляют собой вполне конкурентоспособный продукт, востребованный на многих языковых кафедрах учреждений высшего образования Беларуси.

В связи с актуальностью и перспективностью проблематики смешанного обучения с учетом уже приобретенных квалификаций, а также ввиду неизбежного дальнейшего развития цифровых образовательных технологий на кафедре было принято решение продолжить в новой пятилетке (2023–2027) научно-методическую работу по проблеме смешанных, гибридных и других комбинированных форм обучения. Акцент делается на вопросах современного педагогического дизайна и его дидактического сопровождения

(методического, организационно-технического и содержательно-распределительного). Тема НИР сформулирована как разработка системы дидактического сопровождения учебного процесса в условиях цифровизации иноязычного образования. Под дидактическим сопровождением понимается оснащение учебного процесса эффективными учебными материалами, дополняющими друг друга и создающими условия для успешной и психологически комфортной деятельности обучающихся. Основными средствами обучения являются учебники (твердые копии на бумажных носителях и их оцифрованные версии), учебно-методические пособия, методические указания, а также блок творческих заданий. При необходимости учебно-методический комплекс может быть дополнен электронной хрестоматией, видео- и аудиоприложениями, сетевыми учебными материалами, справочниками, терминологическими словарями, тестовыми заданиями и т. д. Вместе они содержат интеллектуальный навигатор по учебной дисциплине с соблюдением преемственности всех форм и этапов обучения.

Календарный план проведения НИР включает в себя поэтапное выполнение различных работ. На начальном этапе предполагается:

- обсуждение проблематики цифровизации иноязычного контента на кафедральных семинарах и конференциях разного уровня;
- подготовка серии научных статей по проблеме;
- разработка методических рекомендаций пропедевтического характера, знакомящих с ориентационным компонентом обучения в новых условиях;
- переработка образовательных программ с возможностью инвариативного моделирования учебного процесса, предполагающего использование разнообразных технологий для разработки учебного материала, организации самостоятельной работы и других тенденций развития цифровой дидактики.

На основном этапе выполнения НИР по теме предусматривается организация экспериментальной площадки по формированию ИОС на обслуживаемых факультетах и создание экспертных групп преподавателей, работающих над адаптацией дидактических требований к разработке собственных электронных учебно-методических комплексов, методических рекомендаций по подбору учебного материала и по его перераспределению адекватно режимам обучения. Предлагаются специальные образовательные программы на платформе *Moodle*, развивающие информационно-коммуникационные и языковые компетенции обучающихся.

Завершающий этап связан с подведением итогов и апробацией результатов и эффективности НИР по отношению к заявленным целям. Итог работы пред-

полагает совокупность следующих образовательных результатов:

- создания полноценной ресурсонасыщенной образовательной среды, обеспечивающей непрерывный цикл языкового образования на обслуживаемых факультетах;
- разработки электронных учебно-методических комплексов (по специальностям обучающихся), предполагающих переход с аналоговой формы информатизации языкового образования на цифровую, дидактически обеспеченную и информационно-сопроводительную;
- оптимизации образовательного контента согласно различным режимам работы, реализуемым моделями (гибридной, гибкой гибридной, синхронной, асинхронной и т. д.), а также в соответствии с педагогически управляемым и самостоятельным форматом обучения;
- выявления возможностей дистанционных форм обучения в решении проблем интеллектуального развития человека, его самореализации через образование, способности критически мыслить, поддерживать техническую культуру общения в условиях наукоемкого образовательного процесса.

Даже частичное решение обозначенных вопросов дидактического сопровождения, методического, организационно-технического и содержательно-распределительного характера надолго определит

перспективу педагогического дизайна в системе иноязычного образования в неязыковых учреждениях высшего образования.

Предполагается, что преобладающими компонентами электронного дидактического сопровождения на ближайшие пять лет останутся следующие компоненты:

- сетевой учебный материал, т. е. интерактивный комплекс с расширенными функциями за счет услуг интернета (виртуальная среда учреждения высшего образования);
- электронная хрестоматия, т. е. набор фрагментов из альтернативных учебных пособий, статей и компьютерных обучающих программ;
- учебные аудио- и видеоматериалы.

В психолого-педагогической литературе отмечается позитивная тенденция в сторону мультимедиа. В качестве средств голосовой связи используются аудио- и видеоконференция в интерактивном формате либо диалоговое телевидение различного уровня. К числу наиболее продвинутых средств дистанционного обучения можно также отнести дидактические материалы на основе геоинформационных (интегрированных) систем и дистанционные средства обучения на основе виртуальной реальности (неконтактное взаимодействие). Кроме того, можно использовать комбинации из всех перечисленных средств дистанционного обучения.

Заключение

Рассмотрение проблемы смешанных форм обучения в динамике ее развития на кафедре английского языка гуманитарных факультетов факультета социокультурных коммуникаций наглядно демонстрирует актуальность выбранной темы, ее перспективность, теоретическую и практическую значимость. Знакомство с путями решения этой проблемы в отечественной и зарубежной психолого-педагогической науке позволило осознать возможности, потребности и направления модернизации учебного процесса по иностранному языку в соответствии с условиями времени, уровнем развития современной науки и ИКТ. Залогом успеха в выпол-

нении поставленных задач является высокий научный потенциал и квалификация педагогических кадров. Сегодня на кафедре работают восемь человек, которые имеют ученые степени и звания, что составляет одну треть всего профессорско-преподавательского состава. Это считается высоким показателем для невыпускающих кафедр. Два человека обучаются в аспирантуре, два – в магистратуре, несколько человек уже закончили аспирантуру (пока без защиты работы). Создание компетентной интеллектуальной среды – главная забота руководства кафедры, ибо только так могут улучшаться и сами люди, и их дела.

Библиографические ссылки

1. Капустин ЮИ. *Педагогические и организационные условия эффективного сочетания очного обучения и применения технологий дистанционного образования* [диссертация]. Москва: Институт содержания и методов обучения РАО; 2007. 419 с.
2. Фандей ВА. Смешанное обучение: современное состояние и классификация моделей смешанного обучения. *Информатизация образования и науки*. 2011;4:115–125. EDN: OOEDHH.
3. Блинов ВИ, Сергеев ИС, Есенина ЕЮ. *Основные идеи дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения*. Москва: Перо; 2019. 24 с.
4. Beatty BJ. *Hybrid-flexible course design: implementing student-directed hybrid classes* [Internet]. 2019 [cited 2022 October 6]. Available from: <https://edtechbooks.org/hyflex>.
5. Лефрансуа Г. *Психология для учителя*. Волохонский В, переводчик. Санкт-Петербург: Прайм-еврознак; 2003. 408 с.

References

1. Kapustin YuI. *Pedagogicheskie i organizatsionnye usloviya effektivnogo sochetaniya ochnogo obucheniya i primeneniya tekhnologii distantsionnogo obrazovaniya* [Pedagogical and organisational conditions for an effective combination of full-time education and the use of distance education technologies] [dissertation]. Moscow: Institut sodержaniya i metodov obucheniya RAO; 2007. 419 p. Russian.
2. Fandei VA. Blended learning: current state and classification of blended learning models. *Informatization of Education and Science*. 2011;4:115–125. Russian. EDN: OOEDHH.
3. Blinov VI, Sergeev IS, Esenina EYu. *Osnovnye idei didakticheskoi kontseptsii tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya* [The main ideas of the didactic concept of digital vocational education and training]. Moscow: Pero; 2019. 24 p. Russian.
4. Beatty BJ. *Hybrid-flexible course design: implementing student-directed hybrid classes* [Internet]. 2019 [cited 2022 October 6]. Available from: <https://edtechbooks.org/hyflex>.
5. Lefrançois G. *Psikhologiya dlya uchitelya* [Psychology for the teacher]. Volokhonskii V, translator. Saint Petersburg: Praim-evroznak; 2003. 408 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.12.2023.
Received by editorial board 07.12.2023.

НЕКЛАССИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ПРЕПОДАВАНИЯ В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ: АВТОРСКИЙ ОПЫТ В УНИВЕРСИТЕТЕ ИСКУССТВ

А. А. ДАДЫРОВА¹⁾

¹⁾Казахский национальный университет искусств, пр. Тауелсиздик, 50, 010000, г. Астана, Казахстан

Представлены авторские неклассические методы преподавания в инклюзивном образовании на художественном факультете университета искусств. В инклюзивном образовании Казахстана существует стабильная тенденция к переориентации системы высшего образования на важные ценности, где ключевое место отводится гуманизации педагогического процесса для инклюзивного образования. Отмечено, что авторские кейсы, рассмотренные в настоящей работе, помогают студентам с особыми образовательными потребностями думать, анализировать, искать, сравнивать, спорить и находить. В учебной группе, в которой есть личности с особенностями развития, преподавателю необходимо пересмотреть кейсы, не затрагивая тему занятия, и частично изменить их с учетом новых обстоятельств. Современный преподаватель в сфере инклюзивного образования должен наработать себе так называемый синдром выделенного внимания: на занятиях ему важно держать в фокусе особых студентов и заинтересовывать их, чтобы обучение доставляло им удовольствие. В этих условиях значимое место занимает ориентирующая функция гуманистического подхода в инклюзивном образовании, где ценны такие философские и методологические предпосылки, как становление личности, творчество, а также духовные, гуманные и культуросозидающие истины.

Ключевые слова: инклюзивное образование; авторская методика преподавания; методика; педагогические технологии; гуманизация образования; творческое учреждение высшего образования; неклассические методы обучения.

NON-CLASSICAL TEACHING METHODS IN INCLUSIVE EDUCATION: AUTHOR'S EXPERIENCE AT THE UNIVERSITY OF ARTS

A. A. DADYROVA^a

^aKazakh National University of Arts, 50 Tauelsizdik Avenue, 010000 Astana, Kazakhstan

The article presents non-classical teaching methods in inclusive education through the author's experience at the university of arts at the faculty of art. In inclusive education in Kazakhstan, there has been a stable trend towards reorientation of the higher education system towards important values, where a key place is given to the humanisation of the pedagogical process for inclusive education. The author's cases considered in the work help students with special educational needs to think, analyse, search, compare, argue and find. In the study group where students with special needs study, the lecturer needs to revise the cases without affecting the theme of the lecture, but partially change the case itself, taking into account new conditions and circumstances. A contemporary lecturer working in the line of inclusive education must develop a syndrome of dedicated attention for himself, so that he does not escape the fact that it is important for a lecturer to keep special students in focus in

Образец цитирования:

Дадырова АА. Неклассические методы преподавания в инклюзивном образовании: авторский опыт в университете искусств. *Человек в социокультурном измерении*. 2024;1:11–14. EDN: ZVFRXJ

For citation:

Dadyrova AA. Non-classical teaching methods in inclusive education: author's experience at the university of arts. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2024;1:11–14. Russian. EDN: ZVFRXJ

Автор:

Асель Алибековна Дадырова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры сценографии и декоративного искусства художественного факультета.

Author:

Assel A. Dadyrova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of scenography and decorative art, faculty of art. asseldadyrova@gmail.com

the auditorium, to hook them, to interest them so that learning is a joy and pleasure for them. In such conditions the orienting function of the humanistic approach in inclusive education comes to the fore, where philosophical and methodological prerequisites are valuable, such as the formation of a personality, creativity, spiritual, humane and culturally creative truths.

Keywords: inclusive education; authors teaching methodology; methodic; pedagogical technologies; humanisation of education; arts university; non-classical methods of teaching.

Введение

Президент Казахстана К.-Ж. К. Токаев подписал Закон Республики Казахстан от 26 июня 2021 г. № 56-VII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам инклюзивного образования»¹. В нем указано, что государство обязуется создавать детям с особыми образовательными потребностями необходимые условия для обучения. По оценкам специалистов, в Казахстане в образовательном процессе участвуют около 20 % детей с ограниченными возможностями. Несомненно, эта цифра достаточно маленькая. Существуют трудности в данном направлении, и Казахстан продолжает внедрять международный опыт в инклюзивное образование.

Университет искусств выбирают с целью продолжить заниматься творчеством, в таких учреждениях группы имеют небольшое количество обучающихся. Поскольку работа с особыми студентами требует от преподавателя полной самоотдачи и индивидуального подхода, чуткости и умения быстро перестраиваться, то для него это является положительным моментом, ведь на занятиях он может уделять много внимания личностям с особыми образовательными потребностями. Следует признать, что определение «педагог инклюзивного образования» не совсем корректно применять по отношению к преподава-

телю, который обучает людей с особенностями здоровья, так как они получают образование наравне со всеми учащимися.

Впервые столкнувшись с особыми студентами, педагог понимает необходимость трансформации методов преподавания, так как нетрадиционные общие методы обучения не могут отвечать запросам индивидов с ограниченными возможностями. Вследствие этого преподаватель разрабатывает и внедряет неклассические, авторские кейсы обучения. Создание методов и методик происходит параллельно с учебным процессом, что зачастую не мешает, а помогает педагогу, так как в процессе работы есть возможность апробировать новые кейсы или доработать их.

Преподаватель прорабатывает интенсивную интеллектуальную и аналитическую методическую работу, когда выступает в роли строгого экзаменатора по отношению к своим профессиональным обязанностям и в роли стороннего наблюдателя того, какой авторский методический продукт в инклюзивном образовании будет разработан. Порой это становится сложным процессом, так как инклюзивное образование требует гуманизации, а педагог высшей школы должен четко понимать, что у студентов разные возможности, и уметь оценивать их достижения.

Методы исследования

Применялись историко-сравнительный анализ, герменевтический метод и метод восхождения от абстрактного к конкретному. Значительной методологической основой при рассмотрении темы выступил

анализ апробированных авторских методических и педагогических кейсов в обучении для инклюзивного образования, разработанных для студентов с особыми образовательными потребностями.

Неклассические кейсы в преподавании для инклюзивного образования

Согласно государственной программе развития образования и науки Республики Казахстан к началу 2025 г. 70 % учреждений высшего образования страны должны создать условия для инклюзивного образования. На протяжении двух лет им необходимо создавать среду для студентов с ограниченными

возможностями: пандусы, визуальную информацию для слабослышащих, специальную учебную литературу и индивидуальные программы².

Инклюзивное образование представляет собой модель, свободную от стереотипов, и, будучи социальным феноменом, создает ряд преимуществ для

¹О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам инклюзивного образования [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан от 26 июня 2021 г. № 56-VII ЗРК // Эділет : информ.-правовая система норматив.-правовых актов Респ. Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2100000056> (дата обращения: 17.08.2023).

²Об утверждении Государственной программы развития образования и науки Республики Казахстан на 2020–2025 годы [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Респ. Казахстан от 27 дек. 2019 г. № 988 // Там же. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900000988> (дата обращения: 17.08.2023).

различных социальных групп. Например, студенты, имеющие нарушение слуха, обучаются вместе со всей группой. Так как у данной категории лиц есть препятствия в вербальной коммуникации, преподаватель адаптирует образовательную программу в соответствии с индивидуальными запросами, разрабатывая для особых студентов новые кейсы и задания [1]. Традиционные учебные занятия проводятся в таких формах, как лекции и семинары, но педагог рассматриваемой сферы обязательно вносит в них неклассические элементы педагогических технологий. Если в группе есть глухой студент, то педагогу важно выстроить с ним определенную коммуникацию (систему общения). Как писал известный психолог Л. С. Выготский, существенным обстоятельством психокоммуникативного развития ребенка с нарушением слуха является его постоянное общение со взрослым человеком [2].

При выполнении первого кейса студенту-выпускнику требуется написать текст дипломной работы. Преподаватель рекомендует ему определенную библиографию. Прочитав литературу, студент начинает писать текст в свободной форме от первого лица (а не от третьего лица, как это происходит в традиционном обучении). Вначале при работе с таким кейсом возникали некоторые трудности, так как особый студент читал всю попадавшуюся ему литературу (в том числе неактуальную для его исследования), много писал, а его текст был больше плагиатным, нежели оригинальным. В связи с этим преподаватель разработал памятку, в которой студенту предлагается ответить на вопрос о том, какая информация содержится в прочитанном тексте. На первый взгляд кажется, что данный вопрос для выпускника 4-го курса слишком простой, однако не стоит забывать, что речь идет о студенте с ограниченными возможностями. Такому обучающемуся нелегко анализировать прочитанное, так как в литературе преобладают сложные термины, которые ему не знакомы. Сперва педагог хотел искать специальные тексты, однако его задача состоит не в том, чтобы оградить студента от трудностей, а в том, чтобы помочь ему ориентироваться, научить читать такие тексты и постараться выбрать тот материал, который ему подходит. В данном случае учитываются желания обучающегося, отчего, как показал опыт, у него возникает еще больший интерес к прочтению книг и учебников, он старается самостоятельно анализировать литературу. Отвечая на вопросы памятки, студент искренне говорит о том, что ему понравилось и что не понравилось при работе, излагая эти мысли на страницах своей будущей дипломной работы. Далее преподаватель редактирует и корректирует текст. Он также может задавать дополнительные вопросы студенту, чтобы уточнить некоторые моменты в тексте. Это лишь первый этап в выстраивании учебной работы по инклюзивному образованию.

Второй этап наступает, когда преподаватель, понимая, что студент трудится хорошо и добросовестно, предлагает ему (в целях закрепления особых результатов работы) участвовать в научных студенческих конференциях. Такая ситуация также является авторским методическим кейсом. Следует сказать о важности психолого-педагогического фактора, при котором преподаватель рекомендует свой кейс лишь тем особым студентам, которые показали в ходе учебного процесса равнодушие к работе и проявили любопытство. Педагог обязательно учитывает состояние воспитанников, чтобы обозначить, смогут ли они преодолеть еще один учебный этап. Крайне важно принимать во внимание пожелания обучающихся. Если им интересно писать научный доклад и готовиться к конференции, то миссия педагога состоит в том, чтобы помочь студенту и стать ориентиром на этом этапе исследовательского пути. Перед научной конференцией обучающийся выбирает тему доклада сообразно теме его дипломной работы. В таком случае апробируются промежуточные результаты дипломного проекта.

На каждом этапе работы значим принцип коммуникативности, поэтому важно актуализировать уже наработанные знания при выполнении следующего кейса. Второй кейс состоит в том, что преподаватель задает студенту вопросы: «О чем твоя дипломная работа?»; «Какие действия ты будешь выполнять в процессе ее написания?». Эти простые на первый взгляд вопросы на самом деле дают студенту возможность честно описать свой проект и действия, связанные с подготовкой к работе.

В некоторых случаях на помощь научному руководителю приходит сурдопереводчик. Он разъясняет студенту, что ему нужно сделать для подготовки к научной работе. Следует подчеркнуть, что особому студенту будет сложно выполнить все требования, предъявляемые к научному тексту, но написать сам текст и описать предмет студенческого исследования у него обязательно получится. В педагогическом опыте автора данной статьи имеется кейс, с помощью которого обучающаяся с нарушением слуха и речи подготовила три научные статьи для конференции. Процесс работы местами был сложным и требовал полной отдачи как от студента, так и от преподавателя, однако результатом труда стала публикация статьи в сборнике конференции, что явилось своеобразной победой для студента и преподавателя.

В конце второго кейса преподаватель проводит объяснительную работу для особых ребят, помогая им понять, что результатами их упорного труда являются научная статья, которую они представили на конференции, и сертификат, полученный по итогам научного события. Здесь крайне важно то, что студенту удалось познакомить научное сообщество с первыми итогами своей работы. Преподаватель доносит до студентов мысль о том, с чего они начали

и к чему пришли, чтобы они понимали, что их работа оценена по достоинству и их вклад в развитие науки той области, которую они изучают, без сомнения, существен.

Таким образом, вся эта работа помогает особым студентам чувствовать себя полноценными участниками учебного процесса и студенческого сообщества, членами социума и научного круга молодых исследователей. Здесь больше важно даже не

то, какие учебные знания получит студент, а то, как происходит гуманизация инклюзивного образования, т. е. как особые ребята начинают ощущать себя полноправными членами общества. Л. С. Выготский писал о том, что при обучении личностей с ограниченными возможностями необходимо разработать такие условия, при которых они будут допущены к обществу личностей с нормальным развитием и будут учиться со всеми на равных [3, с. 12].

Заключение

Студенты художественных специальностей, имеющие особые образовательные потребности, продуктивно используют авторские кейсы на занятиях. Гуманизация в инклюзивном образовании заключается в разумном применении авторских методов преподавания. При разработке кейсов автор настоящей статьи охватил широкий спектр методов, таких как педагогический анализ, критическое мышление, рассуждение, отстаивание собственной точки зрения и исследовательского интереса обучающихся.

Выделено несколько факторов для улучшения педагогического мастерства в условиях гуманизации для инклюзивного образования с учетом внедрения авторских кейсов. Анализ показал, что есть тенденция к положительному отношению особых студентов к неклассическим методам преподавания, с помощью которых они качественнее воспринимают и запоминают учебный материал.

В ходе создания методических кейсов были разработаны педагогические индикаторы для преподавателя сферы инклюзивного образования. Данные индикаторы являются авторскими и в практике других педагогов могут (и должны) дополняться методами обучения, кейсами и заданиями из их преподавательского опыта.

Студент с особыми образовательными потребностями является полноправным участником учебного процесса в высшей школе, у него есть возможность быть соучастником студенческого научного сообщества. Его исследовательский путь может начаться с подготовки научной статьи и завершиться выполнением научно-исследовательской работы. Когда педагог усложняет кейсы для таких обучающихся, он должен учитывать их положение, быть внимательным к той ситуации, которая имеется на текущий момент. Разработка кейсов и постановка вопросов помогают студентам проводить первичный анализ прочитанного и увиденного. Преподаватель не должен уставать объяснять, для чего они выполняют кейсы, он также может спрашивать у студентов, интересно ли им предложенное задание, что они хотели бы дополнительно узнать или прочитать. Кроме того, педагог должен разрабатывать лапидарные памятки, в которых четко (без большого количества научных терминов) сформулированы вопросы или задания; создать целостность системы преподаватель – студент, занимающей особую позицию в гуманитарной парадигме учебного процесса в высшей школе в рамках инклюзивного образования. Преподаватель обязан побуждать студента к познавательной самостоятельности.

Библиографические ссылки

1. Дадырова АА. Авторские методы преподавания в университете искусств для обучающихся художественного профиля. *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў*. 2023;1:56–62. EDN: NJPXEГ.
2. Выготский ЛС. *Собрание сочинений в 6 томах. Том 4, Детская психология*. Эльконин ДБ, редактор. Москва: Педагогика; 1984. 432 с.
3. Выготский ЛС. *Собрание сочинений в 6 томах. Том 5, Основы дефектологии*. Власова ТА, редактор. Москва: Педагогика; 1992. 368 с.

References

1. Dadyrova AA. Author's methods of teaching at the university of arts for art students. *Bulletin of the Belarusian University of Culture and Art*. 2023;1:56–62. Russian. EDN: NJPXEГ.
2. Vygotskii LS. *Sobranie sochinenii v 6 tomakh. Tom 4, Detskaya psikhologiya* [Collected works in 6 volumes. Volume 4, Child psychology]. El'konin DB, editor. Moscow: Pedagogika; 1984. 432 p. Russian.
3. Vygotskii LS. *Sobranie sochinenii v 6 tomakh. Tom 5, Osnovy defektologii* [Collected works in 6 volumes. Volume 5, Fundamentals of defectology]. Vlasova TA, editor. Moscow: Pedagogika; 1992. 368 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 16.10.2023.
Received by editorial board 16.10.2023.

УДК 130.2:[611.08:004.89]

ТЕХНОЛОГИИ ИНЪЕКЦИОННОГО МИКРОЧИПИРОВАНИЯ В КУЛЬТУРЕ БИОХАКИНГА

Т. М. СМОЛИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Раскрыта тема биохакинга как одного из направлений философии трансгуманизма и как культурного явления, включающего конвергентные технологии в целях совершенствования биологических качеств человека. Поднята культурологическая проблема использования персональных данных личности в технологиях микрочипирования. Рассмотрен спектр внедрений этих технологий в культуру биохакинга, а также прогнозы и последствия процессов, которые обуславливают унификацию (гомогенность) мирового развития и могут привести к единению цивилизационного прогресса, т. е. целостной цивилизации, и потере каждым человеком чувства собственной уникальности и прав на личную жизнь.

Ключевые слова: биохакинг; конвергенция; технологии; конвергентные технологии; микрочипирование; инъекционное микрочипирование; бионика; трансгуманизм; постчеловек; люди-киборги; иммортализм; искусственный интеллект; нанотехнологии; холизм; геновая инженерия; экотоксичность.

INJECTION MICROCHIPING TECHNOLOGY IN BIOHACKING CULTURE

T. M. SMOLIKOVA^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts,
17 Rabkarawskaya Street, Minsk 220007, Belarus

The theme of biohacking as one of the directions of transhumanism philosophy and cultural phenomenon, including convergent technologies to improve human biological quality is revealed. The culturological problem of using personal data of a person in microchipping technologies is raised. The spectrum of implementation of these technologies in the culture of biochipping is considered, as well as forecasts and consequences of the processes that condition the unification (homogeneity) of world development, which can lead to the unity of civilisational progress, i. e. integral civilisation, and the loss of each person's sense of his own uniqueness and rights to personal life.

Keywords: biohacking; convergence; technology; convergent technologies; microchipping; injectable microchipping; bionic; transhumanism; posthuman; cyborg humans; immortalism; artificial intelligence; nanotechnology; homism; genetic engineering; ecotoxicity.

Образец цитирования:

Смоликова ТМ. Технологии инъекционного микрочипирования в культуре биохакинга. *Человек в социокультурном измерении*. 2024;1:15–24.
EDN: TFQQPL

For citation:

Smolikova TM. Injection microchipping technology in biohacking culture. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2024; 1:15–24. Russian.
EDN: TFQQPL

Автор:

Татьяна Михайловна Смоликова – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры межкультурных коммуникаций и рекламы факультета культурологии и социально-культурной деятельности.

Author:

Tatiana M. Smolikova, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of intercultural communication and advertising, faculty of cultural studies and social and cultural activities.
smolikova@tut.by

Введение

Темпы развития технологий за последние 20 лет значительно ускорились. За этот период им удалось охватить около 50 % населения развивающихся стран¹ и внедрить технологии в финансовую, образовательную, коммуникационную, промышленную и другие сферы жизнедеятельности человека. С начала XXI в. технологии стали более персонализированными для каждого индивида, даже если его интересы и сфера деятельности напрямую не связаны с ними.

Персонализированные данные, получаемые на основе технологий цифровой идентификации, являются коммерческой информацией, представляя интерес для научно-исследовательских и маркетинговых корпораций. Детализация сведений о пользователе позволяет работать с конфиденциальной информацией, оставляя при этом открытыми вопросы правомерного использования такой информации и защиты данных.

На мировом рынке лидерами, занимающимися исследованиями биометрических технологий и технологий цифровой идентификации на основе искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения, считаются 36 зарубежных компаний, например организации «TECH5. Inc» (США), «IDEMIA» (Франция), «ASSA ABLOY» (Швеция), «NEC Corporation» (Япония) и др. Коммерческий оборот рынка биометрических систем на 2022 г. оценивается экспертами в 43 млрд долл. США. По прогнозам к 2027 г. данный показатель достигнет 83 млрд долл. США, а среднегодовой рост составит 14,1 %².

В Беларуси разработками эффективных вычислительных методов для актуальных задач биологии и медицины занимается Институт генетики и цитологии Национальной академии наук³, который является ведущим научно-исследовательским центром страны в области генетики и биотехнологий. Фундаментальные исследования этого учреждения, которые востребованы в реальном секторе экономики, направлены на разработку и внедрение современных ДНК-технологий для генетической паспортизации человека, растений и животных⁴.

Аналитики считают, что динамика внедрения биометрических систем в здравоохранение, финансовую и другие сферы будет стимулировать спрос на технологии цифровой идентификации в ближайшем будущем. Технологии последнего десятилетия все больше стали применяться для усовершенствования биологических качеств человека, что сказа-

лось на появлении их различных направлений, например биохакинга.

Биохакинг, как проект искусственного управления эволюцией человека, стремится стать частью его ежедневной культуры. Он основан на концепции трансгуманизма – осознанного взлома организма человека (его физических, анатомических, психологических и других характеристик). С помощью биотехнологий, а также ДНК- и чип-технологий идеология биохакинга пропагандирует появление нового постчеловека.

Исследования биохакинга включают применение конвергентных технологий, т. е. нано-, био- и инфотехнологий и когнитивных технологий. Термин «конвергентные технологии» ввели в 2002 г. М. Роко и У. Бэйнбридж в отчете «Конвергирующие технологии для улучшения природы человека» («Converging technologies for improving human performance») (см.: [1, с. 97]). Данные технологии не только совершенствуют природу человека, но и выполняют социальный заказ, например, на рождение будущего поколения с определенным набором генетически заданных параметров (пол, цвет глаз и кожи и т. д.), изменяя физические и ментальные характеристики и параллельно устраняя возможные наследственные заболевания.

НБИК–конвергенция является важнейшим условием формирования принципиально новой технологической базы цивилизации, основанной на воспроизведении систем и процессов живой природы в виде технических систем и технологических процессов. Специалисты считают, что создание НБИК-технологий в перспективе позволит превратить технологическую сферу человечества в органическую часть природной среды. Для этого сегодня разрабатываются интеллектуальные микроприборы, например инъекционные микрочипы, с помощью которых можно получать разного уровня данные о пользователе. Эта синергия между живым организмом и техникой становится, с одной стороны, перспективным направлением бионики (этот термин ввел в 1958 г. американский военный врач Дж. Э. Стил), представляющим гибридные системы, которые объединяют биологическую и инженерную части кибернетического организма (киборга), а с другой стороны, проблемой с точки зрения информационной безопасности человека. Инъекционное микрочипирование, как инструмент (или метка) с набором биометрических

¹Последствия использования цифровых технологий // Орг. Объед. Наций : сайт. URL: <https://www.un.org/ru/un75/impact-digital-technologies> (дата обращения: 30.08.2023).

²Biometric systems market // Market and Markets : site. URL: https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/next-generation-biometric-technologies-market-697.html?gclid=Cj0KCQjw0tKiBhC6ARIsAAOXutm2SCSzhIz9IWL-r0CPXH10XvuBdW3VXUvPV5LZSP7u-4eu7nuPLPYaAsdqEALw_wcB (date of access: 01.09.2023).

³ГНУ «Институт генетики и цитологии Национальной академии наук» : сайт. URL: <https://igc.by/ru/main-ru/> (дата обращения: 20.09.2023).

⁴Прикладные разработки [Электронный ресурс]. URL: <https://igc.by/wp-content/uploads/2016/07/Прикладные-разработки.pdf> (дата обращения: 20.09.2023).

данных о человеке, позволяет отслеживать на протяжении определенного времени био- и инфоизменения, не задумываясь о возможной биологической дискриминации и этико-правовых нормах носителя микрочипа, а также о риске стать жертвой бионических киберпреступников. В связи с этим культура биохакинга, которая включает конвергентные тех-

нологии, недостаточно рассмотрена в научной литературе.

Цель статьи состоит в анализе понятий и видов инъекционного микрочипирования, основанных на технологиях цифровой идентификации и возможности их применения в относительно новом, набирающем популярность направлении – биохакинге.

Обзор дефиниций, теоретические подходы к исследованию проблемы

Инъекционное микрочипирование подразумевает подкожное вживление импланта – электронного устройства человеческого микрочипа. Он позволяет человеку сенсорно взаимодействовать с окружающей его личной и общественной техникой (смартфонами, ноутбуками, электронными замками, финансовыми системами общественного транспорта, точками общепита и т. д.). Кроме того, инъекционное микрочипирование служит цифровым удостоверением личности, т. е. его цифровым идентификатором, обеспечивающим онлайн- или офлайн-верификацию и объединяющим биометрические параметры владельца удостоверения с цифровым паспортом. Под цифровой идентификацией понимается инструмент проверки личности, который подтверждает подлинность ее данных и предоставляет возможность осуществлять различные транзакции в цифровой или реальной среде.

Формирование культурной идентичности в цифровом пространстве подразумевает процесс включения человека в неустойчивые интернет-сообщества и его взаимодействие с внепространственными и вневременными средами, где интуитивно и рефлексивно он связывает внутреннюю инвентаризацию с амбивалентным характером информации и коммуникациями.

Понятие «цифровая идентификация» соотносится сегодня с новым явлением – биохакингом, основанным на трансгуманизме, т. е. философии, подразумевающей модификацию тела человека через улучшение его умственных и физических характеристик, которые способны сохранить здоровье и продлить жизнь. Человек не есть конечное звено эволюции. В результате научно-технического прогресса, который может остановить старение, болезнь и страдание, формируется постчеловек.

Осмысление данной концепции представлено в трудах европейских и американских (Г. Е. Кебник [2], П. К. Наяр [3], К. Скиннер [4], Ф. Фукуяма [5], Ю. Хабермас [6], М. А. Энгельгард [7] и др.), россий-

ских (И. С. Буйнякова⁵, В. С. Стёпин [8], В. В. Трофимов⁶, И. Т. Фролов [9], Б. Г. Юдин, В. Г. Борзенков, С. М. Малков [10] и др.) и белорусских (Т. И. Адуло, О. А. Павловская [11], В. К. Савченко [12], Я. С. Яскевич и ее коллеги⁷ и др.) исследователей.

Крайне отрицательно и резко против философии трансгуманизма и биохакинга выступают представители церкви. Так, В. Ю. Катасонов в сборнике очерков, посвященных творческому наследию святителя Николая Сербского, выдающегося православного мыслителя XX в., считает, что сатанистский лозунг «Сотворим нового человека!» призывает к «зачистке» примитивных форм человека. Автор рассматривает идею полного сращивания сознания человека с компьютером и превращения его в биоцифрового киборга и считает ее безумием.

Игумен Виталий дал следующую характеристику данному явлению: «Трансгуманизм бросает вызов Богу. По сути, предполагается, что сверхлюди сами станут богами, а Творец и Создатель им будет не нужен. Трансгуманисты не верят в Бога, они исходят из чисто рациональных убеждений» (цит. по [13, с. 599–600]).

В концепцию реализации трансгуманизма входят следующие компоненты:

- иммортализм (лат. *immortalitas* – бессмертие) – доктрина с идеологией достижения неограниченного долголетия человека;
- ИИ – технологии распознавания чувственного психоэмоционального и поведенческого состояния человека;
- нанотехнологии – совокупность методов исследования, анализа и синтеза, поддерживаемых на атомном и молекулярном уровнях [14].

Сегодня в данную концепцию входит и биохакинг (рис. 1) как культурное явление, пропагандирующее принятие технологий усовершенствования человека, а именно внедрение искусственного, технического в природное, биологическое (пересадка искусственных органов и кожи, вживление имплантов, соединение живых клеток с искусственными и т. д.)⁸.

⁵Буйнякова И. С. Проблема совершенствования человека в советских проектах 20-х гг. XX века и современном трансгуманистическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. Белгород, 2020. 23 с.

⁶Трофимов В. В. Человекообразность науки и культурные парадоксы трансгуманизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. Белгород, 2018. 23 с.

⁷Основы биоэтики : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений по мед. и биологич. спец. / Я. С. Яскевич, С. Д. Денисов, Б. Г. Юдин [и др.]. Минск : Вышэйш. шк., 2009. 350 с.

⁸Трансгуманизм // Рамблер/доктор : портал. URL: <https://doctor.rambler.ru/news/42194705-slovar-predprimatelya-transgumanizm/> (дата обращения: 14.09.2023).

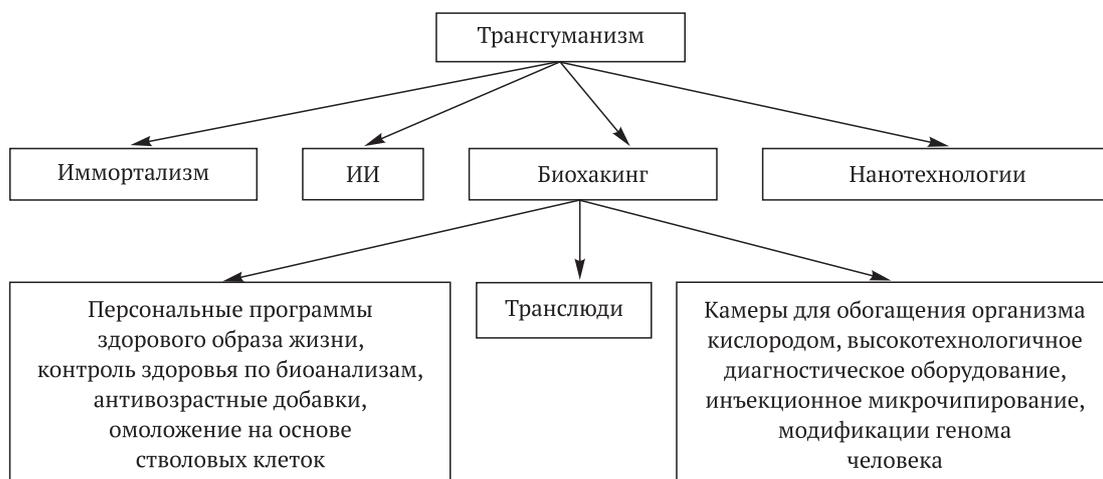

Рис. 1. Биохакинг в системе трансгуманизма
 Fig. 1. Biohacking in the system of transhumanism

Концепция трансформации тела человека (устранение процессов старения и предупреждение болезней в целях долгожительства) существовала в истории человечества с давних времен. Стремительное развитие технологий в XX в. позволило более предметно подойти к данной идее.

Предлагая новые формы разума, сторонники трансгуманизма и иммортализма считают возможным бесконечное существование человека в так называемом цифровом (машинном) виде. Человеческое тело по многим показателям является крайне эффективным компьютером. Для переноса и обработки данных оно использует ДНК и ее сложную химию. Применяя естественные процессы, которые тело использует для «считывания» и записи генетической информации, исследователи смогли выполнять вычисления с помощью ДНК. В частности, уже демонстрировался специальный компьютер (в формате используется термин «конечный авто-

мат»), построенный на основе ДНК [15, с. 102]. Некоторые специалисты предсказывают, что «человек “уйдет в машину”, это будет его “позитивная смерть” как некая новая форма существования» [16, с. 65].

Американские специалисты М. Роко и У. Бэйбридж говорили об эволюционном значении этих технологий, где под научным иммортализмом понимают синтез биологических и социальных подходов для изменения природы человека и человеческого общества. Сегодня на фоне все более набирающих обороты волн научно-технологических революций научное познание трансформируется в технонауку. Естественный мир наполняется искусственными созданиями био- и нанотехнологий, где синкретизируются технические и живые системы [17] (рис. 2).

Другая точка зрения проблемы природы человека в техном мире основана на том, что если будущие достижения биологии смогут изменить разум, то это приведет к исчезновению самого человека. Унич-

Рис. 2. Направления использования конвергентных технологий
 Fig. 2. Direction for using convergent technologies

тожая все этические рамки, вторжение в природу человека превратит его в киборга, потенциально превосходящего самого человека [18, с. 86].

По мнению Х. Херца и Г. Херца, технологии – это теоретическое и практическое средство оформления жизни человека [19]. С их помощью человек подчиняет себе природное и социальное окружение, а также глобальный разум и поведение в условиях энергетических материальных и информационных потоков. Исследователи утверждают, что «...с развитием информационных технологий связь между техникой и материальными артефактами оказалась достаточно односторонней, так как информация

служит для людей идеальным техническим средством, которое действует поверх языка... Информационные технологии – это технологии сознания. Для трансгуманизма это выливается в утверждение, что в будущем мы превратимся в гибрид человека и машины» [19, с. 292].

Для оптимального развития общества технологии рассматриваются как инструмент, способный трансформировать сознание массового человека, где законы природы будут вторичны, а медицинские, экологические, социальные и культурные программы будут реализовываться, опираясь на высокотехнологичные интеллектуальные системы.

Инъекционное микрочипирование в культуре биохакинга: спектр внедрений

Биохакинг возник в 1998 г. в США, когда группа молодых исследователей в домашних лабораториях проводила эксперименты по улучшению своего здоровья и продлению жизни. Так стало формироваться культурное направление, последователей которого с каждым годом становится все больше. Радикальные приверженцы данной культуры сегодня имплантируют микрочипы, пытаются изменить ДНК, другие последователи биохакинга соблюдают здоровый образ жизни, включая в систему оздоровления анализы и медикаменты.

Культура биохакинга широко популяризируется в информационном поле и распространяется в научно-популярных изданиях, в которых авторы рассматривают эффективные практики по перестройке и раскрытию потенциала человеческого организма в соответствии с конвергентными технологиями.

Так, например, американский исследователь Д. Эспри предложил программу «прокачки» организма, которая позволит любому человеку, следящему за своим здоровьем, улучшить работу мозга [20].

Практикующий врач О. Совиярви, специалист по цифровизации Т. Арина и эксперт по питанию Я. Халметоя на основе собственных практических работ и исследований раскрыли способы усовершенствования исходных данных человека с точки зрения здоровья и долгожительства [21]. Российский эксперт К. Б. Заболотный рассматривал биохакинг с точки зрения системы поддержки иммунитета и здоровья человеческого организма [22].

Белорусские и российские специалисты (В. К. Савченко, П. Д. Тищенко, Я. С. Яскевич и др.) продемонстрировали результаты осмысления развития биомедицинских, геномных и информационных технологий, способных определять и прогнозировать факторы динамики социальных изменений, – создание нового биологического вида (транс- и постчело-

века) на основе конвергентных технологий. Выводы работы говорят о целесообразном использовании новых биомедицинских и геномных технологий для предупреждения и лечения наследственных и иных заболеваний, а также для повышения эффективности деятельности человека [23].

Механизмы получения конфиденциальных данных продолжают совершенствоваться. Одним из последних нововведений, активно распространяемых в разных странах, является инъекционное микрочипирование человека, имплантируемое подкожно с уникальным идентификационным номером пользователя. Городская среда или сельские населенные пункты, магистрали и транспорт, а также личные гаджеты являются средствами по сбору массива информации и работе с ним. Возможность использования большого объема данных в миниатюрных устройствах привела исследователей к разработке микрочипов – интегральных схем, массовое производство которых было начато в 1961 г. Высокая стоимость не позволяла пользоваться ими в выпуске бытовой техники, поэтому основными направлениями их применения стали космические спутники, авиационная и военная промышленность. В 1964 г. в результате снижения стоимости микрочипов с 18 долл. США до 50 центов они начали активно применяться в бытовой и медицинской технике. Особую востребованность они получили в 1971 г. с появлением калькулятора [24]. Технология микрочипирования человека была апробирована в 1978 г. при оказании помощи слепому пациенту⁹. С 1998 г. британский ученый К. Уорвик стал использовать их в быту (открытие дверей в доме, включение света и т. д.). Первые безопасные для человека инъекционные микрочипы (размер составил 12 × 12 мм) были представлены в 2018 г. компанией «VivoKey Technologies Inc.» в биостекле для биткойн-операций. Первый имплант

⁹Advantages and disadvantages of microchips in humans // MyAyan : site. URL: <https://www.myayan.com/advantages-and-disadvantages-of-microchips-in-humans> (date of access: 30.08.2023).

вошел в историю науки и сегодня хранится в Музее науки в Лондоне¹⁰.

Многие специалисты видят в развитии биочипов перспективное будущее. Так, в 2019 г. фонд известного американского предпринимателя Б. Гейтса профинансировал изобретение невидимого пластыря с микроиглами, вживляемыми под кожу человека для сбора медицинской информации. В 2020 г. американский инженер И. Маск реализовал эксперимент по вживлению микрочипа в мозг свиньи в целях разработки межмозгового интерфейса для людей¹¹.

Современные эксперименты с инъекционным микрочипированием направлены на сбор и анализ сведений не только о здоровье пользователя, но и о его геолокации, уровне активности, платежеспособности и интересах. Инъекционное микрочипирование, как радиочастотное идентифицирующее удостоверение личности, соотносится с внешней постоянно пополняемой базой данных, оно позволяет отслеживать перемещения человека в социокультурной среде, совершаемые им действия, которые связаны с работой, покупками, отдыхом и развлечениями.

Знаменитые спортсмены (теннисист Н. Джокович, футболисты Т. Бреди и К. Рональдо) для поддержания спортивной формы и достижения высоких результатов в совокупности с правильно подобранным образом жизни используют современные технологии биохакинга, например камеры с высоким давлением для обогащения крови кислородом, антивозрастные добавки, вибрирующие методики для улучшения гибкости мышц. На основе индивидуальных интеллектуально-технологических исследований разрабатываются персональные программы спортивного режима с контрольными маркерами¹². Биоанализы, образ жизни и систему

тренировок контролирует высокотехнологичное диагностическое оборудование, аккумулирующее конфиденциальные сведения о человеке на основе его физиологических и иных данных.

Американский специалист по компьютерным системам, последователь биохакинга Д. Эспри написал несколько книг, посвященных данному явлению [25–27]. С помощью системы биохакинга автор рассчитывает дожить до 180 лет. По его словам, в 2021 г. он потратил более 2 млн долл. США на введение стволовых клеток. Обязательными действиями являются ежедневный прием биодобавок (более 100 видов), соблюдение строгой диеты, купание в инфракрасном свете, использование кислородной камеры и специальных линз при работе с компьютером и во время пребывания в самолете¹³.

По мнению белорусского исследователя В. К Савченко, в концепции биохакинга, которая стремится нарушить законы природы, технологии, основанные в том числе на модификациях генома здоровых людей в целях искусственного усиления их физических и интеллектуальных способностей в будущем, могут спровоцировать генетическое неравенство и привести к эпохе постгуманизма [23, с. 8].

Геномные технологии могут использоваться для создания людей-киборгов, которые обладают улучшенной памятью и способностями быстро решать более сложные задачи (проблемы), они могут оптимизировать качество сна при его ограничении по времени, выработать стрессоустойчивость, помочь избежать депрессию, раскрыть творческие способности (в живописи, музыке и др.), повысить устойчивость к болезням и в итоге увеличить продолжительность жизни человека. Но насколько необходим биохакинг, в реальности которого будут жить технологически измененные люди-аватары или киборги?

Прогнозы и возможные последствия развития технологий для человечества

Технологии, как новые средства господства современности, могут в ближайшем будущем создать людей-киборгов. Готово ли общество к появлению аватаров – нового вида людей, созданных посредством технических новаций и геной инженерии?

Немецко-американский ученый, профессор Массачусетского технологического института Дж. Вайценбаум предостерегает о возможности потери каждым человеком чувства личной уникальности, собственных прав на жизнь и гражданских свобод [28].

Технологические системы могут полностью контролировать людей: микродатчики, встроенные в тело человека, будут не только следить за его физиологическим развитием, здоровьем, психикой, эмоциональным состоянием, динамикой способностей, но и предлагать решения вопросов и проблем, возникающих в его жизни.

Известный американский изобретатель и футуролог Р. Курцвел предсказал, что к 2099 г. «больше не будет четкого различия между людьми и компью-

¹⁰Unforgettable security key // VivoKey Technologies Inc. : site. URL: <https://vivokey.com/flex/> (date of access: 01.09.2023).

¹¹Microchip implant (human) // Wikipedia : site. URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/Microchip_implant_\(human\)#Digital_identity](https://en.wikipedia.org/wiki/Microchip_implant_(human)#Digital_identity) (date of access: 06.09.2023).

¹²Три уровня биохакинга. Как можно снова стать 18-летним за \$2 млн в год // Хабр : сайт. URL: <https://habr.com/ru/companies/first/articles/714940/> (дата обращения: 01.09.2023).

¹³Start hacking your way to increased productivity and results // Dave Asprey : site. URL: <https://daveasprey.com/> (date of access: 15.09.2023).

терами (перевод наш. – Т. С.)» [29, р. 293]. Трансгуманизм, как популярная философия начала XXI в., подготавливает сегодняшнее поколение к целостной цивилизации – хомизму, который выступает «процессом, обуславливающим унификацию (гомогенность) мирового развития через экспансию западных стереотипов, которые могут привести к “целостной цивилизации”» [30, с. 348]. Термин «хомизм» обозначает единение цивилизационного прогресса на основе реализации западноевропейских ценностей.

Нелегальное вмешательство в геномную инженерию и торговля человеческими органами на черном рынке для трансплантации с миллиардными оборотами вызывают озабоченность у специалистов не только с точки зрения права и этики данной проблемы, но и с позиции генетических последствий. Международные наблюдатели считают, что более 40,8 млн людей находятся в условиях рабства, а незаконный рынок трансплантологии оценивается в 600 млн долл. США. Больше всего преступлений, связанных с незаконной пересадкой органов, совершаются на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии [31]. Также подобные преступления есть в странах, где сегодня ведутся военные действия, например в Сирии, Украине, Сомали, Судане и др. На фоне удовлетворения спроса на органы открывают биолaborатории, где занимаются в том числе трансплантологией.

В научной литературе можно встретить термин «экоотоксичность» [32, с. 250], который связан не только с загрязнением окружающей среды химикатами,

вызывающими эндокринные нарушения, или металлами, ионизирующими излучением и некоторые пестициды. В трансплантации зараженные органы способны вызывать наследуемые генетические изменения, повышая риски болезней, дисфункций и летального исхода. Эти изменения могут включать в себя наследуемые мутации в геноме, передаваться от поколения к поколению. Так люди продолжают генерировать экотоксичность.

Для так называемых экотоксичных людей технологии биохакинга могут иметь спекулятивный характер. Заведомо предсказуема лояльность клиента к таким коммерческим предложениям, а инъекционное микрочипирование как технология контроля за уровнем здоровья может стать обязательной.

Тем не менее аналитический обзор мирового рынка биочипов, проведенный американской компанией «Data Bridge Market Research»¹⁴, прогнозирует его увеличение на 14,22 % к 2028 г. (рис. 3).

Среди стран, где биоисследованиям уделяется пристальное внимание, доминирует Северная Америка, которая планирует использовать инъекционное микрочипирование для решения социальных проблем, связанных с увеличением стареющего населения, ведением неправильного образа жизни и, как следствие, растущим уровнем сердечно-сосудистых заболеваний. Также для Азиатско-Тихоокеанского региона (Китая и Индии) прогнозируется быстрое развитие отрасли медико-биологических наук при низких затратах на инфраструктуру и рост биотехнологических и фармацевтических исследований в регионе¹⁵.

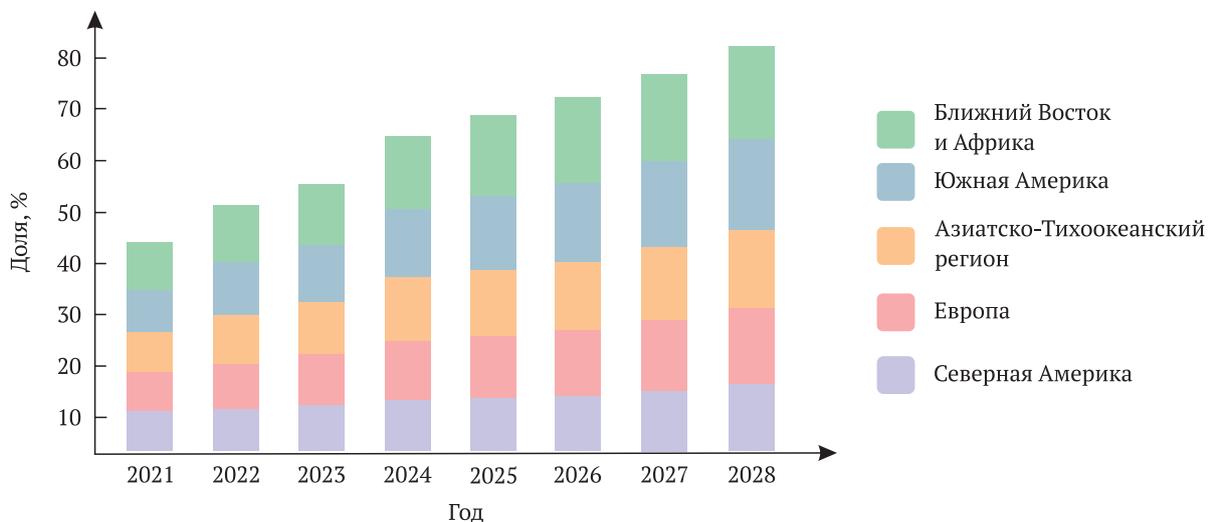

Рис. 3. Прогнозы развития мирового рынка биочипов в регионах с 2021 по 2028 г.

Источник: <https://www.databridgemarketresearch.com/reports/global-biochips-market>

Fig. 3. Forecasts for the development of the global biochips market in regions from 2021 to 2028.

Source: <https://www.databridgemarketresearch.com/reports/global-biochips-market>

¹⁴Global biochips market. Industry trends and forecast to 2028 // Data Bridge Market Research : site. URL: <https://www.databridgemarketresearch.com/reports/global-biochips-market> (date of access: 30.09.2023).

¹⁵Ibid.

Заключение

Как культурное явление и одно из направлений философии трансгуманизма биохакинг связан с совершенствованием физиологических, интеллектуальных и эмоциональных способностей людей, выходом человека за пределы нынешнего уровня развития за счет инновационных достижений науки и технологий с перспективой увеличения периода его жизни.

Конвергенция, будучи взаимопроникновением нано- и биотехнологий и наук, а также информационных и когнитивных наук и технологий, является важнейшим условием формирования принципиально новой технологической базы цивилизации, основанной на воспроизведении систем и процессов живой природы в виде технических систем и технологических процессов [33, с. 60].

Удешевление и микронизация технологий позволяют использовать микроприборы, например инъекционные микрочипы, которые могут содержать большой объем персональных данных и анализировать их, контролировать (через набор параметров) как уровень здоровья и биохарактеристики пользователя, так и его социальную жизнь.

Амбивалентность отношения к биохакингу как явлению, формирующему культуру постжизни и постчеловека, где человек эволюционирует в совершенную форму самого себя (Ф. Ницше), продолжает развиваться. Интерес к технологиям, способным радикально трансформировать и «настроить» жизнь людей (ее продолжительность, уровень здоровья человека, его эмоциональное, ментальное восприятие и т. д.), считается актуальным и охватывает широкий спектр проблем в научной литературе.

Сегодня сверхразумные машины и технологии способны через искусственный перенос генов усилить физические, ментальные и физиологические признаки обыкновенного человека. Прорывные разработки, с одной стороны, дают надежду людям, страдающим из-за нарушений и болезней, с другой стороны, поднимают вопросы безопасности и регулирования данной деятельности в соответствии с этическим положением декларации ЮНЕСКО¹⁶ и другими международными правовыми актами. Исследование данной темы продолжается, а результаты позволят и дальше прогнозировать эволюционное развитие человека, возможно, уже в едином цивилизационном прогрессе.

Библиографические ссылки

1. Прайд В, Медведев Д. Феномен NBIC-конвергенции: реальность и ожидания. *Философские науки*. 2008;1:97–116.
2. Kaebnick GE. *Humans in nature: the world as we find it and the world as we create it*. Oxford: Oxford University Press; 2014. 198 p.
3. Nayar PK. *Posthumanism*. Cambridge: Polity Press; 2014. 183 p.
4. Скиннер К. *Цифровой человек: четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого*. Сивченко О, переводчик; Щеглова К, редактор. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2019. 304 с.
5. Фукуяма Ф. *Наше постчеловеческое будущее*. Москва: АСТ; 2008. 349 с.
6. Хабермас Ю. *Будущее человеческой природы*. Хорьков МЛ, переводчик; Солдаткина ЕМ, редактор. Москва: Весь мир; 2002. 144 с.
7. Энгельгард МА. *Прогресс как эволюция жестокости*. Минск: Беларуская энцыклапедыя; 2006. 608 с.
8. Стёпин ВС. *Эпоха перемен и сценарии будущего: избранная социально-философская публицистика*. Москва: Институт философии РАН; 1996. 174 с.
9. Фролов ИТ. Особенности научно-технической революции в «век биологии» и проблема человека. В: Белкина ГЛ, редактор. *Новое в науках о человеке: к 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова*. Москва: ЛЕНАНД; 2015. с. 15–25.
10. Юдин БГ, Борзенков ВГ, Малков СД. *Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке*. Юдин БГ, редактор. Москва: Прогресс-традиция; 2007. 364 с.
11. Адуло ТИ, Павловская ОА. *Человек в условиях социальных трансформаций: философско-антропологический анализ*. Минск: Белорусская наука; 2006. 310 с.
12. Савченко ВК. *Геном человека: эволюция, технологии, этика*. Минск: Белорусская наука; 2022. 379 с.
13. Катасонов ВЮ. *О судьбах народов и человечества. Очерки, навеянные трудами святителя Николая Сербского*. Платонов ОА, редактор. Москва: Кислород; 2019. 640 с.
14. Луков ВА. Трансгуманизм. *Знание. Понимание. Умение*. 2017;1:245–252. EDN: YJXIFP.
15. Ратнер М, Ратнер Д. *Нанотехнология: простое объяснение очередной гениальной идеи*. Москва: Вильямс; 2004. 240 с.
16. Кутырев ВА. Последнее искушение человека. В: Белкина ГЛ, редактор. *Человек и его будущее. Новые технологии и возможности человека*. Москва: URSS; 2012. с. 58–71.
17. Roco M, Bainbridge W. Overview converging technologies for improving human performance. In: Roco M, Bainbridge W, editors. *Converging technologies for improving human performance* [Internet]. 2013 [cited 2023 September 15]. Available from: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-94-017-0359-8_1.
18. Семирухин ЛВ. Нанотехнологии и сознание. *Философские науки*. 2008;1:80–96. EDN: IJOQTN.
19. Херц Х, Херц Г. Трансгуманизм: станет ли человек будущего аватаром? В: Фролова МИ, редактор-составитель. *Новое в науках о человеке: к 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова*. Москва: ЛЕНАНД; 2015. с. 285–302.
20. Эспри Д. *Биохакинг мозга. Проверенный план максимальной прокачки вашего мозга за две недели*. Пономарева Е, переводчик. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2018. 72 с.

¹⁶Всеобщая декларация прав человека : принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г. Конвенция Содружества Независимых Гос-в о правах и основ. свободах человека, Минск, 26 мая 1995 г. Минск : Дикта, 2013. 27 с.

18. Semirukhin LV. Nano-technologies and mentality. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2008;1:80–96. Russian. EDN: IJOQTN.
19. Kherts Kh, Kherts G. Transhumanism: will man of the future become an avatar? In: Frolova MI, editor and compiler. *Novoe v naukach o cheloveke: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I. T. Frolova* [New in the human sciences: on the 85th anniversary of the birth of academician I. T. Frolov]. Moscow: LENAND; 2015. p. 285–302. Russian.
20. Asprey D. *Biokhaking mozga. Proverennyi plan maksimal'noi prokachki vashogo mozga za dve nedeli* [Biohacking the brain. A proven plan for maximising your brain power in two weeks]. Ponomareva E, translator. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2018. 72 p. Russian.
21. Sovijärvi O, Arina T, Halmetoya Ja. *Biokhaking: rukovodstvo po raskrytiyu potentsiala organizma* [Biohacking: a guide to unlocking the potential of the body]. Moscow: Alpina publisher; 2020. 532 p. Russian.
22. Zabolotnyi KB. *Razumnyi biokhaking Homo Sapiens: fizicheskoe telo i ego zakony* [Intelligent biohacking Homo Sapiens: the physical body and its laws]. Moscow: AST; 2018. 304 p. Russian.
23. Savchenko VK. *Chelovek, biotekhnologii, bioetika* [Man, biotechnology, bioethics]. Saint Petersburg: Moya stroka; 2021. 172 p. Russian.
24. Levin A. [Microchip: the scheme that changed the world]. *Techinsider* [Internet]. 2020 [cited 2023 August 30]. Available from: <https://www.techinsider.ru/technologies/12456-mikrochip-skema-izmenivshaya-mir/#:~:text=In%20November%201963%20was,up%20to%2018%20dollars%2050%20cents>. Russian.
25. Asprey D. *The bulletproof diet: lose up to a pound a day, regain energy and focus, and improve your life*. New York: Rodale books; 2014. 320 p.
26. Asprey D. *Superhuman: a bulletproof plan to age backwards and maybe even live forever*. New York: Harper Large Print; 2019. 560 p.
27. Asprey D. *Smarter, not harder: a biohacker's guide to getting the body and mind you want*. New York: Harper Wave; 2023. 320 p.
28. Weizenbaum J. *Computer power and human mind: from judgements to calculations*. San Francisco: W. H. Freeman; 1976. 300 p.
29. Kurzweil R. *The age of spiritual machines. When computers will surpass human intelligence*. London: Penguin Books; 2000. 388 p.
30. Los' VA. [Anthropocentric dimension of globalism]. In: Belkina GL, editor. *Novoe v naukach o cheloveke: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I. T. Frolova* [New in human sciences: to the 85th anniversary of the birth of academician I. T. Frolov]. Moscow: LENAND; 2015. p. 340–351. Russian.
31. Petrov I. [Climb not in your body: how the world traffic of black transplantology is arranged]. *Izvestiya* [Internet]. 2019 [cited 2023 September 16]. Available from: <https://iz.ru/854493/ivan-petrov/lezt-ne-v-svoe-telo-kak-ustroen-mirovoi-trafik-chnoi-transplantologii>. Russian.
32. Schrader-Freschette K. [Stop the environmental damage to children and future generations]. In: Belkina GL, editor. *Novoe v naukach o cheloveke: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I. T. Frolova* [New in human sciences: to the 85th anniversary of the birth of academician I. T. Frolov]. Moscow: LENAND; 2015. p. 250–257. Russian.
33. Smolikova TM. [Convergent nano-, bio-, info- and cognitive technologies (NBIC) as the basis of transformation of modernity]. In: Gavrilenko VG, editor. *Imperativy tvorchestva i garmonii v proektirovanii chelovekomernykh sistem. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 15–16 noyabrya 2012 g.; Minsk, Belarus'* [Imperatives of creativity and harmony in the design of human systems. Materials of the International scientific conference; 2012 November 15–16; Minsk, Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2013. p. 59–60. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.10.2023.
Received by editorial board 16.10.2023.

МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

WORLD AND NATIONAL CULTURE

УДК 008:304.4

НОВЫЕ ФОРМЫ ДИАЛОГА ВЛАСТИ С ИСЛАМСКОЙ КУЛЬТУРОЙ ВО ФРАНЦИИ

Г. П. КУДЕЛИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрен процесс построения взаимоотношений государственной власти во Франции с представителями мусульманского населения страны. Отмечены инициированные государством попытки институализации ислама, раскрыты причины их несостоятельности. Проанализирован новый этап поиска приемлемых для обеих сторон форм диалога, выраженный в создании новой структуры – Форума об исламе во Франции. Усмотрена особая роль для развития коммуникации на тему ислама во Французском институте исламологии, деятельность которого должна инспирировать развитие французского ислама, не конфронтирующего с ценностями Франции. Показано, как изменилась культурная политика государства, перешедшего от воздействия во внешне регулятивной форме на мусульманское население к определению общих ценностей и инициированию критической рефлексии (через науку и образование) норм и обычаев внутри исламских традиций.

Ключевые слова: ислам во Франции; исламология; государство и ислам; культурная политика.

Образец цитирования:

Куделич Г.П. Новые формы диалога власти с исламской культурой во Франции. *Человек в социокультурном измерении*. 2024;1:25–31.
EDN: UBHJUZ

For citation:

Kudzelich HP. New forms of dialog of authorities with Islamic culture in France. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2024;1:25–31. Russian.
EDN: UBHJUZ

Автор:

Галина Петровна Куделич – старший преподаватель кафедры романо-германских языков международной профессиональной деятельности факультета международных отношений.

Author:

Halina P. Kudzelich, senior lecturer at the department of Romano-Germanic languages for international professional activities, faculty of international relations.
kudelich@bsu.by

NEW FORMS OF DIALOG OF AUTHORITIES WITH ISLAMIC CULTURE IN FRANCE

H. P. KUDZELICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the process of building the relationship between the state authorities in France and representatives of the Muslim population of the country. The attempts to institutionalise Islam initiated by the state are noted, and the reasons for their failure are revealed. The author analyses a new stage in the search for forms of dialogue acceptable to the parties, expressed in the creation of a new structure – the Forum of Islam in France. The author sees a special role for the development of communication on Islam in the establishment of the French Institute of Islamology, whose activities should inspire the development of French Islam, not confronting the values of the French Republic. It shows how the cultural policy of the state has changed from an externally regulative form of influence on the Muslim population to a process of defining common values and initiating a critical reflection (through science and education) of norms and customs within Islamic traditions.

Keywords: Islam in France; Islamology; state and Islam; cultural policy.

Введение

В научном сообществе принято пояснять понятия, прежде чем изложить результаты исследования того или иного предмета или феномена. По этой причине, когда во французской прессе стали обсуждать создание новой образовательной структуры «Французский институт исламологии» (*French Institute of Islamology*), возник закономерный вопрос о содержании последнего термина в ее названии. Стоит ли его переводить как исламология (по аналогии, например, с политологией или филологией) или нужно воспользоваться принятым в русскоязычном сообществе термином «исламоведение»? Во французском языке достаточно языковых средств, чтобы обозначить массив знаний по исламу. Но знание положений ислама, пусть и во многообразии его куль-

турных и этнических проявлений, не тождественно построению аналитических концепций, затрагивающих неприкосновенные до сих пор положения из мусульманской догматики. Очевидно, что термин «исламология» выбран неслучайно. По мнению автора данной статьи, новый институт создан для более амбициозной цели, чем поддержка и развитие изучения ислама (декларированные цели), – инициирования реформационных процессов внутри ислама как ответа на культурную политику в отношении ислама.

Для защиты этого тезиса необходимо сделать небольшой экскурс в историю построения отношений французской государственности и мусульманского общества.

Институализация ислама во Франции

Мусульмане жили на территории Франции не одно десятилетие, исчисление уже можно вести столетиями. С увеличением количества населения, исповедующего ислам, осознающего свои гражданские права и выдвигающего требования к государству, появилась необходимость построения диалогового взаимодействия по ряду волнующих общественность вопросов. Более того, возникновение на мировой арене политического ислама¹ во многом заострило внимание на противоречиях, которые вскрылись в ходе соседства представителей разных культур и вероисповеданий.

Ряд ученых, оставаясь исследователями в рамках своей предметной области (будь то социология, этнография, политология или др.), рассматривали различные аспекты этой темы и отмечали все более нарастающую напряженность во французском обществе из-за внешне выраженного проявления

религиозности со стороны определенной части населения, верного тем или иным мусульманским традициям. Об этом подробно писали российские ученые Е. И. Филиппова [1], Б. Н. Долгов [2] и Е. Б. Деминцева [3], однако их работы касаются периода до 2020 г. В то же время 2022 и 2023 годы в силу интенсивности изменений в данной области можно считать знаковыми годами для нового формата взаимодействия светского государства и религии.

Некоторые аспекты современного положения исламских течений в Европе отражены в работах по политологии А. И. Шумилина [4] и А. В. Чистякова [5]. Эти труды обращены к изучению вопросов о борьбе с сепаратизмом и внешним идеологическим влиянием, в частности со стороны движения «Братья-мусульмане», на мусульманское сообщество Франции. Автор настоящей статьи рассматри-

¹Под политическим исламом в данной работе понимается использование ислама для легитимации политической деятельности в целях преобразования государства в соответствии с принципами ислама (синоним исламизма).

вал инструментализацию темы ислама в социокультурном ландшафте современной Франции [6; 7].

Для понимания логики происходящего в контексте темы настоящей статьи необходимо схематично обозначить основные моменты в государственной политике по отношению к исламу в диахронии.

Свою осязаемую и общественно явленную форму применительно к исламу политика Франции стала обретать после Первой мировой войны, в которой участвовало много солдат – выходцев из колоний, испытывающих потребность в удовлетворении своих религиозных запросов в условиях кризисного времени. Сначала негативно принятая идея построения мечети в Париже нашла своих сторонников в правительстве, и в 1920 г. началось ее строительство в самом центре столицы Франции.

В 1926 г. состоялась церемония торжественного открытия Великой парижской мечети в присутствии президента Франции Г. Думерга и султана Марокко М. Юсефа, а также «других важных лиц, представляющих интересы и амбиции Франции в отношении мусульманского мира»² [8, р. 34]. По мнению Я. Бару, мечеть, возглавленная лояльным к французскому правительству человеком, фактически стала проводником государственной политики в Африке и на Ближнем Востоке [8]. Именно по этой причине в среде иммигрантов, особенно из Алжира, возникла оппозиция Великой парижской мечети, а также активизировалась образовательная деятельность улемов³, что имело свое каталитическое влияние на возникновение войны между Францией и Алжиром.

Вторая половина XX в. стала периодом интенсивного распространения ислама, в том числе радикальных его течений, за пределы традиционных для мусульман территорий проживания. Во Франции на волне недовольства мечетью в иммигрантской среде возникает альтернативное движение снизу, инспирированное движением «Братья-мусульмане». Однако параллельное существование «фасадного» благополучного ислама в *верхах* и в подверженных традиционалистскому влиянию *низах* некоторое время не вызывало беспокойства.

Последняя четверть XX в. в целом стала поворотным периодом для всей мировой общественности, включая как политические и экономические, так и культурные и религиозные потрясения. Иранская революция, политические притязания ислама, нефтяной кризис, распад Советского Союза, становление глобализованного рынка, миграция населения, проницаемость границ и в конечном счете цифровизация внесли свой ощутимый вклад не только в отношения на мировой арене, они оказали значительное влияние на внутреннюю социокультурную и, как следствие, политическую ситуации

отдельно взятых государств, даже напрямую в них не вовлеченных.

В результате если не тотального крушения старых идеологий, то их дискредитации возникла ситуация конкуренции ценностных систем. Именно это обстоятельство, как предположил Ж. Кепель, послужило толчком для возникновения политического ислама [9]. Движения ваххабитов, салафитов и джихадистов, подвергнутые гонениям и репрессиям с момента их возникновения, стали завоевывать себе приверженцев в иммигрантской среде европейских государств (Франция была одной из первых). Болезненная история взаимоотношений Франции и Алжира во многом способствовала распространению идей радикального ислама, эксплуатирующего колониальную историю и «играющего» на неприятии политики верхов со стороны простого населения.

С 1980-х гг. во Франции возникают крупные ассоциации мусульман, такие как Союз исламских организаций Франции (1983 г., с 2017 г. имеет название «Мусульмане Франции») и Национальная федерация мусульман Франции (1985 г.). Первая была сторонником идей движения «Братья-мусульмане», вторая настораживала правительство и мусульманский немарокканский мир своей тесной связью с консульской службой Марокко. Потому эти крупные организации, очень активные в своей деятельности, не смогли стать репрезентативными органами ислама, поскольку не привлекли внимания большинства мусульманского населения, весьма разнообразного этнически и культурно. Очевидно то, что взгляды мусульман на такие острые вопросы, как равноправие, организация культовой практики и внешнее выражение религиозности, невозможно было привести к общему знаменателю.

С учетом усиливающегося влияния внешних акторов на настроения в среде молодежи и распространения исламистской идеологии французское правительство не раз предпринимало попытки выстроить организованную форму взаимодействия с представителями мусульман, собрав их в рамках единой институции. Работу по институализации довел до завершения правивший в то время президент Н. Саркози, который в 2002 г. создал Французский совет мусульманского культа (ФСМК).

ФСМК пытались придать иерархическую структуру, связав его с региональными советами мусульманского культа. Эта структура создавалась как выборная и включала 200 членов генеральной ассамблеи и 41 член совета администрации. В 2003 г. прошли первые голосования, в результате которых организации получили следующее количество голосов: Союз исламских организаций Франции – 32 % голосов

²Здесь и далее перевод наш. – Г. К.

³Улемы (араб. عالم – знающий, ученый) – мусульманские теологи, высшее сословие богословов и законовевов в странах распространения ислама.

в совете (и лишь 8 из 22 мест в региональных советах), Великая парижская мечеть – 15 % голосов, Национальная федерация мусульман Франции – 40 % голосов, а турецкие союзы – всего 5 % голосов [8, p. 49]. Эти цифры, по мнению Я. Бару, хорошо иллюстрируют внутренние противоречия мусульманского неоднородного сообщества, подчинившие ФСМК противостоянию трех основных партий, представители которых являлись фактически аффилированными к консульствам Алжира, Марокко и Турции, тем самым дискредитируя работу ФСМК в глазах основной массы французских мусульман. Самое трагичное, что ФСМК не смог оказать должного влияния на молодежь, сильно соблазняющуюся радикальной риторикой. Это подтвердил сам президент ФСМК Д. Бубакер, говоря о том, что он не мог достучаться до общин, в особенности до молодых⁴.

С 2015 г. после волны трагических терактов вновь вставал вопрос о реформировании ФСМК в целях повышения его репрезентативности. Однако конкретных шагов за этим не последовало. Фактически за 20 лет своего существования ФСМК так и не стал надежной представительной структурой для решения вопросов на государственном уровне.

Тем временем ислам вновь не только оказался инструментом в политической борьбе внутри страны, но и получил прямое влияние на положение Франции на мировой арене. На заявление Э. Макрона в 2020 г. о праве французов на богохульство в выступлении в память о теракте в ночном клубе «Батаклан» (2015) реакция мусульманского мира была столь сильной, что потребовала оправдания со стороны французского президента по этому поводу [6]. По мнению автора настоящей статьи, эти события стали толчком для реализации собственной политики со стороны кабинета Э. Макрона. Главной целью государственного определения места ислама в республике была названа борьба с сепаратизмом и коммунитаризмом, способствующими радикализации населения, в первую очередь молодежи.

Программа была обозначена в феврале 2020 г. на пресс-конференции в Мюлузе⁵. Ее основными моментами были борьба против иностранного влияния в местах культа и в образовательных структурах, лучшая организация мусульманского культа в стране, борьба с исламистским сепаратизмом и коммунитаризмом, а также усиление роли Франции в социально-экономическом контексте.

За декларацией о намерениях последовали конкретные шаги со стороны правительства. В школах упразднили факультативы на арабском, содержание которых невозможно было контролировать. По итогу переговоров в январе 2021 г. представителям ФСМК была предложена для подписания Хартия принципов ислама во Франции. В тексте постулировалось, что законы Франции и ислама не противоречат друг другу, обязанностью каждого гражданина является соблюдение законов страны. Кроме того, осуждались мизогиния и использование религиозной аргументации в политических целях, декларировалось равное достоинство женщин и мужчин, прописывалась недопустимость распространения информации и литературы, вызывающих ненависть и насилие.

Этот текст был расценен как своего рода присяга верности французским властям и изначально был встречен в штыки, тем не менее большинство членов ФСМК его подписали, за исключением лишь двух турецких федераций. По этому поводу ученый Ф. Фрегози сделал пророческое замечание: не столько идея создания хартии, «сколько манера ее исполнения и способ ее насаждения»⁶ вызвали отторжение у французских мусульман. Разработка этого документа верхами без привлечения основной массы исповедующих ислам, как декларировал ученый, еще больше раздробит и без того фрагментированный мусульманский мир⁷. Кроме того, правительство поставило ФСМК задачу по разработке плана борьбы с внешним влиянием на мусульман Франции, в частности через создание национального совета имамов. Однако внутренние конфликты парализовали его активность, после чего последовал раскол.

Новый формат взаимодействия государства с представителями мусульманских сообществ

Министр внутренних дел Ж. Дарманен в ответ на кризисное положение ФСМК сказал о том, что

совет изжил себя и нужна новая структура для диалога прежде всего с мусульманами-французами⁸.

⁴CFCM: l'adieu amer de Boubakeur // Le Point : site. URL: https://www.lepoint.fr/societe/cfcm-l-adieu-amer-de-boubakeur-29-06-2015-1940807_23.php#11 (date de la demande: 25.06.2023).

⁵Macron E. Protéger les libertés en luttant contre le séparatisme islamiste // Élysée : site. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/18/protoger-les-libertes-en-luttant-contre-le-separatisme-islamiste-conference-de-presse-du-president-emmanuel-macron-a-mulhouse> (date de la demande: 25.06.2023).

⁶«Charte des principes» de l'islam de France: «un texte pondu d'en haut pour le bas» // France 24 : site. URL: <https://www.france24.com/fr/france/20210119-charte-des-principes-de-l-islam-de-france-un-texte-pondu-d-en-haut-pour-le-bas> (date de la demande: 25.06.2023).

⁷À quoi sert la Charte des principes de l'islam de France? // La Croix : site. URL: <https://www.la-croix.com/Debats/A-quoi-sert-Charte-principes-lislam-France-2021-04-04-1201149264> (date de la demande: 25.06.2023).

⁸Le CFCM dénonce les propos de Gérald Darmanin sur la «mort» de l'institution représentante du culte musulman // Ibid. URL: <https://www.la-croix.com/Religion/Le-CFCM-denonce-propos-Gerald-Darmanin-mort-linstitution-representante-culte-musulman-2021-12-13-1201190036> (date de la demande: 25.06.2023).

Он также заявил: «Мы глубоко убеждены в том, что французский ислам касается исключительно Франции и мусульман-французов»⁹.

Так, было анонсировано создание Форума об исламе во Франции, первое заседание которого состоялось 2 февраля 2022 г. Особенность этого форума состоит в том, что к нему получили доступ представители территориальных единиц, а не только главы крупных ассоциаций. Заседания форума являются завершающим этапом после проведенных в регионах территориальных собраний с участием префектов и мусульманских лидеров, в ходе которых обозначаются вопросы для обсуждения и подходы к ним. Согласно определениям правительства в число участников форума могут войти главы местных общин, квалифицированные местные деятели, предложенные префектами (например, капелланы, люди, вовлеченные в мусульманскую веру и общественную жизнь, и т. д.), а также «представители национальных ассоциаций или деятели, известные своей независимостью и вдумчивостью»¹⁰. Последний пункт заслуживает особого внимания, поскольку позволяет привлечь к совещательному процессу любого квалифицированного человека, владеющего темой, без обязательного членства в мусульманских объединениях. Важно заметить, что участники форума не получают в нем долговременное членство, оно может быть однократным. Так государство пытается противодействовать монополизации при вынесении решений.

По замыслу властей, такой формат взаимодействия должен вдохнуть новую жизнь в парализованный ранее диалог с мусульманским населением. И государство в рамках новой институции собирается стать активным участником процесса. Совершенно очевидно, что учрежденный 2 февраля 2022 г. Французский институт исламологии, упомянутый Э. Макроном на пленарном заседании форума в честь его первой годовщины, является частью государственной программы по созданию французского ислама. Глава Франции считает необходимым удвоить усилия для развития академической работы по исламологии, которой придается огромное значение в «борьбе с обскурантизмом»¹¹.

Французский институт исламологии включает в себя восемь образовательных структур (высшие

школы и университеты), объединенных предметом ислам и исламская культура. На его официальном сайте исламология презентуется как «научное исследование вероучительных систем, знаний и практик, свойственных различным направлениям, которые составляют мусульманскую религию»¹². В разделе о наполнении дисциплины написано: «Изучение текстов, речей, практик, институций и деятелей ислама составляет ядро тех исследований, для успешности которых следует учитывать наработки других дисциплин: филологических, лингвистических, литературных, философских, исторических, юридических и социальных наук»¹³.

Как следует из изложенного, функция Французского института исламологии, по замыслу правительства, – выступить координатором и инициатором исследований в разных научных областях, общим местом для которых является проблематика ислама.

Институт имеет хороший бюджет¹⁴, что позволяет ему предложить финансовую поддержку различным научным мероприятиям: от научных круглых столов, конференций, индивидуальных и коллективных проектов исследования до диссертаций с финансированием трехгодичной работы над темой и др. Обозначены следующие приоритетные темы: изучение ортодоксии и ересей в исламе, их эволюции и связи с другими религиями; история экзегезы Корана во временном и национальном многообразии; исследование исламской литературы, особенно в контексте отражения ей философских взглядов; искусство как отражение исламской духовности; исламское право в его разнообразии; постклассический период ислама; современный ислам в его социальном и культурном выражении; эпистемология востоковедения в критическом ключе.

Среди критериев отбора работ по указанным областям особо отмечен междисциплинарный и компаративистский характер исследований. Отдельная статья предусмотрена для финансирования как переводов текстов на французский и иные языки, так и результатов исследований по теме. Кроме того, есть формат заявки, названной «карт-бланш». Это означает открытость института к разного рода запросам на финансовую поддержку исследовательской деятельности¹⁵.

⁹Darmanin G. Déclaration de M. Gérald Darmanin, ministre de l'intérieur, sur la représentation du culte musulman, à Paris le 5 février 2022 // Vie-publique : site. URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/283686-gerald-darmanin-05022022-culte-musulman> (date de la demande: 28.10.2023).

¹⁰Forum de l'islam de France: une étape nouvelle dans le dialogue entre les pouvoirs publics et le culte musulman // Ministère de l'Intérieur et des Outre-Mer : site. URL: <https://www.interieur.gouv.fr/actualites/communiqués/forum-de-l-islam-de-france-etape-nouvelle-dans-dialogue-entre-pouvoirs> (date de la demande: 28.10.2023).

¹¹Macron E. Discours du Président de la République // Élysée : site. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2023/02/16/reunion-du-forum-de-l-islam-de-france-a-lelysee> (date de la demande: 25.06.2023).

¹²Institut français d'islamologie : site. URL: <https://institut-islamologie.fr/institut-francais-dislamologie/> (date de la demande: 25.06.2023).

¹³Islamologie d'excellence 2023 // Institut français d'islamologie : site. URL: <https://institut-islamologie.fr/pour-une-islamologie-dexcellence-2023/> (date de la demande: 25.06.2023).

¹⁴Des universités françaises s'unissent pour étudier l'Islam // Ibid. URL: <https://institut-islamologie.fr/pour-une-islamologie-dexcellence-2023/> (date de la demande: 25.06.2023).

¹⁵Islamologie d'excellence 2023 // Ibid. URL: <https://institut-islamologie.fr/pour-une-islamologie-dexcellence-2023/> (date de la demande: 25.06.2023).

Нетрудно заметить, что основной темой обозначенных выше проблемных полей выступает именно динамичный характер предмета исследования, при котором внимание уделяется развитию, изменению во времени того или иного феномена и влиянию извне на его становление. Особо подчеркивается, что исследование носит светский характер и должно обладать всей строгостью академической науки.

Таким образом, по мнению автора настоящей статьи, создание Французского института исламологии преследует несколько практических задач. Во-первых, необходимо сформировать солидный корпус научных трудов по вопросам ислама в целях ведения компетентного диалога. Во-вторых, следует доказательно развенчать миф о неизменном характере той или иной традиции (нормы), подаваемой как

священная. В-третьих, рассматривая доктринальное развитие ислама в широком культурном контексте (с исследованием литературы и искусства), нужно лишить исламистскую риторику аргумента об исключительности религиозного измерения ислама в обретенной идентичности. В-четвертых, важно «опубликовать» результаты исследований, чтобы не допустить искажения исторической правды и предотвратить манипуляции. В-пятых, следует дать ход тому, что называется ученым исламом (в академическом смысле). Наконец, необходимо прийти к пониманию того, что представляет и должен представлять собой ислам во Франции, который, может быть, обретет специфические черты французского ислама, ислама, не конкурирующего с ценностями Франции и другими культурными традициями внутри нее.

Заключение

Настоящее исследование является культурологическим, поэтому направлено на распознавание смыслов, отраженных в чертах изучаемого феномена поверх событийной цепочки в том или ином аспекте деятельности людей. Культурная политика государства, которая воплощается в конкретном законодательстве и формах организации коммуникации различных акторов внутри общества, одновременно показывает ценностно-смысловой фундамент конкретного социума и транслирует обществу регулятивно-организующий механизм обеспечения социальной общности. На конкретном примере развития ситуации с попытками институализации ислама во Франции отчетливо проявляется тенденция к изменению характера взаимодействия светского общества с религией, ставшей, в случае с исламом, мощным регулятором и, как следствие, конкурентом в организации общественной жизни. Внешне регулятивная форма воздействия сменилась процессом определения общих ценностей и инициированием критической рефлексии (через науку и образование) норм и обычаев внутри мусульманских традиций.

Автор настоящей статьи не сторонник подхода, квалифицирующего описанное взаимодействие вла-

стей с религией как насильственную секуляризацию ислама. Он усматривает в этом апробацию одной из программ по консолидации общества через процесс (вероятнее всего, болезненный) пересмотра собственных ценностных позиций. Корректировка последних ввиду изменившихся социально-исторических условий является сутью культурного развития общества. Мобилизация академических исследований ислама в разнообразии его культурных традиций и форм презентации их ценностных установок должна исполнить роль катализатора для нового витка исламской саморефлексии (возможно, реформаторской).

Может показаться, что исламология во французском исполнении узурпирует проблемное поле востоковедения. По мнению автора настоящей статьи, исламология – это расширение фокуса исследовательской экспертизы, направленной на имманентные ценностные регулятивы человеческой деятельности внутри традиции. Без учета религиозной составляющей невозможны серьезные исследования как регионов, отмеченных многовековым присутствием той или иной религии, так и современных геополитических процессов на мировой арене.

Библиографические ссылки

1. Филиппова ЕИ. Французы, мусульмане: в чем проблема? *Этнографическое обозрение*. 2005;3:20–39.
2. Долгов БН. Ислам во Франции: мусульмане и светская республика. *Россия и мусульманский мир*. 2016;4:115–131.
3. Деминцева ЕБ. *Быть арабом во Франции*. Москва: Новое литературное обозрение; 2008. 192 с.
4. Шумилин АИ. Франция: республика против «политического ислама» (Часть I). *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2021;1:54–61. EDN: UICZPY.
5. Чистяков АВ. «Мусульмане Франции» и «Братья-мусульмане»: негласное партнерство. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2023;1:169–180. EDN: OLMKIZ.
6. Куделич ГП. Построение светского государства: французский сценарий. В: Минская духовная академия. *Социум и христианство. Материалы V Международной научно-практической конференции; 29–31 января 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Издательство Минской духовной академии; 2021. с. 81–83.
7. Куделич ГП. Ислам и проблематика культурной идентичности в современном обществе (на примере Франции). *Человек в социокультурном измерении*. 2023;1:50–59.

8. Barou Ja. *Islam en France. Islam de France*. Paris: La Documentation française; 2016. 104 p.
9. Kepel G. *La revanche de Dieu*. Paris: Seuil; 1991. 282 p.

References

1. Filippova EI. The French, the Muslims: what's the problem about? *Etnograficheskoe obozrenie*. 2005;3:20–39. Russian.
2. Dolgov BN. [Islam in France: Muslims and the laic society]. *Rossiya i musul'manskii mir*. 2016;4:115–131. Russian.
3. Demintseva EB. *Byt' arabom vo Frantsii* [To be Arab in France]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2008. 192 p. Russian.
4. Shumilin AI. France: republic against «political Islam» (Part I). *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*. 2021;1:54–61. Russian. EDN: UICZPY.
5. Chistyakov AV. «Muslims of France» and «Muslim brotherhood»: unspoken partnership. *Scientific and Analytical Herald of IE RAS*. 2023;1:169–180. Russian. EDN: OLMKIZ.
6. Kudzelich HP. [Building a secular state: the French scenario]. In: Minsk Theological Academy. *Sotsium i khristianstvo. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 29–31 yanvarya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Society and Christianity. Materials of the 5th International scientific and practical conference; 2021 January 29–31; Minsk, Belarus]. Minsk: Publishing house of the Minsk Theological Academy; 2021. p. 81–83. Russian.
7. Kudzelich HP. Islam and the problems of cultural identity in modern society (on the example of France). *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2023;1:50–59. Russian.
8. Barou Ja. *Islam en France. Islam de France*. Paris: La Documentation française; 2016. 104 p.
9. Kepel G. *La revanche de Dieu*. Paris: Seuil; 1991. 282 p.

Статья поступила в редколлегию 15.11.2023.
Received by editorial board 15.11.2023.

УДК 316.72

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ АРХИВНЫЙ ПОВОРОТ И «АРХИВНАЯ ЛИХОРАДКА» БЕЛОРУССКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО СООБЩЕСТВА

А. Б. СОСНОВИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрен концепт архива, который в постмодернизме понимается как упорядоченная, детерминированная властью репрезентация прошлого внутри определенного сообщества. Такой архив имеет недосказанности, пробелы и искажения, что делает прошлое недоступным в некоем объективном виде. Согласно Ж. Деррида современная культура охвачена «архивной лихорадкой», она стремится выяснить, что из событий, идей и явлений прошлого было намеренно или случайно сокрыто. Концептуально «архивная лихорадка» представляет собой выражение такого тренда современной культуры, как ее ориентация на прошлое. В белорусской культуре это проявляется через возрастающее внимание к ее традиционным формам. Сегодня в Беларуси существует фольклорное движение, которое отвечает современным зарубежным глобальным тенденциям. Его представители в «архивной лихорадке» обращаются к утраченным, вытесненным культурным формам (например, традиции любительской фотографии, деревенской непрофессиональной музыки, непрофессиональной живописи на стекле) и исследуют, какое место они занимали в прошлом и как могут быть актуализированы в настоящем.

Ключевые слова: ориентация на прошлое; архив; традиция; белорусская традиционная культура; белорусское фольклорное сообщество.

POSTMODERN ARCHIVAL TURN AND «ARCHIVE FEVER» OF THE BELARUSIAN FOLKLORE COMMUNITY

H. B. SOSNOVIK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the concept of an archive, which is seen in postmodernism as an ordered, power-determined representation of the past within a certain community. This kind of archive is full of ambiguities, lacunas and distortions, which makes the past unavailable in some objective, pure form. According to J. Derrida contemporary culture is gripped by «archive fever», the desire to find out what of the events, objects, ideas of the past was intentionally or accidentally cashed and hidden. Conceptually, this «archive fever» is an expression of such trend of contemporary culture as its orientation towards the past. This tendency is manifested in Belarus as well, in particular, through increasing attention to Belarusian traditional, or folk cultural forms. In today's Belarus there is a folklore movement, which responds to global and foreign tendencies. Its representatives in the «archive fever» turn to the lost, displaced cultural forms (such as traditions of amateur photography, village non-professional music, naive drawings on glass), investigate what place they occupied in the past and how they can be actualised in the present.

Keywords: orientation to the past; archive; tradition; Belarusian traditional culture; Belarusian folklore community.

Образец цитирования:

Сосновик АБ. Постмодернистский архивный поворот и «архивная лихорадка» белорусского фольклорного сообщества. *Человек в социокультурном измерении*. 2024; 1:32–39 (на англ.).
EDN: EZZJIF

For citation:

Sosnovik HB. Postmodern archival turn and «archive fever» of the Belarusian folklore community. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2024;1:32–39.
EDN: EZZJIF

Автор:

Анна Борисовна Сосновик – магистрант кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций. Научный руководитель – кандидат культурологии, доцент Э. А. Усовская.

Author:

Hanna B. Sosnovik, master's degree student at the department of cultural studies, faculty of social and cultural communications.
anya.sosnovik@gmail.com

Introduction

Time, as well as space, is a basic category of philosophy, an attribute of every phenomenon. Reflected throughout the history of ideas it is seen as absolute, universal or as relative, an integral part of the four-dimensional structure of space and time. Although the second understanding, relational, derived from the theory of relativity, is common in the contemporary scientific paradigm, everyday life is imbued with time-universal. It coordinates transport and work schedules, marks births and deaths. However, this externalised order is not something natural, but rather culturally conditioned, varying from community to community.

In W. G. Sebald's novel «Austerlitz» the hero, whose name appears in the title, says: «Time... was by far the most artificial of all our inventions... if Newton really thought that time was a river like the Thames, then... where are the banks of time? <...> In what way do objects immersed in time differ from those left untouched by it? <...> Why does time stand eternally still and motionless in one place, and rush headlong by in another? Could we not claim... that time itself has been non-

concurrent over the centuries and the millennia?» [1]. Austerlitz has complex relationships with time: it has erased his origins, the story of a young Jewish boy taken from Bohemia at the beginning of the war and given up for adoption. But such disbelief in time is a common place in cultural studies. According to H. Arendt, in the first half of the 20th century «totalitarian politics consciously attacked and partially destroyed the very structure of European civilisation» [2, p. 267]. The consequence of this is the post-traumatic fixation on the past that is typical for contemporary culture. Since the 1980s–1990s, there have been a memory boom. The logical result of it was the birth of memory studies as a new interdisciplinary field belonging to critical theory. This discipline emerged from the real need for communities to establish their relationship with the past, to choose a relevant memorial policy, to reflect on the consequences of traumatic events both at the levels of the individual and society. Thus, the present becomes the point where they try to rethink, redescribe the past and find a possible, ghostly future.

The archival turn as a diagnoses of the contemporary culture and a research approach

Memory studies, as well as other areas of cultural studies, integrated the achievements of postmodernism – philosophical, cultural, anthropological thought of the 1960s–1990s. Postmodernism itself was understood by F. Jameson as «an attempt to think the present historically in an age that has forgotten how to think historically in the first place» [3, p. IX]. Moving beyond History becomes both a methodological principle and a diagnosis for contemporary society, where a person exists among the fragments of what can be called history and the past. Postmodernism rethinks the relationship between the past and the present and shows that this interaction is not linear, deterministic, teleological. Time does not move towards any goal, the realisation of a metanarrative. On the contrary, the metanarratives came to an end: the utopias of the future and the myths of the past discredited themselves. Henceforth, history is not perceived as a wholeness and, according to J. Deleuze and F. Guattari, «...we no longer believe in the myth of the existence of fragments that, like pieces of an antique statue, are merely waiting for the last one to be turned up, so that they may all be glued back together to create a unity that is precisely the same as the original unity. We no longer believe in a primordial totality that once existed, or in a final totality that awaits us at some future date» [4, p. 42].

One of the objects examined in postmodernism is the archive, which is a set of elements removed from the past and determining the decisions made in the present.

It can be a state archive or a personal one, ordered and protected or absolutely chaotic at first sight. Anyway, it is not only literal, but also metaphorical, i. e. it explains the transmission of cultural forms of certain community based on the archival principle. In any group, new forms and meanings that appear every second become the past at the same moment, but they have different fates: they continue to be valuable or become instantly obsolete, return in some form to reality or find themselves outside the memory of the present. Cultural objects inside the archive have potential, latent relevance. As A. Assman writes, «they stay in the waiting room of history, because they are waiting to be discovered, that is, to be found, to be chosen, to be noticed, to be interpreted, to be evaluated, to be comprehended»¹ [5, p. 35] Thus, the past is never whole – its echoes, single memories can be lost even when they are on the shelves of cultural archive, because there they can be forgotten or purged away. A. Assman notes that in both real and imaginary «...archive there is “cassation”, filtering. It is carried out by removing objects or their “invisibility” due to search algorithms» [5, p. 38].

But what is the principle behind the archive and who influences the selection of cultural forms within it? According to M. Foucault, the archive is a structure that exists in a particular community in a certain period and makes possible statements, discourses, approaches inside it. The archive belongs to the system of power and knowledge, where power, firstly, defines the category

¹Hereinafter translated by us. – H. S.

of the normal, and secondly, excludes or modifies everything that is different, that provides real or phantom danger, that is outside of classification. The archive also performs the function of limitation and selection: it controls what remains in the cultural memory. At the same time, we cannot cognise the archive in its entirety or create an organised integrity out of it: in other communities it is too vast, and in ours it is incomprehensible. As M. Foucault noted, «it is not possible for us to describe our own archive, since it is from within these rules that we speak, since it is that which gives to what we can say – and to itself, the object of our discourse – its modes of appearance, its forms of existence and coexistence, its system of accumulation, historicity, and disappearance» [6, p. 130].

In order to research the multitude of archives and the principles of their organisation, M. Foucault chose the method of genealogy, or archaeology, continuing the approach of the Annales school² and developing the genealogy of F. Nietzsche. The basis of this methodology is attention to the context in which certain attitudes, patterns and rules originate. Also it recognises that there is no phenomenon that exists in some preordained, pure form. The ideas are not in the air, but they are born in a particular society at a particular temporal and spatial point. That is why it is pointless to look for their original source because it does not exist. As a result, the history of ideas is not a line directed from the root to the future, but a complex curve where «absence is more significant than presence» [7, p. 60], as D. S. Khaustov comments. Holding this position, it is possible to free things, ideas and events, to remove them from history as a general narrative and let them speak for themselves.

J. Derrida saw that the essence of the archive and an indication of its structure are contained in its name, derived from the Greek word «arkhē» meaning «source», «principle». It is a collection of elements united and arranged according to some law, the principle «arkhē». In this way, the ancient Greek archives were organised by a man (archon), who interpreted the documents and stored them in a specially designated area of his house, arkheion. This collection was not random, but rather involved a relationship of power: someone created catalogues, indexes, gave access to the papers, and followed externally established rules. As J. Derrida wrote, «...there is no archive without a place of consignment, without a technique of repetition, and without a certain exteriority. No archive without outside» [8, p. 14]. Archive's elements obeyed the law and pass the selection. As a result, they can be destroyed or privileged, actively used or dusted on archival shelves. The history of an archive is the history of its record, but every text has gaps, unfilled lacunas and always depends on certain cultural conditions.

The desire to find out what was in the gaps and to fill them, J. Derrida called the archive fever (Fr. *mal d'archive*). At the same time a disease, a passion, and an evil (Fr. *mal*), this fever lies between the Freudian Eros and Thanatos. Implying the desire to preserve and immortalise, it kills, firstly, what is immortalised, frozen, turns out to be lifeless, i. e. dead, and secondly, when creating an archive, some elements have to be destroyed and executed. Thus, J. Derrida wrote: «What was concealed? <...> We will always wonder what, in this *mal d'archive*, he (the author of the archive. – H. S.) may have burned. We will always wonder, sharing with compassion in this archive fever, what may have burned of his secret passions, of his correspondence, or of his “life”. Burned without him, without remains and without knowledge. With no possible response, be it spectral or not... without a name, without the least symptom, and without even an ash» [8, p. 63].

Thus, the archive is just an interpretation of what has happened, but not the past itself. Therefore, when interacting with it, the important question is what creates and legitimises the archive, by what laws does it function, how is it interpreted. Who is this symbolic archon, the ancient Greek caretaker of the archive, and why does he have the last word?

Women's studies and queer's studies attempts to conceptualise and literally embody an archive free of power relations. It is based on the return of a silenced past, where only certain social groups were actors of History and all those different from them did not have a voice. As a result, it is possible to create a queer archive, which is «both a museum that presupposes the restoration of justice (return from oblivion) and a collection of ghostly traces of deliberately displaced experience» [9, p. 130], as A. Kondakov notes. However, even these archives are fragmentary, organised according to the principle of selecting the necessary material: something is selected by the author themselves, something turns out to be simply undocumented and unrecorded, and therefore absent from the final collection. A queer archive, according to A. Kondakov, can also represent «a collection of data that says nothing and it is discursively irrelevant until the work of reading and interpreting it begins» [9, p. 138]. Any elements it contains can be interpreted in a variety of ways, based on the position of the beholder, the context, the authority. In any case, the archive of memory is not a random set of elements. The archive is a space that each group strive to order and create on its basis a canon to save sustainability of the community.

The creation of the queer archive as an assemblage, a collection of seemingly randomly placed elements, is one of the methods of contemporary art imbued with an «archival impulse» [10, p. 3], as art historian H. Foster

²The authors of the Annales school (L. Febvre, M. Bloch, F. Braudel, J. Le Goff) rejected the opposition between the spiritual and the material in history. Human beings, inseparably connected with their social context and everyday life, were put in the first place.

considers it. At the same time, the desire to archive is connected with the general orientation of contemporary culture towards the past. According to S. Reynolds, today «...the very people who you would once have expected to produce (as artists) or champion (as consumers) the non-traditional and the groundbreaking – that is the group who are most addicted to the past. In demographic terms, it is the exact same cutting-edge class, but instead of being pioneers and innovators, they have switched roles to become curators and archivists. The avant-garde is now an arriere-garde» [11, p. XIX–XX]. The cultural forms they create are characterised by using ghostly memories, scraps of existing melodies, images and plots, and combining heterogeneous objects into a collection that tells something about the past. They can be filled with direct sound and visual quotes from mass culture, film and television noise effects, the sound and crackle of records, and silenced voices coming from afar. Other works mix different eras and cultures, playing with mass associations. As a result, Barbie and Robert Oppenheimer merge in a unified marketing exaltation, as

if they were equally real in the past³. Also, we have constructions of cultural periods, such as Soviet utopia, the American dream in the 1950s–1960s setting, the European long 19th century, the dark ages and others. However, it is a fantasy about the past, not the past itself.

Thus, contemporary culture is marked by specific «archival fever», a kind of «archival turn». As D. Bachmann-Medick writes, «we can only speak of a turn if in its next formational stage the new research focus shifts from the object level of new fields of inquiry to the level of analytical categories and concepts – in other words, if the potential turn does not merely identify new objects of study, but becomes a tool and medium of knowledge itself» [12, p. 16]. In D. Bachmann-Medick's vision, the turn (interpretive, visual, reflexive, spatial, performative, etc.) means a shift in cultural paradigms and the use of new tools and methodologies to study them. In this case, the archival turn both marks the orientation towards the past in contemporary culture and the possibility of using the archive as a postmodern concept for its study.

Archiving as a practice of the Belarusian folklore community

Orientation towards the past in contemporary culture is global. This trend is visible in Belarus as well, where we can see an interest to the forms of the past, which are contained in cultural and communicative memory. As I. Dubyanetskaya writes, «today in Belarus, as never before, there is a social demand for the study of national identity and for the conscious formation of its moral and conceptual principles» [13, p. 66]. One of the most common approaches is the appeal to Belarusian traditional culture, which manifests the values that define the ethos of culture, has a unique configuration, its own codes. It is the origin of Belarusianness (fenomen of «belaruskasc'»), that we can understand as a semiotic system, where each sign or symbol refers to the culture of a particular community⁴, according to poststructuralist R. Barthes [14]. On the one hand, Belarusian traditional culture is connected with the territory of the past, so the interest to it can be considered as an expression of the global addiction to the past. But, on the other hand, as any tradition, it is innovative, and therefore it can be the basis for the project of the future.

Belarusian traditional culture is a category that has flexible, movable boundaries. It includes not only archaic forms and samples of everyday rural culture, but also cultural phenomena created through the interaction between village and town, folk culture and mass culture, Belarusians and other ethnoses. It is complemented by post-folklore expressions and exists in this form in the

present. Nevertheless, as S. Stureika writes, «...heritage is not artefacts, but processes unfolding around them... We propose to consider heritage as a dynamic communicative system, which is absolutely not fixed on materiality and folklore» [15, p. 40]. When we talk about heritage, what matters is not only its essence, but also its role in the culture of a particular community. It is important how it is transmitted, why it is preserved, what value it has in the present. Tradition is based on the succession of forms, so the essential question is how this continuity is supported, what social institutions take on this function, and most importantly, how civic initiative arises.

Today, the transmission of Belarusian traditional culture involves state institutions, public initiatives, cultural and educational projects, and art. Traditional knowledge and practices are also used by citizens who preserve their cultural identity by referring to the culture of the past. The basis of folklore clubs, public associations and initiatives forms the Belarusian folklore community, which has deep cultural roots. It continues the Belarusian national revival periods at the turn of the 19–20th centuries and 1980s–1990s. As E. Darashevich wrote, it is «a folklore movement densely “mixed” on the symbiosis of social movements, academic research and cultural innovations» [16, p. 15], which corresponds to today's European context. Its participants consciously incorporate elements of Belarusian traditional culture into their everyday life and see value in them.

³The films «Barbie» (2023, directed by G. Gerwig) and «Oppenheimer» (2023, directed by Ch. Nolan) were released at the same time and were actively promoted through social media (and the promotion of «Barbie» also involved collaborations with brands and celebrities). A high attention to both movies generated a number of memes comparing the bright fictional world of film «Barbie» to the grim reality of film «Oppenheimer», where the fear of nuclear war is an everyday experience.

⁴R. Barthes has written about French culture, but in this case we can apply his conception to Belarusian culture.

They organise and attend folklore events and ethnographic expeditions, communicate with the tradition bearers, use traditional practices, and study Belarusian local customs. According to A. Leshkevich, they «try to preserve authenticity in all the areas (songs, dances, costume, other crafts) and strive to recreate them as accurately as possible» [17, p. 29].

The research of the Belarusian folklore community included in-depth semi-formalised interviews with its representatives (sample size is 20 people). The language of each interview was Belarusian, while this article offers translations into English. The interviews were encrypted in order to ensure anonymity and security, so all informants were numbered sequentially, which is reflected in the paper.

Based on the interviews and observations, it can be noted that the Belarusian folklore community is diverse and somewhat closed, although its boundaries are flexible. Its representatives do not belong to any particular organisation, but live in different places and are not always aware of the existence of each other and of the movement in general. One interviewee described her journey into the community like this: *I felt that I was the one who had to gather these sheep, the interested people. I didn't know that it existed even without me at a high level. Even when I imagined it, I thought I was the only one who was so strange* (informant no. 5). Although the community actively expresses itself through various events and artistic practices, there is no information about it on the surface and, based on the participants' experience, they learnt about everything by accident. Often those who could potentially join simply have no access to this information. As a result, the Belarusian folklore movement, as the respondent notes, is *here, nearby, among us... but we don't realise it... it's like a wave* (radio wave. – H. S.) *that you have to pick up* (informant no. 5).

When comparing the Belarusian folklore community with others existing in neighbouring countries, it is obvious that it is not big. One of the informants described Lithuania and Latvia as follows: *nations of victorious folklore, where folklore has won, has become a part of public urban culture* (informant no. 6). In Belarus, the situation is different, because during the 20th century urbanisation, modernisation, globalisation gradually destroyed the context in which traditional culture existed. Belarus has been more affected by the Soviet influence, as a result, as A. Yaskovich writes, «a lot of national expressions have been forgotten, replaced by the Soviet ones, which imperceptibly turned into the Russian or global» [18, p. 192]. Nevertheless, traditional culture has adapted to the new conditions and survived

until the present day. It exists not only in isolated corners unaffected by external transforming forces, but it is transmitted through family upbringing, education, and promoted by cultural projects and institutions. Although they are definitely not the majority of today's Belarusian population, traditional culture is represented in the cultural and communicative memory. Respondent notes that it is *...something that today is very deep in every person... It is somewhere on that layer, where your village is, where your grandmother is, where the singing and the voices you have heard are* (informant no. 4).

The motives for turning to traditional knowledge and practices are numerous: the social component of tradition, its ritualism and at the same time its naturalness, both collectivity and individuality. It is a way of escapism, a psychological compensation mechanism. However, participation in the folklore movement is not just one of the many activities that form social ties and provide an opportunity for relaxation, release from everyday problems. Practices of traditional culture are specific, because they carry the values of the culture in which they exist, and they are based on the cultural experience of the community and its past. As a result, the action that a person performs at a particular moment turns out to be inherited, repeated after the predecessors. Traditional practices form a ritual, and their reproduction is an act of commemoration. As a result, through the medium of traditional culture, people refer to the family and collective past, interact with it, internalise it and verbalise this experience.

At the same time, informant notes: *There are a number of Belaruses, and each of them has its own relations with the past, its own view of the past, its own lens through which these Belaruses look at the past* (informant no. 12). People who explore and practise traditional elements also develop their own understanding of the past. It is realised as the origin of those elements that are now seen as heritage. This understanding can be visualised in the form of the treasure chest («kufar», «skrynia»⁵). But this archive, formed on the basis of cultural memory, is never complete and whole. In it objects are gradually destroyed, memories disappear together with their bearers. Consequently, the past, as the interviewee characterised it, is *...something we do not have full access to, something that is always covered in mist... We can only try to see into it somehow. The past eludes us* (informant no. 4). Its events are distorted when there are no witnesses left or they are forced into silence. The narrative about the past is always constructed, supplemented, and broadcast in this form further on, where it is also modified. But, according to the informant, *a person is*

⁵Belarusian family prepared well-made wooden chests, called «kufar» or «skrynia» in different regions of Belarus, for the wedding and handed them over to the bride, demonstrating her social status and wealth. The painted chests contained dowry – embroidered tablecloths, towels, and shirts, woven linen fabric, patterned bedspreads, etc. Some families still keep their grandmothers' and mothers' chests with all the textile that remember the touch of their hands. This is a kind of material family archive that informs not only about the past but also about the depth of communicative memory within the family and community. It demonstrates people's attitude to the cultural expressions of the past, the heirlooms.

free to make up some legend (informant no. 19). The past, filled with their own images and those received from the community, is perceived on a personal level, becoming not just a set of facts, but an experience.

But how can we document specific attitudes towards the past and how can we change this lens which the community uses to look at the past events and the preserved heritage? Within the Belarusian folklore community these attempts are also made through cultural projects, and some of them are based on the archival principle. They are both public archives collected together, family archives containing personal stories and artefacts, and author's archives created according to a certain principle and methodology. In them objects, facts and events are taken out of the narrow family, localised circle and placed in a wider context for the purpose of publicity and visibility. In this case H. Foster notes: «These private archives do question public ones: they can be seen as perverse orders that aim to disturb the symbolic order at large» [10, p. 11].

One of such projects «Veha»⁶ collects photographs according to a specific theme from personal, family, and museum archives. The result was the assemblies, which were subsequently published. The collection «Best side» («Najlepšy bok») presented portraits on a background of woven colourful bedspreads. The archive «Maiden evening» («Dziavočy wiečar») showed wedding photos from different decades of the 20th century, the archive «Last photo» («Apošni fotazdymak») conveyed the tradition of photographing a person's last moments, the process of funerals and farewells, and «People of the forest» («Ludzi lesa») collected photos of Belarusians in nature, expressing their attitude to it. They show what needed to be captured and why, and how this immortalisation of the moment took place in a context where photography was not widely available. As H. Foster writes, personal archives «might also point to a general crisis in this social law – or to an important change in its workings» [10, p. 21], i. e. they express cultural change. Each photo here is immersed in a broader context and documents existing rituals, relations with the forest, perceptions of critical points in human life, the role of various objects in everyday life, and so on. Elements of the past taken out of it become, among other things, an artistic statement. Thus, the project creates exhibitions using the collected materials, such as the projects «Let it shine. Beyond Veha photographic archive» (2023, curated by V. Zaluckaja, Poland), «UP-COMING. Belarusian female artists. Dialog between the generations» (2022, curated by M. Hristova and J. Roppel, Germany).

The project «Graj.by»⁷ is based on the methodology of oral history. The aim of this initiative is to research the phenomenon of Belarusian village music, mechanisms of its transmission, and local specifics. The authors are musicians, and they collect materials in ethnographic expeditions, through dialogue with old villagers and musicians' heirs. The interviewee notes: *Everyone is ready to talk about musicians, as well as about the wedding* (informant no. 6). In other words, village music is a theme that during the expedition enlivens any informant and helps to develop the conversation. And at the same time it is related to other research problems, for example, the culture of everyday life, the economic situation of the region, social relations, local customs (dances and rituals). This archive also supports intra-family memory, showing the musicians' descendants the cultural and scientific value of the heritage they possess. It is not just names that are brought back from oblivion, but people and the story of their efforts to bring vibrancy to day-to-day life. It is demonstrated how they learnt music and created communities in difficult economic and social circumstances. Based on the gathered information, the project forms a unique map of Belarus that tells a legendary narrative of the local musical tradition.

Another archival project that helps to rethink the existing ideas about Belarusian culture is project «Vidziki.art»⁸, where the author researches and collects Belarusian non-professional painting on glass⁹. These drawings were abundantly created during the period of urbanisation, when rural culture began to converge with the emerging mass culture. Stained glass drawings were based on templates often by unknown artists or, if it was an icon, on its paper copy. Among the images prevailed those evoking clear, bright emotions: kittens, girls in flowers, birds. As V. Labacheuskaya writes, «...such things carried for the villagers a completely new aesthetic of kitschy beauty, identified with urban life, which became a dream, ideal and role model for the kolkhoz village... Things that were new for the rural interior and so attractive to the villager were bought with the last money or exchanged for food» [19, p. 15]. Even now these kinds of paintings can be found in old villagers' homes or in abandoned houses. The organisation of the archive of these objects has raised many questions in Belarusian art history and ethnography: for example, whether this painting is traditional Belarusian art and whether it is art at all. However, a respondent notes: *Vidziki are an element of traditional culture, but we give them that status. How far do we act as a circle of experts? <...> The question is who creates*

⁶The Belarusian word «veha» corresponds to the English word «a milestone». Here the name of the project absolutely matches its essence and base, where each collected image was a milestone in the life of a particular person and shows the milestones of the nation's history. See: Veha.archive [Electronic resource] // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/veha.archive/> (date of access: 07.07.2023).

⁷Graj.by : site. URL: <https://www.graj.by/> (date of access: 07.07.2023).

⁸Public collection of drawings on glass // Vidziki-art : site. URL: <http://vidziki-art.tilda.ws/about> (date of access: 07.07.2023).

⁹Depending on the region of Belarus, such drawings are called «vidziki» (from Polish *widok* – view) or «malavanki», i. e. «drawings».

the topic, who creates the interest, who collects it... creates significance (informant no. 6). This is how the archive works: it highlights among the multitude of cultural forms only certain ones, selected by the creator of the archive according to a particular principle and having value. However, the archive also influences collective

perceptions, and the more accessible and popular it is, the more actively it affects them. Objects that would have remained unnoticed before gain significance: ethnographers now hunt for them on expeditions, while people look at their familiar, unremarkable home interiors in a new way.

Conclusions

Thus, the appeal to traditional culture, its study, its inclusion in everyday life makes the experience of the past an actual, important part of the present. This allows maintaining the continuity of Belarusian cultural forms, preserving the configuration and independence of Belarusian culture. The informant states: ...our culture has not survived simply because the Lord decided it would. No,

people, were concrete people who did it (informant no. 3). We believe that such people include participants of the folklore movement, who broadcast elements of traditional culture through the creation of archival projects. Although these collections are not free of authorial selection and interpretation, they are meaningful for the community and change its perceptions of the past.

Библиографические ссылки

1. Sebald WG. *Austerlitz* [Internet]. New York: Modern Library; 2002 [cited 2023 July 5]. Available from: <https://static1.squarespace.com/static/5ce3d1e94eeb4800018d761c/t/5f5d75acf54b1d69281f52a4/1599960557567/Austerlitz+WG+Sebald.pdf>.
2. Arendt H. *The origins of totalitarianism*. Cleveland: The World Publishing Company; 2002. 520 p.
3. Jameson F. *Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism*. Durham: Duke University Press; 1991. 461 p.
4. Deleuze G, Guattari F. *Anti-Oedipus: capitalism and schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2000. 400 p.
5. Ассман А. *Забвение истории – одержимость историей*. Хлебников А, переводчик-составитель. Москва: Новое литературное обозрение; 2019. 552 с.
6. Foucault M. *The archaeology of knowledge and the discourse of language*. Sheridan Smith AM, translator. New York: Pantheon Books; 1972. 245 p.
7. Хаустов ДС. *Лекции по философии постмодерна*. Москва: РИПОЛ классик; 2018. 228 с.
8. Derrida J. Archive fever: a Freudian impression. *Diacritics*. 1995;25(2):9–63. DOI: 10.2307/465144.
9. Кондаков А. Квир-архив, ЛГБТ-музей и потерянные мальчики: две версии истории сексуальности. В: Завадский А, Склез В, Суверина К, редакторы. *Политика аффекта: музей как пространство публичной истории*. Москва: Новое литературное обозрение; 2019. с. 123–147. (Серия «Интеллектуальная история»).
10. Foster H. An archival impulse. *The MIT Press*. 2004;110:3–22.
11. Reynolds S. *Retromania: pop culture's addiction to its own past*. New York: Faber and Faber; 2011. 496 p.
12. Bachmann-Medick D. *Cultural turns: new orientations in the study of culture*. Blauhut A, translator. Berlin: Walter De Gruyter; 2016. 312 p.
13. Дубянецкая І. Беларуская этнафілосафія. *Навука і інновацыі*. 2021;218(4):64–66.
14. Barthes R. *Mythologies*. Lavers A, translator. New York: The Noonday Press; 1991. 164 p.
15. Стурейко СА. Наследие как дискурсивный конфликт, заимствование и ритуал. В: Стурейко СА, редактор. *CTRL+S. Европейское наследие*. Вильнюс: Ciklonas; 2022. с. 39–48.
16. Дарашэвіч Е. Выхаваўчы патэнцыял постфальклору. У: Козенка МА, складальнік. *Асоба ў народнай культуры і педагогіцы*. Мінск: ІВЦ Мінфіна; 2016. р. 13–21.
17. Leshkevich A. How folk songs interpretations become a part of invented tradition (Belarusian case). In: Toome H-L, Voolaid P, compilers. *Perception and performativity in arts and culture in the age of technological change. 9th annual conference of the Centre of Excellence in Estonian Studies; 2019 September 5–7; Tartu, Estonia*. Tartu: ELM Scholarly Press; 2019. p. 29.
18. Яскевіч А. Для чаго Беларусі ў XXI стагоддзі сапраўды патрэбна энтавыхаванне? У: Лозка АЮ, Козенка МА, складальнікі. *Традыцыйная культура і дзеці: праблемы энтавыхавання*. Матэрыялы VI Рэспубліканскай навукова-практычнай канферэнцыі; 10 ліпеня 2020 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: ІВЦ Мінфіна; 2020. с. 187–193.
19. Лабачэўская ВА. *Беларускія поспілки і дываны: антрапалогія і мастацтва традыцыйнай рэчы*. Мінск: Беларуская навука; 2022. 286 с.

References

1. Sebald WG. *Austerlitz* [Internet]. New York: Modern Library; 2002 [cited 2023 July 5]. Available from: <https://static1.squarespace.com/static/5ce3d1e94eeb4800018d761c/t/5f5d75acf54b1d69281f52a4/1599960557567/Austerlitz+WG+Sebald.pdf>.
2. Arendt H. *The origins of totalitarianism*. Cleveland: The World Publishing Company; 2002. 520 p.
3. Jameson F. *Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism*. Durham: Duke University Press; 1991. 461 p.
4. Deleuze G, Guattari F. *Anti-Oedipus: capitalism and schizophrenia*. Minneapolis: University of Minnesota Press; 2000. 400 p.
5. Assman A. *Zabvenie istorii – oderzhimost' istoriei* [Oblivion of history – obsession with history]. Khlebnikov B, translator and compiler. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2019. 552 p. Russian.
6. Foucault M. *The archaeology of knowledge and the discourse of language*. Sheridan Smith AM, translator. New York: Pantheon Books; 1972. 245 p.

7. Khaustov DS. *Lektsii po filosofii postmoderna* [Lectures on postmodern philosophy]. Moscow: RIPOL classic; 2018. 288 p. Russian.
8. Derrida J. Archive fever: a Freudian impression. *Diacritics*. 1995;25(2):9–63. DOI: 10.2307/465144.
9. Kondakov A. [Queer archive, LGBT museum and the lost boys: two versions of the history of sexuality]. In: Zavadskii A, Sklez V, Suverina K, editors. *Politika affekta: muzei kak prostranstvo publichnoi istorii* [The politics of affect: the museum as a space of public history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2019. p. 123–147. (Series «Intellectual'naya istoriya»). Russian.
10. Foster H. An archival impulse. *The MIT Press*. 2004;110:3–22.
11. Reynolds S. *Retromania: pop culture's addiction to its own past*. New York: Faber and Faber; 2011. 496 p.
12. Bachmann-Medick D. *Cultural turns: new orientations in the study of culture*. Blauhut A, translator. Berlin: Walter De Gruyter; 2016. 312 p.
13. Dubyanetskaya I. Belarusian ethnophilosophy. *Science and Innovations*. 2021;218(4):64–66. Belarusian.
14. Barthes R. *Mythologies*. Lavers A, translator. New York: The Noonday Press; 1991. 164 p.
15. Stureika S. [Heritage as a discursive conflict, adoption and ritual]. In: Stureika S. *CTRL+S. Evropeiskoe nasledie* [CTRL+S. European heritage]. Vilnius: Ciklonas; 2022. p. 39–48. Russian.
16. Darashevich E. [The educational potential of post-folklore]. In: Kozenka MA, compiler. *Asoba w narodnaj kul'tury i pedagogicy* [Person in traditional culture and pedagogy]. Minsk: IVC Minfina; 2016. p. 13–21. Belarusian.
17. Leshkevich A. How folk songs interpretations become a part of invented tradition (Belarusian case). In: Toome H-L, Voolaid P, compilers. *Perception and performativity in arts and culture in the age of technological change. 9th annual conference of the Centre of Excellence in Estonian Studies; 2019 September 5–7; Tartu, Estonia*. Tartu: ELM Scholarly Press; 2019. p. 29.
18. Yaskievich A. [Why is ethno-education necessary in Belarus in the 21st century?]. In: Lozka AJu, Kozenka MA, compilers. *Tradycyjnaja kul'tura i dzeci: prablemy jetnavyhavannja. Matjeryjaly VI Rjespublikanskaj navukova-praktychnaj kanferjencyi; 10 lipenja 2020 g.; Minsk, Belarus* [Traditional culture and children: problems of ethno-education. Materials of the 6th Republican scientific and practical conference; 2020 July 10; Minsk, Belarus]. Minsk: IVC Minfina; 2018. p. 187–193. Belarusian.
19. Labachewskaya V. *Belaruskija poscilki i dyvany: antropalogija i mastactva tradycyjnaj rjehy* [Belarusian bedspreads and carpets: anthropology and art of traditional things]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2021. 286 p. Belarusian.

Received by editorial board 21.11.2023.

УДК 130.2:74 + 378

ОБОСНОВАНИЕ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ИССЛЕДОВАНИЯ ДИЗАЙНА»

Н. Ю. ФРОЛОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Обращение к исследованию дизайна продиктовано необходимостью осмысления проблем, связанных с изменениями в современной культуре, которая вступила в постиндустриальную эпоху. Подчиненность дизайна общей тенденции трансформаций раскрывается в очевидной многонаправленности и разномасштабности процессов внутри практики дизайна, а также при ее осмыслении и теоретизировании. Изменения, происходящие в дизайне, являются результатом развития цивилизации, они характеризуются полифоничностью практики, расширением и размыванием границ феномена, а также институализацией научной дисциплины. Возрастающий интерес к дизайну со стороны гуманитарных исследований отражает результаты его влияния на общественную жизнь и доказывает его тотальный характер. Процессы такого проникновения можно наблюдать повсеместно в общественной, профессиональной и индивидуально-личностной сферах, поскольку из вида деятельности по оформлению коммуникации дизайн превращается в язык коммуникации, выполняя задачу социально-культурного организатора общественного взаимодействия. Дизайн, будучи компонентом процессов, происходящих в обществе и культуре, подвергается структурным и качественным трансформациям. Развивающаяся практика дизайна и возрастающий интерес к феномену дизайна со стороны исследователей разных областей знаний формируют новые подходы к его изучению и обоснованию, а также актуализируют новую дисциплину, названную «Исследования дизайна» («Design studies»). Актуальность исследования обусловлена необходимостью введения в русскоязычное пространство термина «исследования дизайна», обозначающего новую область науки, которая включает в себя все аспекты дизайн-практики и дизайн-теории. Применение междисциплинарного метода и системного подхода позволило детерминировать исследования дизайна как дисциплину в различных контекстах и отметить актуальность включения русскоязычных ученых в мировые процессы изучения такого сложного и трансформирующегося феномена, как дизайн. Сделан вывод о том, что исследования дизайна представляются расширяющимся и фрагментирующимся пространством. В результате включения в это пространство других дисциплин и часто пограничного положения исследований названная область вполне может считаться междисциплинарной.

Ключевые слова: исследования дизайна; дизайн; культура; высшее образование; контекст; детерминация; дизайн-практика; дизайн-теория; междисциплинарность; дисциплина «Исследования дизайна»; дизайн-образование.

Образец цитирования:

Фролова Н.Ю. Обоснование научной дисциплины «Исследования дизайна». *Человек в социокультурном измерении*. 2024;1:40–48.
EDN: AHLHCK

For citation:

Frolova NU. Justification of the scientific discipline «Design studies». *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2024;1:40–48. Russian.
EDN: AHLHCK

Автор:

Наталья Юрьевна Фролова – кандидат культурологии, доцент; доцент кафедры коммуникативного дизайна факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Natallya U. Frolova, PhD (cultural studies), docent; associate professor at the department of communication design, faculty of social and cultural communications.
frolovanu@bsu.by

JUSTIFICATION OF THE SCIENTIFIC DISCIPLINE
«DESIGN STUDIES»N. U. FROLOVA^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Appeal to the study of design and determination of scientific discipline of design research, dictated by the need to comprehend the problems associated with changes in modern culture, which has entered the post-industrial era. The subordination of design to the general trend of transformation is revealed by the obvious multidirectional and multiscale processes both within the practice of design and in the process of its comprehension and theorising. The transformational processes taking place in design are the result of the general trend of civilisation development and are revealed by the polyphony of practice, expansion and blurring of the phenomenon boundaries, as well as institutionalisation of the scientific discipline. Design as an active participant in the processes occurring in society and culture is subject to structural and qualitative transformations. Developing design practice and a growing interest in the phenomenon of design by researchers from various fields of knowledge form new approaches to its study and justification and actualise a new discipline «Design studies». The growing interest to design on the part of humanitarian studies reflects the results of its influence on social life and proves its total character. The processes of such penetration we can observe everywhere in the public, professional and individual-personal spheres, as from a type of activity on design of communication design turns into a language of communication, performing the task of socio-cultural integrator of social interaction. The relevance of the study is due to the need to introduce the term design research as a new area including all aspects of design practice and design theory in the Russian-speaking space. The application of the comparative method allowed determining the research of design as a discipline in different contexts and noting the relevance of the inclusion of Russian-speaking scholars in the global processes of studying such a complex and transforming phenomenon as design. The main result of the study is the conclusion that design research appears to be a space that can be characterised as expanding and frangible. As a result of the inclusion of other disciplines in this space and the often frontier position of research, design research may well be considered interdisciplinary.

Keywords: design studies; design; culture; higher education; context; determination; design practice; design theory; interdisciplinarity; discipline «Design studies»; design education.

Введение

Стремительное развитие цифрового дизайна, расширение его возможностей и его влияние на ценностные и поведенческие ориентации современного человека радикализировали дискуссию о дизайне. Помимо теоретиков дизайна, в обсуждение вопросов дизайна все чаще стали включаться социологи и психологи, теоретики культуры и искусства, а также представители естественных и технических наук. Отчасти это связано с тем, что современная промышленность столкнулась с недостатком количественных исследований в области проектирования. В поисках новых стратегий развития мировая экономика обратилась к дизайну как исследовательской стратегии, поскольку после длительного периода доминирования парадигмы технического превосходства постепенно приобретает значение парадигма интегративных и междисциплинарных навыков. И здесь происходит открытие дизайна как исследовательской стратегии, так как он является синтезом научного, технического и художественного направлений. Все это создало условия для возникновения интегративной дисциплины «Исследования дизайна», выступающей «зонтичным термином» [1, с. 14] и объединяющей все исследования о дизайне.

В современном культурном пространстве дизайнерский дискурс воспринимается «с точки зрения вербально выраженной ментальности, мировоззре-

ния, создающего особый мир» [2, с. 366]. Узловые понятия, общие для всего художественного дискурса, образуют пять таких концептуальных доменов, как человек, артефакты, бытие, природа и эстетика. В связи с этим возникает необходимость консолидации знаний и анализа практического опыта дизайна в единую систему. Эта ситуация актуализировала формирование и институционализацию новой дисциплины, названной «Исследования дизайна».

В русскоязычном научном пространстве термин «исследования дизайна» был введен Х. С. Гафаровым в статье «Дисциплинарная структура западных исследований дизайна (design studies): проблемы стратификации и таксономии» [1]. Сегодня область знаний, известная как исследования дизайна (*design studies* (в мире), *design research* (в англосаксонском пространстве), *Designwissenschaften* (в немецком пространстве)), становится все более востребованной в различных школах дизайна. Будучи относительно молодой дисциплиной, она является неотъемлемой частью теории и практики дизайна. На протяжении исторического процесса развития дизайна было разработано и накоплено множество исследовательских методов и инструментов как в самом дизайне, так и в смежных дисциплинах, однако их реальное использование в профессиональной практике является скорее исключением, чем правилом. Речь идет не только о так называемых предпроектных

исследованиях, включающих сбор, анализ аналогов решения проблемных ситуаций, всего спектра инструментов и описание характеристик будущего

продукта, но и о прогнозировании ожидаемого результата при взаимодействии человека с дизайн-продуктом.

Методология исследования

Междисциплинарный характер исследования дизайна обусловил необходимость использования теоретико-методологических подходов, а также междисциплинарного подхода. В рамках последнего был применен диахронический метод для выявления социокультурных детерминантов формирования и развития дисциплины «Исследования дизайна». Междисциплинарный подход позволил рассмотреть дизайн в обобщенном виде, генерализируя представление о его статусе в современной культуре.

В работе над исследованием был применен системный метод, с помощью которого дизайн изучен как феномен, обладающий структурной организацией в контексте автономизации и укрепления дисциплины «Исследования дизайна». Системный метод способствовал анализу влияния трансформационных процессов современного общества на изменение статуса дизайна. В данном контексте важной явилась концепция культуругенеза, разработанная А. Я. Флиером¹ и раскрывающая пути

порождения новых культурных форм и их ассимиляции в общественном сознании.

Семиотический метод рассматривает символическую способность дизайна организовывать, интерпретировать и создавать культурные коды. Знаково-символическая интерпретация продуктов дизайн-деятельности осуществлялась в рамках структурно-семиотической концепции, предложенной Р. Бартом [3] и Ч. С. Пирсом [4]. В настоящей работе дизайн изучен в контексте семантического поворота, предложенного К. Криппендорфом [5], который ставил цель создать новый дискурс дизайна.

Посредством методов теоретического моделирования и генетической реконструкции (с учетом исторического опыта и генерализации полученных знаний в процессе дизайн-деятельности) осуществлены поиск и интерпретация фактов и событий для продуктивного определения детерминации изучаемой научной дисциплины «Исследования дизайна».

Условия формирования дисциплины «Исследования дизайна»: мировой контекст

Формированию дисциплины «Исследования дизайна» предшествовала плодотворная научно-теоретическая и практическая работа различных ученых и мыслителей XX в., так или иначе связанных с дизайн-деятельностью.

Во всем мире ведется активная публикационная работа в многочисленных периодических изданиях, тематика исследований расширяется с каждым годом. Выпускаются новые труды, касающиеся различных аспектов исследований дизайна [6–8], и проходят международные конференции, например Международная конференция по истории дизайна и исследованиям дизайна (*International conference on design history and studies*) – одна из самых значимых и представительных конференций в мире в области изучения дизайна. Она является проектом Международного комитета по истории дизайна и исследованиям дизайна (*International committee for design history and design studies*) и проводится каждый год в разных странах мира.

Выход исследований на новый качественный уровень был обеспечен рядом важных факторов. Впервые, с 1980-х гг. в мировом научном пространстве стали проходить различные форумы и конференции по проблемам дизайна. Утверждению дисциплины

содействовал рост числа научных конференций междисциплинарного характера, которые открыли новые направления для изучения. Так, в 2001 г. Миланский технический университет (*Polytechnic University of Milan*) (Милан, Италия) – крупнейший центр исследований в области дизайна – организовал масштабную конференцию «Дизайн-ориентированные исследования», целью которой стало изучение природы, культуры и модели исследований в области дизайна. На данной конференции были обнародованы некоторые результаты докторских диссертаций и обсуждалась стратегия последующих работ. Были поставлены вопросы о том, могут ли исследования основываться на практике или, по крайней мере, включать в себя практику проектирования, могут ли применяться в данных исследованиях общенаучные методологии или должны быть выработаны особые, могут ли специалисты других областей знаний входить в пространство дизайн-исследований и т. д.

Во-вторых, научную и практическую значимость приобрели такие журналы по различным аспектам дизайна, как «Design Issues», «Research in Engineering Design», «Information Design Journal» (США); «CoDesign», «Design Studies», «Design History», «Journal of Design History», «Design Science Journal» (Велико-

¹Флиер А. Я. Культуругенез // Культурулогия. XX век : энциклопедия : [в 2 т.]. Т. 1 / гл. ред., сост. С. Я. Левит. СПб. : Университет. кн., 1998. С. 366–367.

британия); «Pro дизайн» (Беларусь); «International Journal of Design Sciences & Technology» (Франция); «Swedish Design Research Journal», «Artifact: Journal of Design Practice» (Дания); «Arcos», «Estudos em Design» (страны Южной Америки).

В-третьих, во многих странах появились факультеты дизайна с исследовательскими направлениями, а также магистерские и докторские программы. Это способствовало развитию научного осмысления дизайна и расширению исследовательского поля.

В-четвертых, в некоторых странах организованы научные институты и лаборатории, которые также влияют на становление исследований по вопросам дизайн-теории и дизайн-практики: Венский институт дизайн-исследований (*Institute of Design Research Vena*) (Вена, Австрия), Институт дизайн-исследований (*Institute for Design Research*) (Цюрих, Швейцария), Центр дизайн-исследований (*Center for Design Research*) (Осло, Норвегия), Институт дизайн-исследований Мельбурнского королевского техно-

логического университета (*Design Research Institute at Royal Melbourne Institute of Technology*) (Мельбурн, Австралия), Институт экспериментального дизайна и медиакультуры (*Institute of Experimental Design and Media Culture*) (Базель, Швейцария) и др.

Глобальный характер исследований в области дизайн-деятельности подтверждает организованная в 1999 г. Международная конференция по истории дизайна и исследованиям дизайна. За время ее существования в ней приняли участие тысячи исследователей из многих стран мира. Публикация результатов конференции демонстрирует расширение как пространства исследований, так и географии авторов.

В-пятых, на формирование и развитие дизайн-исследований существенно повлияли процессы, происходящие в обществе и культуре: развитие технологий (*digital revolution*), возникновение цифрового капитализма, глобализация экономики и образовательных стандартов. Они обусловили увеличение интереса к феномену дизайна среди исследователей других областей знаний.

Анализ русскоязычного контекста исследований в области дизайна

В то время как во всем мире произошла институализация изучаемой дисциплины и начали разворачиваться активные дискуссии о ней, в русскоязычной научной среде только появляются публикации на эту тему, несмотря на большой интерес научного сообщества к проектным возможностям дизайна и дизайн-мышлению в сфере бизнеса.

Будучи доктором философских наук и работая на кафедре коммуникативного дизайна Белорусского государственного университета, Х. С. Гафаров обратился к проблемам дисциплинарной структуры современных западных исследований дизайна, трансформации дискурса научной дисциплины «Теория и методология дизайна» и открыл для русскоязычного научного пространства наследие и работы К. Кrippendorфа.

В настоящее время, за исключением работ Х. С. Гафарова [1; 9; 10], В. В. Голубева [11] и Н. Ю. Фроловой [12–14], в русскоязычной среде нет публикаций о контексте дисциплины «Исследования дизайна». Такая ситуация обусловлена тем, что исследования в области дизайна сегодня возможны в рамках высшей школы, а в русскоязычной среде, как правило, используются учебные планы и методики советской школы дизайн-образования. В рамках этих учебных планов теория и методология дизайна основываются на логике и структуре материалов Всероссийского научно-исследовательского института технической эстетики и так называемых классиков советского дизайна.

Нельзя сказать, что за последние 20 лет не было публикаций, раскрывающих в той или иной степени природу дизайна, его специфику, проектные воз-

можности и роль в культурных процессах. Их количество небольшое, и они, как правило, представлены диссертационными исследованиями и научными статьями в сборниках материалов конференций.

Однако российские ученые Т. Ю. Быстрова [15], Г. Н. Лола [16–18] и В. В. Чижиков [19] обратили внимание на дизайн как феномен культуры и рассматривали его влияние на культуротворческие и ценностные процессы современного общества. Т. Ю. Быстрова раскрыла многофункциональность и многонаправленность дизайна через концепт вещи, поскольку, «прогнозируя вероятные тенденции развития человека и его предметного мира, дизайнер способен воплощать прогноз в проект, а проект в вещь» [15, с. 111–112], а также прояснила сущностные характеристики современного дизайна через его функциональность. Автор выделила три основные группы функций в соответствии с разницей подходов к пониманию их значения в культуре. Первая группа, связанная с гармонизацией предметного мира с помощью средств дизайна, включает гуманизирующую, организующую, рационализирующую, экологическую и сигнификативную функции. Вторая группа отвечает за гармонизацию бытия человека в культуре и состоит из эстетической, социализирующей, гедонистической функций и функции общения. В третью группу автор включает такие функции дизайна в системе культуры, как актуализирующая, идеологическая и утопическая. Такое рассмотрение функций дизайна существенно расширяет исследовательское поле вопросов, связанных с дизайн-деятельностью.

Г. Н. Лола предложила экзистенциальный подход в изучении дизайна, последовательно разрабатывая

свою концепцию статуса и функций дизайна в пространстве культурных процессов. Она ставила задачу создания философской теории дизайна путем выведения его на уровень экзистенциального понимания. Автор представляла дизайн как «искомое операционализованное понятие границы, которое позволяет увидеть *Dasign*» [17, с. 162]; как некий код, поскольку «это практическое действие, направленное на создание знакового продукта, то есть продукта, воспринимаемого пользователем прежде всего как смысловое образование» [16, с. 225]; как особую коммуникативную практику, потому что «это способ создания общего смыслового пространства, в котором возможна “встреча” двух субъектов – дизайнера и Другого» [18, с. 144]. Раскрывая значимость дизайна и выводя его за пределы определяемых границ, Г. Н. Лола выявила особый статус дизайна в культуре: «Дизайн не только не выводим из других практик, но и, более того, в определенном смысле является более фундаментальным по отношению к ним и причастен не только к быстротекущей повседневности, но и к бытию» [17, с. 109]. Такое утверждение позволило по-иному посмотреть на дизайн исследователям других областей знаний – философии, психологии, социологии, культурологии и т. д.

Особое место в становлении нового подхода к исследованиям дизайна и формированию его влияния на культуротворческие процессы занимает В. В. Чижиков. Ученый рассматривал дизайн через призму ценностных характеристик и определял, что дизайн выполняет «высокую культурную миссию, повышая своими произведениями ценностные характеристики окружающей среды, ассимилируя в себе многофункциональные свойства эстетических, художественных и социальных ценностей культуры» [19, с. 82]. В. В. Чижиков сделал важное заключение: дизайн из инструмента промышленного проектирования перерастает в «культурную универсалию» [19, с. 9], которая интегрируется во все сферы

жизнедеятельности и обеспечивает ценный культуротворческий ресурс материально-вещественной, процессуальной и знаково-информационной самореализации человека. Исследуя дизайн в различных аспектах, В. В. Чижиков пришел к мнению о том, что в современной ситуации сам дизайн позиционирует себя «как особую ценностную социально-художественную форму познания мира, сложившуюся в процессе эволюции культуры, синтезирующую отражение и преобразование индивидуального и общественного бытия» [19, с. 25].

Несмотря на незначительное количество публикаций на тему исследований дизайна, общество интересуется темой проектности и проектного мышления других областей знаний и активно применяет некоторые дизайн-методы в бизнес-процессах. Феномен проектности сформировался во второй половине XX в. в результате работы некоторых теоретиков дизайна, таких как О. И. Генисаретский [20], К. М. Кантор [21], Г. П. Щедровицкий [22] и др. В современном контексте проектность – это термин, который можно интерпретировать как способность субъекта к формированию образа будущего объекта, как ситуацию переноса текста на дистанцированный от него «экран» и как характеристику включенности в различные проективные ситуации. Проектное мышление – это инновационный тип мышления, связанный со способностью субъекта определять не только то, что и как должно быть сделано (проблемный и предметно-преобразующий компоненты), но и то, каким образом это будет сделано (методика, технология), а также прогнозировать функционирование продукта в будущем. Такая ситуация, возможно, сформирует другое отношение к необходимости дизайн-исследований и поспособствует развитию интереса как у преподавателей высшей школы в области дизайн-образования, так и у представителей различных отраслей бизнеса.

Детерминация исследований дизайна

Многие концепции исследований дизайна базируются на осознании того, что в эпоху все более сложных условий для теории и практики дизайна систематические основания для развития академической дисциплины практически отсутствуют. В результате непрекращающейся плодотворной работы ученых разных стран пришли к мнению о том, что исследования дизайна важны для будущего развития как социокультурная или экономически значимая дисциплина, которая не может обойтись без академических инструментов.

Инициатором идеи автоматизации и институализации дизайна и одной из главных фигур в процессе обоснования методологии дизайна является Л. Б. Арчер, который сыграл важную роль во внедрении систематических методов проектирования

в учебную программу промышленных дизайнеров Великобритании. Он обозначил смену парадигмы дизайна от функционалистской парадигмы (форма следует за функцией) к семантическому повороту (отказ от строгой функциональности и рациональности дизайна и поворот к теории семантики продуктов). На сегодня известны две версии этого подхода: популярная в немецком языковом пространстве теория языка продуктов, предложенная представителями Оффенбахской школы дизайна (*Offenbach University of Art and Design*) (Оффенбах, Германия), и англосаксонская теория семантики продуктов, разработанная К. Криппендорфом и его единомышленниками. Еще в 1965 г. Л. Б. Арчер писал о том, что для проектирования важными являются такие шесть этапов, как программирование, сбор данных, анализ, синтез,

разработка и коммуникация, тем самым определив стратегию работы для современных дизайнеров [23].

Формирование дисциплины произошло в первую очередь благодаря деятельности Ульмской школы дизайна (*Ulm School of Design*), которая стала основой исследовательского сообщества, распространившего свои идеи по всему миру. Научное и практическое наследие многих выпускников, в первую очередь Г. Бонсипе и К. Криппендорфа, до сих пор является базой для развития дизайн-исследований во всем мире и ядром современного дискурса дизайна.

Г. Бонсипе писал о двух подходах в исследовании дизайна [24]. Первый подход – это «эндогенное исследование дизайна, т. е. исследование, инициированное спонтанно внутри области дизайна»² [24, р. 32]. Он формируется из конкретного опыта проектирования и часто объединяется с другими подходами в процесс проектирования. Экзогенное исследование дизайна «рассматривает дизайн как объект исследования, а другие дисциплины... как метадискурсы» [24, р. 32]. Такой подход позволил рассматривать практику и теорию дизайна в других дисциплинах, что существенно расширило границы феномена и создало множество различных направлений в исследованиях, например биодизайн (*biodesign*), дизайн бизнеса (*business design*), партисипативный дизайн (*participatory design*), дизайн пользовательского опыта (*user experience design*), дизайн труда (*job design*) и т. д.

Другой выпускник упомянутой школы – К. Криппендорф, видный теоретик дизайна, автор проекта «Наука для дизайна». Эта наука базируется на анализе трех направлений в исследованиях, таких как взаимоотношение науки и дизайна, каталогизация методов дизайна и систематизация дискурса дизайна. Важным трудом автора является книга «Семантический поворот. Новое основание дизайна», посвященная герменевтическому повороту в методологии дизайна, произошедшему в момент перехода от технологически ориентированного дизайна к человеко-ориентированному дизайну [5]. К. Криппендорф разработал собственную систему методов дизайна для постиндустриальной эпохи и предложил свое понимание дискурса дизайна в контексте развития цифрового мира: «Ориентация на человека, сосредоточенность на понимании, которое определяет взаимодействие человека со всеми видами технологий, в том числе с другими людьми, предлагают дизайнерам возможность заново открыть себя» [5, р. 207]. Дизайн интеллектуальных артефактов, изучаемый К. Криппендорфом, предполагает, что парадигма промышленного дизайна (форма следует за функцией) больше не актуальна. Человечество пришло к разработке человеко-размерных интерфейсов в артефактах, которые учитывают персональные требования, что

доказывает переход к человеко-ориентированному дизайну.

Важной фигурой в формировании научного дискурса исследований дизайна является британский ученый, дизайнер и педагог, почетный профессор дизайн-исследований Открытого университета (*The Open University*) Н. Кросс. Он разработал методологию дизайна, выделяя несколько этапов ее развития и провозглашая возникновение «третьего поколения» методологии дизайна» (цит. по [1, с. 20]).

В своем эссе Н. Кросс определил, что знания о дизайне находятся прежде всего в людях, поскольку проектирование – это естественная человеческая способность: «Мы не должны преуменьшать наши способности как дизайнеров: многие из самых ценных достижений человечества являются произведениями дизайна, включая анонимный повседневный дизайн, а также “высокий дизайн” профессионалов» [25, р. 47]. По этой причине одним из непосредственных предметов исследований дизайна должно стать изучение человеческой способности проектировать.

Ключевой фигурой для автономизации и институализации дисциплины «Исследования дизайна» является американский теоретик и историк дизайна М. Марголин, который в конце XX в. предложил новый подход к определению термина «исследования дизайна». Он трактовал его как область научных изысканий, рассматривающую прошлое, настоящее и будущее концептуализации, формообразование, планирование, производство, распределение и функционирование дизайн-продуктов.

Научная дискуссия о проблеме необходимости консолидации теоретических и практических знаний о дизайне началась со статьи М. Марголина [26], опубликованной в 1995 г. Он отмечал, что пришло время разделить историю исследования дизайна и перестать считать культурную антропологию дисциплинарным основанием всех исследований о дизайне, потому что она «лишь одна из устоявшихся областей исследований, в то время как философия техники, общая теория систем, теория культуры не спешат признавать значение дизайна в современной жизни» [26, р. 15]. Эта работа стала началом введения термина «исследования дизайна» в научное и социокультурное пространство для обозначения исследований, связанных с дизайном.

Область рассматриваемой дисциплины представляется довольно обширной. Во-первых, это непосредственно профессиональная дизайн-деятельность и все особенности ее функционирования. Во-вторых, это факторы внешней среды, как влияющие на процессы дизайн-деятельности, так и задающие проблемные ситуации для решения. Х. С. Гафаров писал: «Исследования дизайна рассматривают и проблематизируют статус дизайна

²Здесь и далее перевод наш. – Н. Ф.

в формировании прошлых и настоящих культурных и индивидуальных ценностей в свете того, как эти ценности формируют будущее» [1, с. 15].

Важной чертой самоопределения исследований в области дизайна становится разработка истории дизайна. К началу XXI в. накопилось много исследовательской работы, что дало возможность строить концепции исторического развития дизайн-деятельности. Это привело к формированию отдельной

области исследования – истории дизайна. В высшей школе в процессе преподавания истории дизайна наметился сдвиг от ориентации на историю архитектуры и искусств, в частности декоративно-прикладного искусства, к ориентации на социальную и экономическую историю, что способствовало обогащению дисциплинарного инструментария, формированию понятийного аппарата и укреплению профессиональной терминологии.

Заключение

Дисциплина «Исследования дизайна» не только изучает дизайн-деятельность, но и анализирует ее влияние на существующую реальность и прогнозирует ее развитие. Постепенное усиление исследовательской позиции в вопросах изучения дизайна происходило по мере того, как возникали вопросы анализа семантики процессов, происходящих в культуре. Исследователи пришли к мнению о том, что история дизайна – это всего лишь одна из частей сложного феномена дизайна. «Формирование исследований дизайна как единого исследовательского поля было связано с осознанием необходимости не только изучать и “рассказывать” историю дизайна, но и вести единый диалог о вопросах концепции и планирования продукта, формообразования, производства, распределения и использования в историческом и современном контексте» [1, с. 13].

Рассматриваемая дисциплина представляет одновременно расширяющимся и сегментирующимся пространством. В результате включения в него других дисциплин и в некоторых случаях пограничного положения исследования это пространство вполне может считаться междисциплинарным. Кроме того, в исследованиях дизайна используются процедуры и методы других дисциплин, поэтому их можно назвать мультидисциплинарными [1]. А так как эти исследования, особенно в последнее время, объединяются с другими дисциплинами, создавая новые дисциплинарные структуры, можно говорить о трансдисциплинарном характере пространства исследований дизайна [1].

Междисциплинарный характер исследований дизайна дает возможность включаться в решение проблем специалистам различных областей знания и часто служит поводом для творческого взаимодействия. Процесс исследования дизайна включает в себя определение его связей с гуманитарными, социальными и естественно-научными дисциплинами, а также проникновение дизайна в эти дисципли-

плины. В некоторых ракурсах дизайн изучают в рамках дисциплин «Визуальные исследования» («Visual studies») и «Культурные исследования» («Cultural studies»).

Дизайн, как практическая деятельность по переустройству мира, давно приобрел глобальный характер. И в этой связи исследования дизайна являются дисциплиной, способной выявить влияние дизайна на настоящее и будущее мира. Поэтому сегодня так важно определить сущность данного феномена, его место в системе наук и статус в пространстве культуры.

Новым этапом в области исследований дизайна может быть введение интердисциплинарных исследований, в которых пересекаются совершенно разные области знания. К. Шваб писал: «Некоторые дизайнеры и архитекторы уже совмещают автоматизированное проектирование, аддитивные технологии, инжиниринг материалов и синтетическую биологию для новаторских разработок систем взаимодействия между микроорганизмами, нашими организмами, потребляемыми нами продуктами и даже зданиями, в которых мы живем» [27, с. 13].

В результате «третьей волны сциентизации дизайна» [1, с. 3] и растущего влияния дизайна на различные сферы деятельности утверждается его значительное воздействие на культуротворческие и общественные процессы. Консолидация различных исследований о дизайне в одну дисциплину является объединяющим процессом, который позволяет установить «внутреннюю вертикальную стратификацию предметной сферы исследований и горизонтальную таксономию отдельных подсистем» [1, с. 22].

Таким образом, дизайн в настоящее время приобретает собственную дисциплинарную основательность. Развитие дальнейших исследований в области философии, методологии и истории дизайна позволит ему укрепить свои позиции в пространстве культуры.

Библиографические ссылки

1. Гафаров ХС. Дисциплинарная структура современных западных исследований дизайна (design studies): проблемы стратификации и таксономии. В: БГУ. *Актуальные проблемы дизайна и дизайн-образования. Материалы II Международной научно-практической конференции; 19–20 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 3–25.

2. Романова НЮ. Дискурс дизайна. В: Санкт-Петербургский государственный университет. *XLIII Международная филологическая конференция; 11–16 марта 2014 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2015. с. 366–373.
3. Барт Р. *Империя знаков*. Бражникова ЯГ, переводчик. Москва: Праксис; 2004. 142 с.
4. Пирс ЧС. *Избранные философские произведения*. Голубович К, Чухрукидзе К, Дмитриев Т, переводчики. Москва: Логос; 2000. 448 с.
5. Krippendorff K. *The semantic turn: a new foundation for design*. New York: Taylor & Francis; 2006. 349 p.
6. Creswell JW. *Research design: qualitative, quantitative, and mixed methods approaches*. 5th edition. Los Angeles: Sage; 2018. 304 p.
7. Leedy PD, Ormrod JE, Ruth LJ. *Practical research: planning and design*. 12th edition. New York: Pearson; 2019. XX, 441 p.
8. Koskinen I, Zimmerman J, Binder T, Redstrom J, Wensveen S. *Design research through practice: from the lab, field, and showroom*. 1st edition. Waltham: Morgan Kaufmann; 2011. 224 p.
9. Гафаров ХС. Вызовы глобализации и пролиферация дизайна. В: БГУ. *Актуальные проблемы дизайна и дизайн-образования. Материалы I Международной научно-практической конференции; 26–28 апреля 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2017. с. 13–24.
10. Гафаров ХС. Теория дизайна: от «методологии дизайна» к «оффенбахскому подходу». В: БГУ. *Гуманитарные технологии в образовании и социосфере. Материалы IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы гуманитарного образования»; 19–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2017. с. 140–146.
11. Голубев ВВ. «Исследование дизайна» как учебный междисциплинарный модуль: смена концепта и демаркация коммуникативной парадигмы в учебно-педагогической ситуации. В: БГУ. *Актуальные проблемы дизайна и дизайн-образования. Материалы III Международной научно-практической конференции; 18–19 апреля 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 18–25.
12. Фролова НЮ. Исследования дизайна как пространство взаимодействия теории и практики. *Человек в социокультурном измерении*. 2021;1:60–68.
13. Фролова НЮ. Дизайн-исследования как пространство интеграции дизайн-образования и дизайн-практики. В: БГУ. *Актуальные проблемы гуманитарного образования. Материалы VII Международной научно-практической конференции; 22–23 октября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2020. с. 437–446.
14. Фролова НЮ. Исследования дизайна как фактор смены статуса дизайна в культуре. *Человек в социокультурном измерении*. 2020;2:78–84.
15. Быстрова ТЮ. *Вещь, форма, стиль: введение в философию дизайна*. Москва: Кабинетный ученый; 2017. 374 с.
16. Лола ГН. Дизайн как коммуникативная практика. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение*. 2012;2:225–230. EDN: PAUGQR.
17. Лола ГН. *Дизайн: опыт метафизической транскрипции*. Москва: Московский государственный университет; 1998. 217 с.
18. Лола ГН. *Метафизика дизайна*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2014. 155 с.
19. Чижиков ВВ. *Дизайн и культура*. Москва: Московский государственный университет культуры и искусств; 2006. 361 с.
20. Генисаретский ОИ. *Философия проектности. Из истории проектной культуры второй половины XX века*. Москва: URSS; 2016. 400 с.
21. Кантор КМ. Опыт социально-философского обоснования проектных возможностей дизайна. *Вопросы философии*. 1981;11:84–96.
22. Щедровицкий ГП. *Избранные труды*. Пископпель АА, Щедровицкий ЛП, редакторы-составители. Москва: Школа культурной политики; 1995. 800 с.
23. Archer LB. *Systematic method for designers*. London: Council for Industrial Design; 1965. 40 p.
24. Bonsiepe G. The uneasy relationship between design and design research. In: Michele R, editor. *Design research now. Essays and selected projects*. Berlin: Birkhäuser; 2012. p. 25–39.
25. Cross N. From a design science to a design discipline: understanding designerly ways of knowing and thinking. In: Michele R, editor. *Design research now. Essays and selected projects*. Berlin: Birkhäuser; 2012. p. 41–54.
26. Margolin M. Design history or design studies: subject matter and methods. In: Buchanan R, Margolin V, editors. *Discovering design: explorations in design studies*. Chicago: University of Chicago Press; 1995. p. 4–15.
27. Шваб К. *Четвертая промышленная революция*. Москва: Эксмо; 2016. 208 с.

References

1. Gafarov HS. Disciplinary structure contemporary Western design studies: problems of stratification and taxonomy. In: Belarusian State University. *Aktual'nye problemy dizaina i dizain-obrazovaniya. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 19–20 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Current problems of design and design education. Materials of the 2nd International scientific and practical conference; 2018 April 19–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 3–23. Russian.
2. Romanova NYu. Design discourse. In: St. Petersburg State University. *43rd International philological conference; 2014 March 11–16; Saint Petersburg, Russia*. Saint Petersburg: St. Petersburg State University; 2015. p. 366–373. Russian.
3. Bart R. *Imperiya znakov* [Empire of signs]. Brazhnikova YaG, translator. Moscow: Praksis; 2004. 142 p. Russian.
4. Pierce ChS. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Golubovich K, Chukhrukidze K, Dmitriev T, translators. Moscow: Logos; 2000. 448 p. Russian.
5. Krippendorff K. *The semantic turn: a new foundation for design*. New York: Taylor & Francis; 2006. 349 p.
6. Creswell JW. *Research design: qualitative, quantitative, and mixed methods approaches*. 5th edition. Los Angeles: Sage; 2018. 304 p.
7. Leedy PD, Ormrod JE, Ruth LJ. *Practical research: planning and design*. 12th edition. New York: Pearson; 2019. XX, 441 p.
8. Koskinen I, Zimmerman J, Binder T, Redstrom J, Wensveen S. *Design research through practice: from the lab, field, and showroom*. 1st edition. Waltham: Morgan Kaufmann; 2011. 224 p.

9. Gafarov HS. Globalization challenges and design proliferation. In: Belarusian State University. *Aktual'nye problemy dizaina i dizain-obrazovaniya. Materialy I Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26–28 aprelya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Current problems of design and design education. Materials of the 1st International scientific and practical conference; 2017 April 26–28; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 13–24. Russian.
10. Gafarov HS. Design theory: from «design methodology» to «offenbach approach». In: Belarusian State University. *Gumanitarnye tekhnologii v obrazovanii i sotsiosfere. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya»; 19–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Humanitarian technologies in education and the sociosphere. Materials of the 4th International scientific and practical conference «Current problems of humanitarian education»; 2017 October 19–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2017. p. 140–146. Russian.
11. Holubeu UU. «Design research» as a training interdisciplinary module concept change and demarcation of the communicative paradigm in the educational situation. In: Belarusian State University. *Aktual'nye problemy dizaina i dizain-obrazovaniya. Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 18–19 aprelya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Current problems of design and design education. Materials of the 3rd International scientific and practical conference; 2019 April 18–19; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 18–25. Russian.
12. Frolova NU. Design research as a space of interaction between theory and practice. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2021;1:60–68. Russian.
13. Frolova NU. Design studies as a space for integration of education and practice of design. In: Belarusian State University. *Aktual'nye problemy dizaina i dizain-obrazovaniya. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 22–23 oktyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus'* [Current problems of design and design education. Materials of the 7th International scientific and practical conference; 2020 October 22–23; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2020. p. 437–446. Russian.
14. Frolova NU. Design studies as a factor of changing the status of design in culture. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2020;2:78–84. Russian.
15. Bystrova TYu. *Veshch', forma, stil': vvedenie v filosofiyu dizaina* [Thing, form, style: an introduction to design philosophy]. Moscow: Kabinetnyi uchenyi; 2017. 374 p. Russian.
16. Lola GN. Design as the communicative practice. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*. 2012;2:225–230. Russian. EDN: PAUGQR.
17. Lola GN. *Dizain: opyt metafizicheskoi transkriptsii* [Design: experience of metaphysical transcription]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet; 1998. 217 p. Russian.
18. Lola GN. *Metafizika dizaina* [Metaphysics of design]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University; 2014. 155 p. Russian.
19. Chizhikov VV. *Dizain i kul'tura* [Design and culture]. Moscow: Moscow State Art and Cultural University; 2006. 361 p. Russian.
20. Genisaretskii OI. *Filosofiya proektnosti. Iz istorii proektnoi kul'tury vtoroi poloviny XX veka* [Philosophy of design. From the history of project culture of the second half of the 20th century]. Moscow: URSS; 2016. 400 p. Russian.
21. Kantor KM. [Experience in socio-philosophical justification of design possibilities]. *Voprosy filosofii*. 1981;11:84–96. Russian.
22. Shchedrovitskii GP. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Piskoppel' AA, Shchedrovitskii LP, editors and compilers. Moscow: Shkola kul'turnoi politiki; 1995. 800 p. Russian.
23. Archer LB. *Systematic method for designers*. London: Council for Industrial Design; 1965. 40 p.
24. Bonsiepe G. The uneasy relationship between design and design research. In: Michele R, editor. *Design research now. Essays and selected projects*. Berlin: Birkhäuser; 2012. p. 25–39.
25. Cross N. From a design science to a design discipline: understanding designerly ways of knowing and thinking. In: Michele R, editor. *Design research now. Essays and selected projects*. Berlin: Birkhäuser; 2012. p. 41–54.
26. Margolin M. Design history or design studies: subject matter and methods. In: Buchanan R, Margolin V, editors. *Discovering design: explorations in design studies*. Chicago: University of Chicago Press; 1995. p. 4–15.
27. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The 4th industrial revolution]. Moscow: Eksmo; 2016. 208 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023.
Received by editorial board 01.11.2023.

РЕКЛАМНЫЙ ДИСКУРС КАК ФОРМА КОММУНИКАЦИИ: КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ПРОСТРАНСТВЕ РЕКЛАМЫ

Е. В. КУЗНЕЦОВА^{1), 2)}

¹⁾Институт философии НАН Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены особенности рекламной коммуникации как специфической формы общения, а также рекламное коммуникативное пространство, в котором реализуются вербальные проявления культурного кода. Систематизированы имеющиеся результаты исследований зарубежных и русскоязычных ученых по данной тематике и выявлены черты, присущие рекламному дискурсу. Отдельное внимание уделено изучению языковых особенностей рекламы. Выделены проявления культурного кода в пространстве рекламной коммуникации: вариативность, принадлежность менталитету и эмоциональность. В контексте культурного кода в рекламном дискурсе также представлены реализуемые рекламной коммуникацией функции. В качестве эмпирического материала выступил рекламный нарратив белорусского и российского коммуникативного пространства. Результаты исследования могут быть использованы при изучении соответствующей проблематики теоретического и прикладного характера в следующих областях знания: культурологии, социологии, лингвистике, теории рекламы и маркетинговой коммуникации.

Ключевые слова: реклама; коммуникация; рекламная коммуникация; коммуникативное пространство; рекламный дискурс; культурный код; менталитет.

ADVERTISING DISCOURSE AS A FORM OF COMMUNICATION: CULTURAL CODE IN THE ADVERTISING SPACE

E. V. KUZNETSOVA^{a, b}

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surganova Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

^bBelarusian University of Culture and Arts, 17 Rabkarawska Street, Minsk 220007, Belarus

The article is devoted to the peculiarities of advertising communication as a specific form of communication, as well as the communicative space in which verbal manifestations of cultural code are realised. The author systematises the available research results of foreign and Russian-speaking scientists on this topic and identifies the features inherent in the communicative advertising discourse. The author pays special attention to the consideration of the linguistic features of advertising. The researcher identifies the manifestations of cultural code in the space of advertising discourse: variability, belonging to the mentality, and emotionality. In the context of the manifestation of cultural code in advertising discourse the author presents functions implemented by advertising communication. The advertising narrative of the Belarusian and Russian

Образец цитирования:

Кузнецова ЕВ. Рекламный дискурс как форма коммуникации: культурный код в пространстве рекламы. *Человек в социокультурном измерении*. 2024;1:49–56. EDN: GBAEVU

For citation:

Kuznetsova EV. Advertising discourse as a form of communication: cultural code in the advertising space. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2024;1:49–56. Russian. EDN: GBAEVU

Автор:

Евгения Владимировна Кузнецова – кандидат философских наук, доцент; старший научный сотрудник отдела исследований глобализации, регионализации и социокультурного сотрудничества¹⁾, докторант кафедры культурологии факультета культурологии и социально-культурной деятельности²⁾.

Author:

Evgeniya V. Kuznetsova, PhD (philosophy), docent; senior researcher at the department of globalisation, regionalisation and socio-cultural cooperation research^a, and doctoral student at the department of cultural studies, faculty of cultural studies and socio-cultural activities^b.
kuznetsova.evgeniya2012@yandex.ru

communicative space is used as empirical material for the paper. The results of the study can be presented in the study of the relevant problems of a theoretical and applied nature in the following areas of knowledge: cultural studies, sociology, linguistics, theory of advertising and marketing communication.

Keywords: advertising; communication; advertising communication; communicative space; advertising discourse; cultural code; mentality.

Введение

Реклама – уникальный вид социальной деятельности, известный еще со времен Древнего Египта, конечная цель которого заключается в донесении до аудитории необходимой информации о товарах, услугах и персоналиях. Однако сегодня реклама стала формой коммуникации, в процессе которой воспроизводятся культурные образцы, формируются оценки происходящего со стороны аудитории, строятся или разрушаются межкультурные контакты. Сложность и неоднородность рекламной коммуникации, актуальность применения ее паттернов в информационном пространстве и разнообразие используемых ей средств воздействия на общественное сознание заставляют многих исследователей обращаться к анализу концепта рекламной коммуникации, базирующегося прежде всего на определении коммуникации в целом.

Утвержденное понятие коммуникации, разрабатываемое в трудах ведущих зарубежных и русскоязычных исследователей в данной области (Н. Луман, Ю. Хабермас, К. Л. Бюлер, Дж. Остин, П. Бурдьё,

Г. Д. Лассуэл, М. М. Бахтин, Б. А. Грушин, В. П. Конечная), интерпретируется обычно как взаимодействие между субъектами, имеющее свои цели и особенности. При этом дискурс можно трактовать как совпадение высказываний коммуникантов и как разновидность коммуникативного пространства (М. Пешо, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ю. Хабермас, Ж. Деррида, Э. Лакло). Автор данной статьи считает возможным рассматривать рекламный дискурс как особую форму дискурса или коммуникации, обладающую отличительными чертами. Не стоит забывать о том, что современная реклама – это разновидность не только коммуникации в целом, но и медийной коммуникации в частности. Медийный дискурс, в свою очередь, трансформирует культурную картину мира, изменяет сознание, кодируя многие культурные образцы. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы определить рекламный дискурс как особый вид дискурса, выделить его функциональные особенности и проанализировать специфику культурного кода, проявляющуюся в пространстве рекламной коммуникации.

Теоретические основы

Зарубежные исследования в области рекламы реализуются, как правило, в рамках маркетинговой теории, которая состоит из трех концептуальных подходов к интерпретации рекламной коммуникации. Они исходят из понимания рекламы как стратегии продажи и, по мнению автора настоящей статьи, могут применяться не только к коммерческой рекламе, но и к другим видам рекламы – политической и социальной.

Первый подход был разработан известным американским рекламистом, автором книги «Реальность в рекламе» Р. Ривзом. Сущность его теории состоит в «уникальном торговом предложении»¹ [1, р. 34], когда каждое рекламное обращение должно обещать потребителю нечто необычное, крайне выгодное и неповторимое. Так, ему принадлежит знаменитый слоган «Тают во рту, а не в руках», созданный для рекламы конфет «M&M's». Данное обращение (уникальное торговое предложение) привлекает к себе внимание, сохраняется в памяти потенциального потребителя и мотивирует его к покупке.

Второй подход можно охарактеризовать как концепцию имиджа (образа) торговой марки. Ее автором является один из лучших в 1960-х гг. мировых

специалистов по рекламе, копирайтер, сотрудничавший с известными марками («Adidas», «Coca-Cola» и др.), Д. Огилви. По его мнению, доминирующий принцип рекламы – создание уникального имиджа марки (бренда) при помощи символов, эмоций, юмора и других специфических приемов [2, р. 17]. Назначение рекламы состоит в формировании некоей эмоциональной связи между аудиторией и брендом. В результате воздействия рекламного образа на потенциального потребителя у последнего должно складываться ощущение психологического комфорта и близости по отношению к данному образу.

Третий подход, позиционирование, базируется на концепции, утвердившейся в 1972 г. на основе труда Э. Райса и Дж. Траута [3]. Ее сущность заключается в том, что в сознании аудитории бренду необходимо быть узнаваемым среди других торговых марок-конкурентов [3, р. 44]. По этой причине рекламное обращение представляет собой простое, доказуемое, значимое для потребителя и уникальное с точки зрения коммуникации сообщение. Важно, чтобы у целевой аудитории сформировалось четкое понимание, почему нужно покупать именно данный товар. Авторы концепции утверждали, что позиционирование – это

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. К.

не товар, не бренд, а то, что «складывается в голове потребителя» [3, р. 44].

Русскоязычные исследователи вслед за зарубежными предлагают свой подход, исходя из маркетинговой коммуникации. Д. С. Скнарев определил рекламу как «разновидность маркетинговой коммуникации, для создания которой привлекаются различные визуально-вербальные, аудиальные и иные средства, что дает основание рассматривать ее как особым образом организованный дискурс, использующий специфический арсенал языковых и символических средств и маркетинговых приемов, предназначенных для решения тактических (продажа товара) и стратегических задач (продвижение имиджа компании, политика, социально-нравственной идеи)» [4, с. 25]. Если систематизировать все теоретико-методологические подходы к детерминированию рекламной коммуникации с точки зрения теории маркетинга, то можно сделать вывод о том, что рекламный дискурс есть особая разновидность дискурса, цель которого – информирование аудитории и воздействие на ее сознание определенным образом, а именно мотивирование к действию (например, купить стиральный порошок или взять питомца из приюта домашних животных).

Изучение рекламной коммуникации в русскоязычной традиции в значительной степени опирается на исследования в области психолингвистики и функциональной лингвистики. А. А. Леонтьев, Ю. А. Сорокин, А. А. Миронова и А. С. Мамонтов рассматривали рекламную коммуникацию как форму речевого общения в структуре социальных отношений, подчиненную функциональным целям деятельности. Обобщая концепции авторов, можно

заключить, что рекламная коммуникация – это коммуникативный процесс, в котором его участники осуществляют совместную деятельность с общими целями, при этом субъектом воздействия выступает создатель рекламы, организующий общение и мотивирующий объект влияния (реципиента, потребителя) к конкретным действиям. И как любая форма речевого общения реклама имеет задачу воздействовать на реципиента с последующим достижением посткоммуникативного эффекта, для чего, по теории российского исследователя А. А. Леонтьева, существует три способа: 1) введение в поле значений новых элементов, т. е. сообщение адресату знания о неизвестных ранее явлениях действительности; 2) изменение структуры поля значений путем введения новой информации об уже известных вещах; 3) непосредственное влияние на смысловое поле через изменение способа вхождения элементов поля значений [5, с. 102]. Как правило, в рекламной коммуникации используется третий вариант: происходит так называемое скрытое воздействие.

Таким образом, с точки зрения психолингвистики и функциональной лингвистики рекламная коммуникация, или рекламный дискурс, представляет собой сложную открытую систему смыслов, постоянно взаимодействующую с внешней средой – языковой системой и сознанием участников дискурса (потенциальных потребителей услуг и товаров), а также с коммуникативной ситуацией, на фоне которой происходит развертывание этого дискурса и которая может изменяться в зависимости от контекста или способа интеракции (межличностное общение через средства массовой информации).

Результаты и их обсуждение

Рекламная коммуникация, будучи (как можно убедиться на основе ряда научных работ в области маркетинга, психолингвистики и функциональной лингвистики) особой формой коммуникации, обладает рядом функциональных признаков, отличающих ее от традиционной коммуникации. Первой ее специфической чертой является функциональное назначение, заключающееся в воздействии рекламы на общественное сознание. Принято считать, что основная роль любой коммуникации – информирование реципиента. Однако в процессе рекламной коммуникации адресанту необходимо, чтобы адресат «считал» его посыл и запомнил это на какой-то отрезок времени [6, с. 203]. Другими словами, рекламный текст (слоган, видео- и аудиоряд), согласно терминологии И. Гофмана, выступает как фрейм, рамка, паттерн. Фрейм предлагает аудитории некий фрагмент (текстовый, визуальный), в который уже заложен определенный смысл, и именно этот смысл должен уловить реципиент, чтобы впоследствии

воспроизводить его как собственное понимание в каких-либо действиях [7, с. 76].

Вторая особенность рекламной коммуникации связана с оценкой искренности говорящего [8]. В традиционной коммуникации существует представление о том, что ее участники обычно озвучивают правдивые утверждения [9]. И если исключить изначальную правдивость передаваемой информации, то весь процесс коммуникации необходимо будет подвергнуть сомнению. Однако рекламная коммуникация допускает недоверие адресата к субъекту воздействия. Для всех форм культурно-коммуникативных практик (реклама, мода, массовая культура) в той или иной степени характерны негативные проявления во взаимодействии участников: недоверие, незаинтересованность, сомнения в объективности и точности со стороны адресата, искажение информации и манипуляция фактами со стороны адресанта [10, с. 205].

Третья особенность – позиции адресанта и адресата. Если в традиционной коммуникативной модели

обе позиции принято считать активными, то в рекламной коммуникации позиция адресата является пассивной. Его задача состоит в том, чтобы воспринимать и запоминать, он выступает как объект, а не как субъект.

Отсюда появляется четвертая особенность коммуникативного дискурса – проблема наличия или отсутствия обратной связи. В этом виде дискурса реакция адресата не является обязательной и может носить отсроченный характер [11, с. 438]. Любое монологическое высказывание, как правило, предполагает ответную реакцию объекта коммуникации, но в рекламном дискурсе данная реакция как обязательный элемент не присутствует.

Пятая особенность рекламного дискурса заключается в наличии неких символов и игры [12, с. 53]. Этим объясняется использование большого количества специальных юмористических приемов, а также различных геометрических форм и цвета, самого по себе являющегося определенным символом, поскольку у всех цветов есть некие свойства, присущие им от природы либо приписываемые им. Например, принято считать, что красный цвет агрессивен и что он создает напряженность; розовый цвет передает ощущение слабости, пустоты, часто «слащавости»; желтый цвет вызывает нарушение психического равновесия; зеленый цвет успокаивает, снимает боль и усталость, олицетворяет свежесть и естественность (поэтому популярен в фармацевтике и медицине); белый цвет символизирует чистоту и т. д. Под игрой в случае с рекламным дискурсом понимается некое отступление от истины. Цель любой коммуникации – это реализация замысла автора. В рекламной коммуникации таковым становится замысел режиссера рекламного ролика или автора рекламного текста (копирайтера). И воспринимать рекламную коммуникацию следует не всерьез, а именно как игру, действие, перформанс. По этой причине в рекламе наблюдается обилие юмора.

Таким образом, рекламную коммуникацию от традиционной отличают пять основных особенностей. Ведущим назначением первой следует считать воздействие на общественное сознание. В коммуникативном процессе возможны проявления неискренности и недоверия со стороны его участников. Позиция адресата в рекламном дискурсе, как правило, пассивная. Наличие обратной связи не является обязательным элементом в коммуникативной цепочке. В рекламной коммуникации присутствуют элементы символизации, игры и юмора.

При рассмотрении рекламного дискурса следует обратиться еще к одной его особенности, а именно к языку, поскольку реклама обладает огромным арсеналом языковых средств. Язык рекламы входит в совокупность так называемых функциональных языков (англ. *languages for specific purposes*, или нем. *Fachsprachen*) [13, с. 97]. По мнению предста-

вителей структурной лингвистики, обосновавших и развивших концепцию функциональных языков (Р. О. Якобсон, Н. С. Трубецкой, С. О. Карцевский), каждая область социально-профессиональной деятельности имеет свой язык, обеспечивая данную область необходимыми вербальными средствами. Как и любой другой язык для специальных целей, язык рекламы включает в себя и языковые, и функциональные (речевые) особенности, которые реализуются в устном и письменном дискурсах, отличающихся друг от друга.

Устный рекламный дискурс допускает большую лексическую и грамматическую вариативность. Важную роль в нем играет просодия – система произношения ударных и неударных, долгих и кратких слогов в речи. В письменном дискурсе особое значение имеют построение текстов и пунктуационное оформление, при этом их содержание должно быть лаконичным и выразительным. Создание обоих дискурсов детерминирует особенности восприятия аудиторией рекламных сообщений. Не следует забывать, что задача рекламы состоит не просто в том, чтобы проинформировать реципиента, а в том, чтобы создать у него яркий и запоминающийся образ чего-либо для последующей покупки или другого действия. По этой причине реклама использует богатый спектр средств выразительности и в устном, и в письменном дискурсе. Для анализа применяемых вербальных стилистических приемов в настоящей работе исследован рекламный контент белорусского и российского коммуникативного пространства.

Характерной стилистической чертой рекламных произведений является использование слоганов: «Соседи»: *всегда выгодно зайти!* (постоянный рекламный слоган сети магазинов «Соседи»); *Запомни, квартиры ищут на «Realt»* (телереклама интернет-ресурса «Realt», специализирующегося на подборе недвижимости, 2023 г.); «Простоквашино» – *вкусный завтрак для всей семьи!* (телереклама йогуртов и творожков бренда «Простоквашино», 2023 г.); *Помогаем покупать выгодно* (телереклама магазина электроники и бытовой техники «5 элемент», 2023 г.); *Уцененные товары в «21 vek.by»! Покупайте выгодно и удобно!* (онлайн-реклама интернет-магазина «21 vek.by», 2023 г.).

Следующая особенность реклам – наличие жаргонизмов и иностранных слов, зачастую смешанных со словами родного языка, в данном случае русского: «Хрустем» *багет – открыт для перерыва!* (телереклама сухариков «Хрустем», 2023 г.); *Твоя улыбка – «ТОР»* (телереклама и наружная реклама мороженого «ТОР», 2023 г.). Названия некоторых компаний пишутся латиницей и могут состоять из слогов иностранных слов («Belbet», «Radiomir»).

Часто в рекламных текстах присутствуют стилистические тропы (различного рода метафоры, аллегории, метонимии, гиперболы и сравнения): «Святой источник» – *настройся на чистоту ощущение*

ний (телереклама минеральной воды «Святой источник», 2023 г.); «Долгит» – немецкое качество (телереклама крема «Долгит» от боли в суставах, 2023 г.); «Судорогинум». Когда мышцы требуют поддержки (телереклама лечебного средства «Судорогинум» от судорог в мышцах, 2023 г.); Разбуди свои мечты и желания – кофе «Movenpick» (наружная реклама кофе «Movenpick» в метро Минска, 2023 г.); Заработай уважение! (наружная реклама услуг компании «Target99» в метро Минска, 2023 г.); Жилищный вопрос – не вопрос! (наружная реклама агентства недвижимости «Твоя столица» в Минске, 2023 г.); Подзаряди свои финансы (наружная реклама банка «БелВЭБ» в метро Минска, 2023 г.). В рекламном нарративе встречаются различные эпитеты: яркий (насыщенный) вкус, огненные (легкие) цены, чистые (незабываемые, потрясающие) ощущения.

Следует заметить, что эффективность рекламного дискурса зависит от удачного синтеза всех его компонентов: изображения, звука, образа и речевых оборотов. Невозможно выделить какой-то решающий фактор воздействия на массовое сознание. Таким образом, рекламный дискурс есть завершенное в смысловом и композиционном планах сообщение, имеющее строго ориентированную прагматическую установку и сочетающее в себе признаки устной и письменной коммуникации, а также комплекс вербальных и невербальных средств [14].

Учитывая проанализированные особенности рекламной коммуникации, стоит отметить, что рекламный дискурс является обширным пространством для кодирования, хранения и декодирования большого объема информации, в том числе данных культурного характера. Рекламный продукт – это произведение культуры, содержащее в зашифрованном виде сведения об истории того или иного народа, особенности его ментальности, языка и религии, другими словами, сообщающее культурный код этого народа.

Культурный код представляет собой предмет исследования для многих ученых в различных областях знания: культурологии, философии, семиотике, лингвистике и этнографии. При его определении одни специалисты делают акцент на символичности (Ж. Бодрийяр, П. С. Гуревич, В. И. Маслова), другие – на искусственности и вымышленности (У. Эко, Ю. М. Лотман) или на архетипичности (М. Фуко) и т. д. В настоящем исследовании культурный код – своеобразная матрица, в которой заложены все основные особенности того или иного типа культуры [15, с. 110]. Автор данной работы рассмотрел те особенности, которые характерны для проявления культурного кода в рекламном коммуникативном пространстве, исходя из эксплицирования самого понятия «культурный код».

Поскольку смысл культурного кода, как правило, вариативен и полисемантичен, то эти качества

играют важную роль в рекламном дискурсе, определяя индивидуальность восприятия рекламного нарратива аудиторией. Каждый субъект интерпретирует то или иное рекламное сообщение особым образом. С одной стороны, любое рекламное произведение несет в себе вполне конкретный посыл (англ. *message*), фрейм, который должен быть зафиксирован потребителем (например, купить творожок бренда «Савушкин продукт»), с другой стороны, кроме данного посыла, каждый зритель отмечает для себя детали в рекламном ролике: красивых людей, природу, преемственность поколений в семье и т. д. (если опираться на телевизионный рекламный ролик творожков и йогуртов бренда «Савушкин продукт»). И объясняется это зачастую жизненным опытом, различиями гендера, возраста, образования, а также спецификой культурной картины мира потребителей.

Ярким примером множественности смыслов культурного кода служит рекламный текст. Любой текст всегда воспроизводит определенное количество смыслов, каждый из которых зависит от лингвокультурной среды, сформировавшей создателя или потребителя текста. Семиотическая сложность и гетерогенность текста подразумевают некое подобие диалога между авторами рекламного текста и аудиторией, для которой он предназначен. И культурный код выступает как своеобразный медиум в этом диалоге. Не случайно современные рекламные тексты стремятся к интегрированию в общее культурное пространство. В этой связи необходимо упомянуть феномен «продакт плейсмент» (англ. *product placement*) – неявная реклама, при которой в фильмах, сериалах, роликах демонстрируется какой-то продукт, но напрямую внимание зрителя к нему не привлекается (например, неявная реклама лекарственного препарата «Полисорб» в последних сезонах российского телесериала «Склифосовский», которую можно считать частью сериала как произведения экранной культуры).

По мнению российского филолога и культуролога Ю. М. Лотмана, различия в восприятии рекламного текста позволяют говорить о его двойственности или о двойном подходе к тексту [16, с. 102]. Под двойным подходом к тексту подразумевается прочтение сообщения на известном адресату языке (языке коммуникации) и на неизвестном языке как результате культурно-семиотического опыта. Таким образом, рекламный текст, с одной стороны, передает определенную информацию о конкретном товаре или услуге, с другой стороны, базируясь на определенном культурном коде, порождает новые смыслы и становится частью процесса мифотворчества.

Другой момент проявления культурного кода в рекламе – менталитет лингвокультурного сообщества. Данный код в любой рекламе всегда воспроизводит особенности национального характера

и фрагменты исторической культурной памяти. Выражается все это, как правило, через набор стереотипов и стереотипизированных образов. Стереотипы выстраивают мышление аудитории, выступая механизмом, облегчающим восприятие рекламных образов и идей для получения желаемого результата. Они формируют четкие ассоциации. Например, для белорусов национальной чертой является любовь к семье, поэтому идея семьи лежит в основе многих рекламных произведений в белорусском коммуникативном пространстве. Часто в отечественном рекламном нарративе встречается образ доброй бабушки, которая печет самые вкусные блины или пироги. В этой связи следует обратить внимание на социальную рекламу Министерства чрезвычайных ситуаций Республики Беларусь: *Мы не сможем связать носки вместо вашей бабушки!; Мы не сможем испечь пирожки вместо вашей бабушки!* (если случится пожар). Стоит также упомянуть телерекламу замороженной продукции белорусского бренда «Бабушка Аня». В данном случае возникает следующий ассоциативный ряд: бабушка → вкусные блюда → блинчики (вареники, пельмени) бренда «Бабушка Аня» всегда вкусные. Если приводить примеры из российской рекламной среды, то можно увидеть стереотипный образ Сибири как символ могущества России: *Сила красоты, сила духа, сила семьи, сила движения, сила света – сила Сибири.* «Газпром» – национальное достояние (телереклама компании «Газпром», 2023 г.). Рекламная стратегия в таких случаях строится для того, чтобы акценты в ролике или тексте были смещены в сторону традиционно важных ценностей народа. Если вспомнить известный слоган французской компании «L’Oreal» (*L’Oreal – ты этого достойна*), то очевидно, что он ориентирован в первую очередь на европейских женщин, поскольку в культурном коде европейцев заложены такие ценности, как забота о себе и уход за собой. По причине ментальных различий многие рекламные ролики и изображения даже популярных мировых брендов невозможно использовать, например, в странах Ближнего Востока, где они вызовут недоумение и непонимание или даже отторжение и категорическое неприятие. Часто мировые бренды изготавливают рекламную продукцию с учетом особенностей того государства, для которого она предназначена, и используют медийных личностей именно данной страны.

Эмоциональность, как черта культурного кода, особым образом проявляется в рекламном дискурсе. Основной инструмент ее выражения – стилистические приемы, о которых сказано выше, и прецедентные феномены. Данные языковые средства воздействуют в первую очередь на эмоциональную сферу потребителя. Их задача состоит именно в том, чтобы через эмоциональность привлечь внимание к какому-либо продукту или какой-то идее. Прецедентные феномены, в частности прецедентные тексты и высказывания, будучи формой проявления культур-

ного кода, очень часто встречаются и в рекламном дискурсе, и в медийном пространстве в целом, когда основной задачей авторов текста является привлечение внимания к этому тексту и воздействие на эмоции читателей. Любой прецедентный феномен – текст, ситуация, высказывание, имя – всегда в той или иной степени несет эмоциональную нагрузку.

Ниже приведены примеры из контента ведущих печатных изданий Беларуси и России 2023 г. («СБ. Беларусь сегодня», «Аргументы и факты в Беларуси», «Комсомольская правда», «Собеседник»): *МОКрое дело; со всеми неудобствами; вопрос ядром; кому на Руси жить хорошо; опасные гастроли; Великая Европейская стена; святых то выносят, то вносят; банк с пауками.* Они демонстрируют, как в зависимости от актуальной публицистической повестки происходят трансформации некоторых прецедентных феноменов, выраженных устойчивыми сочетаниями «мокрое дело», «со всеми удобствами», «вопрос ребром», «Великая Китайская стена», «хоть святых выноси», «банка с пауками». Однако очевидно, что использование данных фразеологизмов в измененном варианте привлекает внимание читателя и эмоционально воздействует на его сознание.

Исходя из контекста реализации особенностей культурного кода в рекламном дискурсе, следует определить функции, реализуемые рекламной коммуникацией. Прежде всего это информирующая функция. Каждое лингвокультурное сообщество имеет уникальную картину мира, которая выражается и в рекламе. Через рекламные сообщения создатели неявно информируют аудиторию о тех характерных чертах, которые присущи тому или иному лингвокультурному сообществу. Не случайно в белорусском рекламном нарративе распространены сюжеты с детьми, домашними животными и показаны семейные ситуации.

Следующая функция – это функция воздействия, манипуляции. Не следует забывать о том, что конечная цель любой рекламы – привлечение внимания аудитории в целях продажи товара или распространения идеи. Здесь самым главным является момент понимания рекламного произведения аудиторией, чтобы она уловила смысл сообщения. Очень важно в данной ситуации избежать конфликта, или столкновения, культур, когда в различных странах одна и та же реклама интерпретируется по-разному. Ключевое значение в этом случае приобретает контекст – набор знаков и символов, помогающий корректно расшифровать рекламное сообщение.

Эмоциональная функция также заложена в каждой рекламе, поскольку реклама воздействует прежде всего на чувства и эмоции людей. По этой же причине она использует множество стилистических и невербальных (музыку, цветовую гамму, геометрические символы) средств, усиливающих влияние именно на чувства, а не на разум аудитории.

Заключение

Очевидно, что, с одной стороны, рекламный дискурс есть результат проявления культурного кода того или иного народа, с другой стороны, рекламная коммуникация сама воздействует на культурный код, отчасти кодируя традиционные культурные концепты. Обусловлено это во многом тем, что данный код, будучи достаточно устоявшимся явлением, в то же время не обладает замкнутостью. Он открыт к порождению новых, вторичных кодов, кроме того, будучи составной частью лингвокультурного сообщества, он также подвержен всем изменениям, происходящим в социуме. Весь культурный опыт, получаемый нами в течение жизни, так или иначе формируется благодаря культурным кодам и через них. Образы в нашей памяти, поведенческие установки и нравственные стереотипы сохраняются в сознании при помощи

«импринта». В частности, современный исследователь маркетинговой теории К. Рапай утверждал, что нашу культурную картину мира определяет сочетание таких «импринтов» [17, с. 130]. Переводя понятие «импринт» в область рекламной коммуникации, можно утверждать, что и рекламный текст, и рекламный ролик являются «импринтами», формирующими духовный склад субъекта как личности. Рекламная коммуникация, как специфический вид коммуникации, в свою очередь, актуализирует проявления культурного кода. Не следует также забывать о том, что рекламный дискурс – своеобразная форма межкультурной коммуникации, и при транслировании культурного продукта важно учитывать все аспекты, детерминированные кодом культуры того или иного лингвокультурного сообщества.

Библиографические ссылки

1. Reeves R. *Reality in advertising*. London: Penguin Books; 1996. 120 p.
2. Ogilvy D. *Ogilvy on advertising*. Oxford: Oxford University Press; 1997. 232 p.
3. Ries A, Trout J. *Positioning. The battle for your mind*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994. 356 p.
4. Скарнев ДС. *Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе: семантический, прагматический, маркетинговые аспекты* [диссертация]. Челябинск: Челябинский государственный педагогический университет; 2015. 390 с.
5. Леонтьев АА. *Признаки связности и цельности текста*. Москва: Наука; 1976. 160 с.
6. Кара-Мурза ЕС. Анализ «продвигающего» текста: риторический, композиционный и стилистический аспект. В: Тольяттинский государственный университет. *Текст: филологический, социокультурный, региональный и методический аспекты. Материалы V Международной научной конференции; 15–17 апреля 2015 г.; Тольятти, Россия*. Тольятти: Тольяттинский государственный университет; 2015. с. 200–207.
7. Гофман И. *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. Батыгин ГС, Козлова ЛА, редакторы. Москва: Институт социологии РАН; 2003. 342 с.
8. Yokoyama OT. Disbelief, lies, and manipulations in a transactional discourse model. *Argumentation*. 1988;2:133–151. DOI: 10.1007/bf00179146.
9. Grice HP. Logic and conversation. In: Cole P, Morgan JL, editors. *Studies in syntax and semantics. Volume 3, Speech acts*. New York: Academic Press; 1975. p. 41–58.
10. Шейгал ЕИ. Параметры доверительного общения. В: Шаховский ВИ, редактор. *Человек в коммуникации: аспекты исследований*. Волгоград: Перемена; 2005. с. 204–220.
11. Борисова ЕГ. Рекламный дискурс: в чем его особенности? *Медиалингвистика*. 2018;5(4):436–444. DOI: 10.21638/srbu22.2018.404.
12. Пирогова ЮК. Игровая природа рекламы. *Реклама и жизнь*. 1999;2:51–56.
13. Кузнецова ЕВ, Патенко ГР. Особенности коммуникативного взаимодействия: язык рекламы. *Вестник Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2017;1: 96–101. EDN: XWEZUZ.
14. Асташева ЕМ. Воздействующий потенциал телевизионного рекламного дискурса. *Международный журнал экспериментального образования*. 2011;8:90–91. EDN: RAKQND.
15. Кузнецова ЕВ. Культурный код: эксплицирование понятия. *Вестник Института современных знаний*. 2022;3:104–110.
16. Лотман ЮМ. *Семіосфера*. Санкт-Петербург: Искусство; 2000. 720 с.
17. Rapaille C. *The culture code: an ingenious way to understand why people around the world live and buy as they do*. New York: Crown Business; 2006. 420 p.

References

1. Reeves R. *Reality in advertising*. London: Penguin Books; 1996. 120 p.
2. Ogilvy D. *Ogilvy on advertising*. Oxford: Oxford University Press; 1997. 232 p.
3. Ries A, Trout J. *Positioning. The battle for your mind*. Cambridge: Cambridge University Press; 1994. 356 p.
4. Sknarev DS. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza v reklamnom diskurse: semanticheskii, pragmaticheskii, marketingovyi aspekty* [Linguistic means of creating an image in advertising discourse: semantic, pragmatic, marketing aspects] [dissertation]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University; 2015. 390 p. Russian.
5. Leont'ev AA. *Priznaki svyaznosti i tsel'nosti teksta* [Signs of coherence and integrity of the text]. Moscow: Nauka; 1976. 160 p. Russian.
6. Kara-Murza ES. [Analysis of the «promoting» text: rhetorical, compositional and stylistic aspect]. In: Togliatti State University. *Tekst: filologicheskii, sotsiokul'turnyi, regional'nyi i metodicheskii aspekty. Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi*

konferentsii; 15–17 aprelya 2015 g.; Tol'yatti, Rossiya [Text: philological, sociocultural, regional and methodological aspects. Proceedings of the 5th International scientific conference; 2015 April 15–17; Togliatti, Russia]. Togliatti: Togliatti State University; 2015. p. 200–207. Russian.

7. Goffman E. *Analiz freimov: esse ob organigatsii povsednevnogo opyta* [Analysis of frames: an essay on the organisation of everyday experience]. Batygin GS, Kozlova LA, editors. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2003. 342 p. Russian.

8. Yokoyama OT. Disbelief, lies, and manipulations in a transactional discourse model. *Argumentation*. 1988;2:133–151. DOI: 10.1007/bf00179146.

9. Grice HP. Logic and conversation. In: Cole P, Morgan JL, editors. *Studies in syntax and semantics. Volume 3, Speech acts*. New York: Academic Press; 1975. p. 41–58.

10. Sheigal EI. [Parameters of confidential communication]. In: Shakhovskii VI, editor. *Chelovek v kommunikatsii: aspekty issledovaniy* [Man in communication: aspects of research]. Volgograd: Peremena; 2005. p. 204–220. Russian.

11. Borisova EG. The discourse of advertizing: peculiarities. *Media Linguistics*. 2018;5(4):436–444. Russian. DOI: 10.21638/spbu22.2018.404.

12. Pirogova YuK. [The playful nature of advertising]. *Reklama i zhizn'*. 1999;2:51–56. Russian.

13. Kuznetsova EV, Patenko GR. Features of communicative interchange: the language of advertising. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2017;1:96–101. Russian. EDN: XWEZUZ.

14. Astasheva EM. [Influencing potential of television advertising discourse]. *International Journal of Experimental Education*. 2011;8:90–91. Russian. EDN: RAKQND.

15. Kuznetsova EV. Kulturnyi kod: eksplitsirovanie ponyatiya [Cultural code: explication of the concept]. *News of the Institute of Contemporary Knowledge*. 2022;3:104–110. Russian.

16. Lotman YuM. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg: Iskusstvo; 2000. 720 p. Russian.

17. Rapaille C. *The culture code: an ingenious way to understand why people around the world live and buy as they do*. New York: Crown Business; 2006. 420 p.

Статья поступила в редколлегию 16.10.2023.
Received by editorial board 16.10.2023.

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕМИНИСЦЕНЦИИ
ПРИ ПРОЕКТИРОВАНИИ ФЕШЕН-КОСТЮМА****М. С. МАШЕДО¹⁾**¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализированы значение понятия «художественный образ» при проектировании фешен-костюма и особенности восприятия костюма в современном культурном пространстве. Благодаря художественному образу создавались и создаются уникальные авторские изделия, наполненные вдохновляющими примерами и идеями прошлого и фантазийного будущего. В костюме этот образ раскрывается через реминисценцию идей, заимствованных из изобразительного, театрального или других видов искусства. Для создания идейно-образного решения костюма как произведения культурного значения дизайнер использует исторически сложившуюся совокупность художественных средств и приемов. Она подразумевает выбор академических основ и пропорций, формирующих авторский стиль фешен-костюма, организацию композиционно-конструктивных линий и внешних силуэтных форм, а также использование декоративных элементов, характерных для источника вдохновения, по мотивам которого создается изделие. На этапе проектирования фешен-костюма дизайнер ищет средства удовлетворения человеческих вкусов и превращает их в неповторимое изделие. Процесс воплощения идей автора подразумевает не только техническую, но и художественную составляющую. Для художественного проектирования реминисценция используется как один из методов формообразования фешен-костюма. В создании костюма она, как правило, является вторичной и ретроспективной, но всегда наделяет изделие уникальностью. В абсолютно новых прочтениях и иных смысловых и композиционных сочетаниях в костюме трактуются известные ранее темы, сюжеты, мотивы, формы и элементы.

Ключевые слова: художественное проектирование; реминисценция; костюм; фешен-костюм; художественный образ.

**FEATURES OF USING REMINISCENCE
IN DESIGNING A FASHION SUIT****M. S. MASHEDO^a**^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyses the meaning of the concept «artistic image» in the designing a fashion suit, as well as the peculiarities of the perception of the costume in the modern cultural space. Thanks to artistic image unique artistic and figurative products were created and are being created now, filled with inspiring examples and ideas of the past and the fantasy future. The artistic image in the costume is revealed through the reminiscence of ideas borrowed from the visual, theatrical or any other kind of art. To create an artistic image in a costume, as a work of cultural and artistic significance, the designer uses a historically established set of artistic means and techniques, which implies the choice of artistic foundations and proportions that form the artistic style of a fashion costume, the organisation of compositional and constructive lines and external silhouette forms, the choice of corative elements characteristic of the selected source of inspiration, based on which the product is created. At the stage of designing a fashion suit, the designer searches for means to satisfy human tastes, followed by their implementation into a finished unique product. The process of implementing the designer's ideas implies not only a technical component, but also an artistic one. For the process of artistic design, reminiscence is used as one of the methods of shaping

Образец цитирования:

Машедо МС. Особенности использования реминисценции при проектировании фешен-костюма. *Человек в социокультурном измерении*. 2024;1:57–61.
EDN: GEPXKK

For citation:

Mashedo MS. Features of using reminiscence in designing a fashion suit. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2024; 1:57–61. Russian.
EDN: GEPXKK

Автор:

Марина Сергеевна Машедо – старший преподаватель кафедры дизайна моды факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Marina S. Mashedo, senior lecturer at the department of fashion design, faculty of social and cultural communications.
msmashedo@gmail.com

a fashion suit. Reminiscence in the process of creating a costume, as a rule, is secondary and retrospective, but always gives the product the quality of novelty and uniqueness. In completely new readings and in other semantic and compositional combinations, previously known themes, plots, motifs, forms and elements are interpreted in the costume.

Keywords: artistic design; reminiscence; costume; fashion suit; artistic image.

Введение

Важное место в воплощении произведений искусства занимает формирование художественного образа – инструмента для создания единства смыслового содержания произведений искусства, который позволяет авторам воспроизвести в новых объектах своего творчества наиболее существенные принципы окружающего мира, а также воплотить эти признаки в чувственно-эмоциональных конструктах. Дизайнеры одежды постоянно ищут способы трансляции миру своих идей и обращаются к художественному образу как механизму новаторского изменения форм, силуэтов и пропорций в дизайне костюма. Использование художественного образа в проектной деятельности позволяет

соединить функциональные и композиционные качества, эстетические и эксплуатационные характеристики изделия, интегрируя в костюме выразительность и собирательность художественной мысли дизайнера. Благодаря художественному проектированию фешен-костюм становится объектом искусства (объединяет в себе художественное и техническое творчество), в создании которого участвует художественный метод – реминисценция (лат. *reminiscentia* – воспоминание, припоминание, отзвук, отголосок). Дизайнер в своих работах воспроизводит абстрактные образы и идеи, которые сочетают в себе историко-культурное богатство, многообразии значений и смыслов.

Результаты и их обсуждение

Для художника создание произведения – это возможность передать свое представление об окружающем мире в абсолютно новых формах искусства. Реализовать задуманное помогают средства и методы художественной выразительности, которые делают произведение ярким, усиливают его эмоциональное воздействие на зрителя, а также привлекают внимание к идейной составляющей объекта творчества. Наряду с этим многие авторы для создания произведений изобразительного искусства, музыкальных композиций и театральных постановок и даже для воплощения сценического или дизайнерского костюма прибегают к реминисценции. По мнению искусствоведа В. Г. Власова, реминисценция – это «один из способов художественного формообразования, заключающийся в использовании общей структуры, каких-либо элементов, мотивов известных произведений искусства на ту же тему, существовавших ранее»². Автор полагает, что художники своими произведениями обращают искусство к образному переосмыслению классических тем и мотивов, стремясь тем самым сохранить и приумножить культурный опыт, воплотив этот фундаментальный художественный замысел в творческих методах исторического перемещения, изменения форм и понимания идей художника. Однако создание нового художественного произведения предполагает использование оригинальных творческих приемов, формирование авангардных образов с возможностью оставить след в художественном пространстве. Реминисценция для художника является диалогом

его творческой мысли с произведениями мировой культуры, способным рассказать о существующих вещах в новом прочтении. Обладая большим числом способов построения новой художественной концепции, реминисценция открывает перед автором произведения возможности для художественного воплощения идей. Исходя из этого, автор настоящей работы полагает, что реминисценция – это художественный метод, лежащий в основе создания нового произведения искусства и опирающийся на художественное переосмысление историко-культурного наследия, особенности мировоззрения автора и новые технические возможности искусства.

В своем смысловом контексте фешен-костюм относится к объектам мирового искусства, так как сложившаяся система создания продуктов моды оперирует теми же содержательными нагрузками, что и художественная культура. Реминисценция при проектировании фешен-продукта – костюма в качестве новой формы художественной мысли заявила о себе как о методе, который использует всевозможные творческие преобразования формы одежды. Фешен-костюм предстает перед обществом как многосторонняя рефлексия, отражающая повседневные события, а также специфическое отношение к социокультурным процессам. Считая моду многогранным явлением культуры и искусства, можно утверждать, что ее главная цель состоит в воплощении импровизированных форм мыслительной деятельности дизайнера в объекты осязаемого мира, в которых авторская идея и техника превалируют

²Власов В. Г. Реминисценция // Иллюстриров. худож. слов. СПб : ИКАР, 1993. С. 186.

над необходимостью разяснять достоинства создаваемых произведений искусства. В качестве примера можно привести платье из коллекции «Moschino» (весна-лето – 2020), созданной по мотивам картин П. Пикассо (см. рисунок).

Платье из коллекции «Moschino»
(по мотивам картины П. Пикассо «Читающая женщина»).

Источник: <https://theblueprint.ru/fashion/events/moschino-picasso>

A dress from the Moshino collection
(based on P. Picasso's «Woman Reading»).

Source: <https://theblueprint.ru/fashion/events/moschino-picasso>

Процесс воплощения фешен-костюма имеет свои особенности, отличные от процесса создания художественного произведения. В то же время проектирование как фешен-костюма, так и произведения искусства ориентировано на постоянно меняющиеся условия и тенденции развивающегося мира. Задача художественного произведения – отобразить действительность и передать господствующие настроения, задача же фешен-костюма (помимо трансляции миру реальной картины) – заставить окружающее пространство мыслить в новом направлении. Объекты моды задают тон будущему развитию, открывают путь, в рамках которого будет развиваться культура. На этапе дизайнерского проектирования модельер стремится переделать свои идеи, разработав новые средства и способы формообразования изделий с использованием различных технологий производства и поместив созданный объект в иную среду функционирования. По мнению российского дизайнера одежды Г. И. Петушковой, для разработки новых технологичных дизайнов в легкой промышленности существуют предпосылки обновления теоретико-методологи-

ческой базы проектирования – от дизайнерской идеи до проектного воплощения объекта моды³. Для этого необходим скрининг современных научных методов художественного проектирования, который образовался в результате взаимодействия фундаментальных и прикладных наук. Способность дизайнеров генерировать наукоемкие идеи позволит появиться концептуальному и конкурентоспособному фешен-костюму, обладающему новизной взглядов и качества производства.

Дизайнеры со всего мира сформировали условия, в которых уже на протяжении века постоянно изменяются универсальные способы создания одежды, рождаются их новые вариации. Воплощению фешен-произведений свойственна такая особенность использования реминисценции как художественного метода, как трансформирование исторических вариаций с последующим созданием нового идейного образа. Идейно-тематический характер художественного метода, заложенный в объекте моды, можно считать важным условием для выполнения функции обращения к историческим процессам прошлого в контексте настоящего с прогнозом на будущее. Создавая костюм, дизайнер стремится усилить впечатление от собственного произведения моды. Заложённая в фешен-костюм реминисценция помогает готовому произведению моды проникнуть в культурную среду и адаптироваться в ней. Воплощение костюма (от идеи к объекту моды) неразрывно связано с обращением модельера к произведениям и авторам, представляющим иные виды искусства и фешен-бренды. Посредством реминисценции дизайнер выражает свою позицию по отношению к другому автору, бренду, факту творчества или культурным событиям. Трансляция миру собственного видения произведений искусства и моды положила начало восприятию современной моды, открыла возможности для развития науки и техники, а также внесла огромный вклад во всю мировую культуру. Европейские страны, закрепившие за собой статус столиц моды и красоты, все чаще практико-ориентированы на использование при создании фешен-костюма историко-культурных событий прошлого, значимых в условиях настоящего. Дизайнеры, используя конструкции и традиционный крой костюма, оперируя формами прошлого, воплощают новые элементы костюма, чтобы их продукт отличался от предшествующего идеями, стилистикой, конструкцией и сезоном. Реминисценция в таком случае служит творческим методом, способным сформировать индивидуальный пластический образ, позволяющий отнести произведение моды к определенной исторической эпохе. Как правило, реминисценция служит для объяснения смысла всего произведения.

³Петушкова Г. И. Проектирование костюма : учеб. для студентов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2007. 416 с.

Любое воплощение костюма начинается с исторического или стилистического анализа его базовой формы. Основой для создания фешен-костюма принято считать конструкцию. Конструктивное решение фешен-костюма рассматривается как трансформация существующего произведения искусства для нового прочтения. Конструктивное и стилистическое решение произведения моды подразумевает способность модельера соединить в фешен-костюме источник инспирации, состоящий из открытий прошлого и событий настоящего времени, эстетических канонов прекрасного и композиционно обоснованных правил организации предметов в пространстве. Согласно исследованиям искусствоведа Ф. Пармона «под конструкцией, или строением предмета, понимается взаимное расположение и связь его элементов и частей»⁴. Костюм имеет способности собирать на себе внимание, передавать движение формы в пространстве, отражать творческий замысел, воплощенный в линиях рисунка, которые создал модельер. Объект моды обретает пространственную выразительность и созвучность со временем, главные тенденции и вкусовые предпочтения.

Фешен-костюм – проектируемое творение модной индустрии. Его преобразования, которые зарождаются в глубинных идеях модельера, способны найти методы для воплощения замыслов и донести до других интерпретацию содержания объекта моды, сумели объединить в себе многовековые достижения искусства и техники. Фешен-продукт является мощным регулятором культурных изменений в обществе. Перед дизайнером стоит задача найти способ воплотить творческую идею, усилить впечатление от созданного произведения и внедрить его в культурное пространство. Для большей выразительности продукта модельеры обращаются к реминисценции. Многообразие, которым обладает этот метод, позволяет сохранить и распространить национальный опыт, усовершенствовать систему функционирования и восприятия модной индустрии и фешен-продукта. Дизайнеры стремятся своим творчеством обратить внимание не только на созданные ими фешен-костюмы, но и на все богатство культурного наследия. Для модельера реминисценция выступает также способом добавить особое звучание каждому костюму, сделать его объектом вневременного пространства.

Ценность фешен-костюма состоит в том, что он является значимой ячейкой культурного процесса, изменяющей характер, вкусы, предпочтения и темп распространения модных тенденций. Такому продукту присуще качество всеобъемлемости. Российский дизайнер Г. И. Петушкова полагает, что «любая творческая деятельность потенциально содержит

в себе научное, художественное и техническое начало, а результат ее обусловлен лишь расстановкой акцентов в процессе творчества»⁵. Значительное влияние на формообразование фешен-костюма оказали законы художественной выразительности различных видов искусства. Уже на стадии технического моделирования одежды дизайнер обращается к техникам, которые воздействуют на восприятие костюма и фигуры в нем, а также к законам ритмического построения для образного решения организации элементов и деталей внутри изделия. Для передачи и усиления идейного замысла произведения моды дизайнеры используют последовательно структурированные модели построения композиций, так как костюм – это движущаяся театральная постановка. Демонстрация фешен-костюма на подиуме имеет режиссерскую задумку, наделяющую костюм экспрессивной окрашенностью. Для достижения большей выразительности модельеры нашли методы воплощения графических техник рисования при проектировании костюма – линейно-пятновые решения рисунка, применяемые в способах направления складок на отдельных частях костюма, а также в видах драпировки и манере ношения отдельных элементов одежды. Для создания зрительной иллюзии и изменения пропорций костюма и фигуры используются комбинации различных фактур тканей, позволяющих построить индивидуальный пластический образ, а для достижения художественной выразительности и целостности восприятия объектов моды применяют трехкомпонентность цветового решения.

Так, фешен-продукт современности предстает перед обществом наследником измененных идей и достижений прошлого. Процесс его создания предполагает заимствование концепций у других художников с целью сформировать иной принцип восприятия дизайнерского костюма. Дизайнер преобразовывает существующие формы, выражает в своих идеях отношение к творчеству другого автора, произведениям, времени или событиям окружающего мира. Обращение модельера к художественному материалу прошлого для изучения и переработки силуэта, пластического решения линий в костюме, чтобы создать новый ракурс восприятия произведений моды, обусловило появление новых форм костюма [1]. Проектирование подразумевает способность автора не только воплотить свою идею, но и применить при конструировании данные о господствующем художественном образе, выявить его эстетическую составляющую, определиться с его стилиевой принадлежностью, имеющей место среди многообразия информации о современных и исторических концепциях визуального построения модного образа.

⁴Нешина Е. Б. Феномен моды в условиях социокультурных трансформаций: от XVIII к XXI веку : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Саранск, 2007. С. 26.

⁵Петушкова Г. И. Проектирование костюма. С. 7.

Используя реминисценцию для выявления художественной принадлежности одежды при ее проектировании, дизайнер сохраняет важное для его деятельности качество – художественный эксперимент, неожиданный результат, к которому стремится абсолютно каждая творческая личность. В своем

посыле посредством воплощения переработанных идей и мировоззрений проектирование фешен-костюма становится для модельера способом заложить новый подход в конструирование целесообразного современного костюма, базируясь на опыте предшествующих достижений творческого мира.

Заключение

Современный фешен-костюм в новом прочтении представляет собой продукт исторического переосмысления и воплощения креативной мысли, идеи и работы модельера, обращения к творчеству других авторов и произведениям различных видов искусства. Особенности использования такого художественного метода, как реминисценция, при создании модного костюма заключается в следующем. Историко-культурные процессы оказали огромное влияние на способы и приемы создания фешен-костюма. Смена исторических эпох, сохранение дизайнерами образно-эмоциональной сущности искусства в новых произведениях моды, варьирование принципов организации элементов внутри изделия и движение пропорций и форм одежды в равной степени воздействуют на формирование фешен-костюма. При использовании для проектирования новых объектов творческой мысли дизайнера и богатого художественного наследия мировой культуры создается оригинальная база данных, которая будет предназначена для конструирования фешен-костюмов с элементами художественного решения моды и искусства прошлого.

Использование модных форм неразрывно связано с внедрением костюма в культурный ареал. Для восприятия функционирования модных форм костюма необходимо понимать художественную природу реминисценции как метода, позволяющего прогнозировать тенденции развития модного образа будущих сезонов, анализировать нацеленность

аудитории на потребление фешен-продукта, а также дальнейшее развитие его характера. Существование фешен-костюма неразрывно связано с многовековым ходом истории культуры и с изменением первоначального качества, нашедшего свое отражение в трансформации образного содержания изделия. Разнообразие приемов и способов эстетической выразительности внешнего вида изделий моды, а также декорируемой плоскости позволяет добиться усиления эмоционального воздействия модного костюма на зрителя.

Художественный образ, который является неотъемлемой частью современного фешен-костюма, позволяет быть объекту моды уникальным произведением и в то же время транслировать миру эклектику форм и стилистических направлений. Художник-модельер формирует определенную творческую среду для своего произведения, которая определяется предметными функциями и канонами прекрасного. В свою очередь, в процессе такого преобразования происходит трансформация того или иного мотива, идеи, замысла существующих произведений искусства и моды и создается фешен-костюм. В этих условиях проектирование такого продукта часто происходит под воздействием впечатлений от произведений других авторов и дизайнеров. На это также влияет стремление модельера проникнуть в авторский замысел объекта искусства или передать свои впечатления от событий прошлого, настоящего или фантазий о будущем.

Библиографическая ссылка

1. Афанасьева НВ. Анализ образного решения костюма в различные исторические периоды (на материале фотографий, журнальной графики и чертежных конструкций). *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2009;11(4–4):1059–1063. EDN: MCLEEB.

Reference

1. Afanasyeva NV. Analysis of the suit image solution by photos, fashionable graphics and drawing designs in different periods of fashion. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2009;11(4):1059–1063. Russian. EDN: MCLEEB.

Статья поступила в редколлегию 10.10.2023.
Received by editorial board 10.10.2023.

ИГРОВЫЕ ФАКТОРЫ СУБКУЛЬТУРЫ ДЕТСТВА

В. С. КРЫСА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследованы игровые факторы субкультуры детства и их влияние на нее. Охарактеризованы такие понятия, как детство, игра, субкультура и субкультура детства. Рассмотрено воздействие игровых факторов на человека на различных этапах его взросления. Выявлены как положительные, так и отрицательные стороны влияния игры на личность. После проведенного анализа установлено, что игра – это одна из ценностей культуры, благодаря которой человек учится взаимодействовать с культурным социумом, развиваться как полноценная личность, еще будучи ребенком, проходя своеобразную подготовку ко взрослой жизни. Это следует из того, что игровая практика стоит в одном ряду с различными видами деятельности человека (трудовой, общественной, коммуникативной), так как дети усваивают информацию и учатся в первую очередь через игру. Утверждено, что игра в определенной степени является компонентом субкультуры детства человека.

Ключевые слова: субкультура детства; культура; детство; взросление; этапы детства; игра; игровые факторы.

GAME FACTORS OF CHILDHOOD SUBCULTURE

V. S. KRYSA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the article is to study the game factors of childhood subculture and their influence on it. The article provides a brief description of such concepts as childhood, game, subculture and childhood subculture. The influence of game factors on a person at various stages of his growing up is considered. Both positive and negative aspects of the game's influence are revealed. After the analysis, it was established that game is one of the cultural values, thanks to which a person learns to interact with cultural society, to develop as a full-fledged personality, while still a child, undergoing a kind of preparation for adulthood. This follows from the fact that gaming practice is on a par with various types of human activity (labour, social, communicative), since children absorb information and learn primarily through gaming activities. Therefore, it can be argued that game, to a certain extent, is a component of human activity in children's subculture.

Keywords: childhood subculture; culture; childhood; growing up; stages of childhood; game; game factors.

Введение

В настоящее время стремительно возрастает интерес к субкультуре детства. В свою очередь, понятие «детство» неразрывно связано со словом «игра». Сегодня влияние игры на субкультуру детства достаточно серьезное, что подтверждается обилием разнообразной литературы по данной

теме: культурологической, социологической, психологической, лингвистической и философской. Исследователи создают специальную литературу, предметы искусства и дизайна для детей, разрабатывают подходы в педагогике и психологии, изучают взаимодействие взрослых и детей и влияние

Образец цитирования:

Крыса В.С. Игровые факторы субкультуры детства. *Человек в социокультурном измерении*. 2024;1:62–67. EDN: JCMBRV

For citation:

Krysa V.S. Game factors of childhood subculture. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2024;1:62–67. Russian. EDN: JCMBRV

Автор:

Валерия Сергеевна Крыса – старший преподаватель кафедры дизайна моды факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Valeria S. Krysa, senior lecturer at the department of fashion design, faculty of social and cultural communications. valeriya.krysa@mail.ru

детства на современное общество, применяя различные научные подходы.

Цель данной статьи – анализ влияния игровых факторов на современный мир детства. Для раскрытия цели были поставлены следующие задачи:

- изучение и обобщение материала по теме;
- анализ понимания игры различными учеными;
- формулирование понятия игры;
- выявление взаимосвязи игры и субкультуры детства;
- характеристика основных игровых факторов, влияющих на развитие субкультуры детства.

При написании настоящей работы использовались аналитический и сравнительно-типологический методы исследования.

Игру можно определить как знаковое явление в современном культурном обществе, которое воздействует на формирование мышления ребенка и серьезно влияет на его жизнь в период детства и взросления, а следовательно, на взрослую жизнь в будущем и культурное общество в целом. Игра является неотъемлемой частью жизни социума.

По мнению К. Б. Сигова, игра есть «форма свободного самовыявления человека, которая предполагает реальную открытость миру возможного и разворачивается либо в виде состязания, либо в виде представления (исполнения, репрезентации) каких-либо ситуаций, смыслов, состояний»¹.

Л. Ю. Стрельникова представила подробный анализ восприятия Ф. Шиллером игры и ее воздействия на искусство [1]. Последнее тесно связано с субкультурой детства, а значит, можно выделить взаимосвязь игры, искусства и детства.

Л. П. Буева отмечала, что в любом обществе существует два уровня социокультурного опыта: опыт, полученный благодаря образовательным структурам, и спонтанный опыт, формирующийся в обыденной

жизни [2]. В обоих случаях для лучшего усвоения получаемой информации может быть применена игра.

Изменения, которые происходят в современном обществе, смена жизненных приоритетов и моральных ценностей, появление информационных технологий и искусственного интеллекта, а также рост ритма жизни воздействуют на коммуникации во взрослом обществе. Все это также влияет на развитие и общение в детской среде.

В. В. Абраменкова отмечала, что «детская субкультура в широком значении – все, что создано человеческим обществом для детей и детьми, в более узком – смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах в той или иной конкретно-исторической социальной ситуации развития» [3, с. 23].

Изучая игру, ученые получают возможность проанализировать исторические этапы и уровень развития субкультуры детства в разные эпохи (начиная с первобытности и заканчивая современностью), а также выделить основные аспекты в отношении взрослого общества к детям.

Сегодня тема игры и влияния ее факторов на мир детства актуальна, так как общество сталкивается с игровыми проявлениями практически во всех сферах жизни (как на бытовом, так и на социальном уровнях). В первую очередь речь идет об отношении детей с родственниками, сверстниками и взрослыми людьми в окружающем их обществе.

Игра имеет важное значение в становлении личности ребенка, так как уже в детстве у него появляется возможность проиграть определенные ситуации взрослой жизни, научиться осмысливать и решать различные проблемы. Другими словами, происходит приобретение жизненного опыта для последующей коммуникации в обществе.

Основная часть

В. В. Абраменкова на основе историко-культурных исследований сделала следующий вывод: детское сообщество является практически первым и наиболее древним институтом социализации ребенка [4]. Детские объединения возникали еще в эпоху первобытного общества, так как существовало половозрастное разделение социальных групп. В этот период была принята строгая иерархия: обязанности делились на женские и мужские, при этом особого внимания на возраст членов этого общества не обращали. Тогда инициация во взрослую жизнь происходила очень рано (по сегодняшним меркам). Это, в свою очередь, влияло на развитие субкультуры детства и отношение к детям в целом. Таким образом, одной из причин возникновения субкультуры детства является половозрастная стратификация общества [4, с. 8].

До XX в. общество сравнивало детей со взрослыми и наделяло ребенка чертами взрослого человека. В это время дети были предоставлены сами себе либо их воспитанием занимались няни, гувернантки, также они могли проходить обучение в пансионатах и монастырях при условии обеспеченности семьи, а родители, следовательно, исключались из процесса воспитания и детского социума. Это негативно воздействовало на формирование субкультуры детства, лишало ребенка возможности самоутвердиться и проявить себя, а значит, воспитать полноценную личность. Однако в XX в. произошел своеобразный прорыв в обществе. Возникла перспектива преодоления разрыва между поколениями и восстановления связи между родителями и ребенком.

В. В. Абраменкова также писала о том, что в конце XX в. начали проявляться антиномичные процессы,

¹Сигов Б. К. Игра // Современная западная философия : словарь. М. : Политиздат, 1991. С. 110.

связанные в первую очередь с развитием человека и окружающего его общества [4]. Из-за увлечения рационализмом или иррационализмом, с одной стороны, жизнь человека стали вписывать в строгие логические схемы, с другой стороны, появилась возможность дать человеческой свободе статус абсолюта, игнорируя при этом всякое разумное начало. На основе взрослых форм деятельности человека создавались детские группы – сообщества сверстников, которые объединены совместной деятельностью (игрой, учебой, исследованием). Благодаря игре дети стали включаться в жизнь взрослых, удовлетворяя собственную потребность участия в происходящем, предоставляя себе возможность не только моделировать поле взрослой деятельности, но и свободно обращаться с его содержанием. По этой причине значимость начинают приобретать структуры, которые позволяют преодолевать инстинктивное начало в человеке, подчеркивая одновременно его уникальность и неповторимость. Игра является одной из таких структур, так как сочетает в себе рациональное и иррациональное, виртуальное (фантазийное) и реальное [4].

О. В. Сарычев отмечал, что «...игра, как активная, неутилитарная, индетерминированная деятельность, способствует становлению в человеке творческого начала, раскрытию его физических и психических сил. Конечно, в полной мере это возможно только при соответствующей высокой внутренней культуре личности, поэтому игру необходимо рассматривать в контексте развития и человека, и общества, и культуры в целом» [5, с. 2].

Игру люди встречают на протяжении всей жизни. Издавна считалось, что только дети могут жить игрой, проводить время в их личном нереальном мире и бесцельно тратить время на развлечения. Но на самом деле даже взрослому человеку необходимо время для расслабления, своеобразного отключения от обыденной жизни и погружения в мир фантазий. Ошибочным считается мнение о том, что игрой является перерыв для отдыха от повседневной жизни.

Некоторые исследователи утверждают, что игра и детство – это понятия, которые не могут существовать друг без друга, т. е. между ними можно поставить знак «равно». Однако для каждого человека понятие игры свое. Одни ассоциируют его с проведением досуга, другие – только с периодом детства и жизнью ребенка.

Следует отметить, что сегодня термин «игра» рассматривается в таких науках, как культурология, психология, философия, педагогика и др. Для каждого исследователя направления игра как понятие несет различную смысловую нагрузку, но при этом имеет схожие значения и проявление в обществе.

М. Е. Каравашкина подробно рассматривала черты и функции, присущие игре [6]. Игра является од-

ним из способов взаимодействия взрослого человека и ребенка, она связана с реальным и виртуальным миром, в частности детским миром фантазий. Анализируя игру, можно выделить ее характерные черты и функции. Игра – свободный вид деятельности, она может вывести взрослого и ребенка за рамки обыденности и погрузить в мир фантазий. Ребенку игра дает возможность выплеснуть скопившуюся физическую и эмоциональную энергию, а также выразить индивидуальность и развить творческие способности. Она может основываться на подражании: во время игры можно примерить различные роли (например, стать сказочным героем либо взрослым). Игра подготавливает ребенка к жизни во взрослом социуме. Для нее характерны пространственно-временная замкнутость, структурная упорядоченность, строгие либо вариативные правила, эмоциональная окраска, диалогичность и агональность (соревновательность). В ней могут меняться место, сюжет, время и роли, функционировать несуществующие герои. Игровые предметы наделяются свойствами одушевленных персонажей. Игра содержит в себе возможности и риски.

Исследователи выделяют такие типы игр:

- игру-агон, которой свойственно наличие соревновательности (азартные, спортивные, развлекательные и развивающие игры);
- игру-мимесис, характеризующуюся подражанием реальности, своеобразным удвоением мира (искусство и символика языка);
- игру-экстазис, благодаря которой постигается смысл бытия (игра со своей жизнью и судьбой, репрезентация) [7].

Отдельно рассматриваются детские и взрослые игры.

Во время игры ставятся конкретные цели, которые необходимо достичь по итогу ее прохождения: завоевание некоего престижа, выигрыш ставки, обучение новым навыкам, развитие потенциала личности, определение судьбы, проведение досуга, самоутверждение и т. д.

М. Е. Каравашкина, основываясь на классификации игры, утверждала, что в современном мире игра становится одним из главных способов понимания реальности и взаимодействия с ней. Посредством игры достигается в первую очередь соединение прошлого и будущего в настоящем, происходит обмен опытом между поколениями, передача важной информации, как общей (об обществе в целом), так и частной (об истории семьи). Иными словами, игра – это универсальная форма для обучения и воспитания младших поколений. Сегодня специалистами доказано, что в игровом процессе (эвристическая форма обучения) ребенок быстрее усваивает новую информацию, принципы коммуникации, поведения и механизмы достижения целей, происходит более быстрая его адаптация в окружающем мире и культурном обществе [6].

Й. Хейзинга писал о том, что «...игра – непродуктивная деятельность, которая не осуществляется ради практических целей, а служит для развлечения и забавы, доставляя радость сама по себе. Игра отличается как от труда, так и от чисто инстинктивных действий. Она относится к определенной стадии развития высших существ – млекопитающих и человека» [7, с. 168]. Исходя из этого, можно утверждать, что игровая деятельность оказывает значительное влияние на жизнь как взрослого человека, так и ребенка. Во время игры происходит непреднамеренное, неосознанное самообучение (функциональное упражнение) организма, особенно необходимое для ребенка. Для детских игр характерно прохождение различных типических ступеней, благодаря чему дети совершенствуют свои физические и умственные навыки и умения, а также познают окружающий мир и людей и взаимодействуют с ними.

Ф. Шиллер говорил о том, что «человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [8, с. 125]. По его мнению, игра тесно связана с искусством, является его компонентом и стимулирует к его развитию. Писатель также считал, что игра – это высшая эстетическая реальность, которая не подчиняется ощущениям, а выступает мерилем бытия человека. В данном случае следует отметить тесную связь искусства и развития ребенка. Одними из основных и самых простых способов познакомить ребенка с миром искусства считаются рисование и лепка. Благодаря игре с красками и пластилином дети развивают мелкую моторику, эстетический вкус и художественное восприятие мира, происходит их знакомство с цветом. В более старшем возрасте ребенок, занимаясь рисованием, может снять эмоциональное напряжение. Также специалисты отмечают, что на развитие речи детей положительное влияют музыкальные игровые занятия, прослушивание классической музыки и чтение.

Следует отметить, что детство и игра напрямую связаны с такими понятиями, как детское общество и субкультура детства. Они характеризуются взаимодействием детей, при котором происходит развитие детской личности, закладываются качества, которые помогают впоследствии самореализоваться, определить жизненную позицию и научиться контактировать с другими членами культурного общества.

Субкультура детства – это продукт совместного творчества детей в процессе общения, игры и познавательной активности в детских группах с помощью взрослых либо самостоятельно. Одна из самых важных функций субкультуры детства состоит в регулировании отношений между членами детского сообщества, между детьми и с окружающим миром, а также между детьми и обществом взрослых людей.

Л. П. Буева отмечала, что в любом культурном обществе существуют два уровня (способа) усвоения детьми и взрослыми социокультурного опыта:

накопление опыта через специальные образовательные структуры и получение опыта стихийно [2].

О. В. Стрелкова на основе исследований Л. П. Буевой об уровнях усвоения детьми социокультурного опыта сделала некоторые выводы [9]. Накопление опыта через образовательные структуры происходит с помощью специальных программ, разработанных педагогами различных учреждений образования в соответствии с возрастом ребенка. Передача информации осуществляется в специально подготовленной профессиональной и социально ориентированной среде, в которой четко выражается иерархия ценностей культурного общества (например, в дошкольных учреждениях образования и школах, на курсах). В этом случае ребенок усваивает знания, необходимые для выполнения социальных функций при помощи науки и искусства. В то же время стихийное получение знаний происходит через усвоение совокупности традиций и обрядов, общение и взаимодействие поколений, подражание младших старшим (коммуникация в семье). В данном случае передаются повседневные формы культуры, воспроизводятся архетипы, накапливается жизненный опыт. Иными словами, усвоение происходит через сложную систему внеаучных способов познания окружающего мира, нравственных оценок, поведенческих привычек (часто с помощью игры). Из этого следует, что одной из важнейших функций субкультуры детства является регуляция взаимоотношений между членами игрового сообщества, так как бытовой опыт усваивается детьми еще до приобретения научных знаний [9, с. 92].

Значимой чертой субкультуры детства является наличие своеобразного языка, понятного только детям этой группы, что также можно связать с проявлением игры внутри детского сообщества. У подростков этот язык перерастает в сленг. Впоследствии некоторые слова и сленговые выражения достаточно часто могут использоваться в повседневной жизни людей.

Одной из форм проявления тайного детского языка и игры считается присвоение прозвищ внутри детской группы, которые понятны только ее членам. С одной стороны, этот факт можно отнести к негативной стороне игры с целью обидеть одного из детей, а с другой стороны, это и есть проявление детской фантазии и общения внутри группы.

Немаловажной составляющей субкультуры детства является процесс взросления ребенка, связанный с такими этапами детства, которые он проходит по мере становления себя как личности, как младенчество, дошкольный и школьный этап и подростничество. Важное значение на каждом этапе имеет игра, потому что для любого возраста характерен свой уровень сложности игровых правил. По мере взросления ребенка он от развивающих игр переходит к логическим (выстраивание цепочек взаимосвязей, распределение ролей и развитие коммуникативных навыков), что обуславливает улучшение уровня его коммуникативных навыков.

Следует отметить, что современное общество разделилось на два лагеря. В первом случае родители всячески пытаются продлить детство ребенку: играют, читают с ним книги, соответствующие его возрасту, посещают детские центры, дают ему возможность раскрыть творческие способности, что осуществимо только в процессе игры. Во втором случае родители, наоборот, стараются ускорить процесс взросления, поэтому каждый день у детей распisan поминутно (времени на отдых практически не остается). Такие родители стремятся к тому, чтобы их дети в возрасте от трех до пяти лет умели читать, решали простые математические примеры, а также вели себя как маленькие взрослые. Они лишают своего ребенка возможности играть и осваивать навыки, соответствующие его возрасту. Это является одной из причин, по которой достаточно часто дети перестают слушать родителей, у них развивается своеобразный протест. Так возникает проблема отцов и детей. Кроме того, во взрослой жизни из-за исключения некоторых этапов детства человек может вести себя как ребенок, не отдавая отчета своим действиям. Следовательно, общество получает несостоявшуюся личность, которая пытается реализоваться и наверстать упущенное в детстве время. Таким образом, можно утверждать, что исключать игру из процесса взросления ребенка нельзя, так как она необходима для становления полноценной личности в культурном обществе.

К понятиям, тесно связанным с субкультурой детства и игрой, относится социализация – обучение ребенка навыкам, необходимым для нахождения в обществе и общения с другими представителями социума. Это упрощенное определение. Ученые более развернуто трактуют это понятие: «...“социализация” предполагает еще и культурацию с формированием индивидуальности ребенка, то есть прививает ему основные культурные ценности с возможностью самоопределения и самовыражения»².

В процессе социализации детям обычно помогают родители, посещая с ними музеи, парки, выставки и игровые площадки, где происходит общение детей со сверстниками и взрослыми. Так дети учатся вести себя в общественных местах. Немаловажную роль в данном процессе играют

педагоги учреждений образования и различных учебных центров, которые помогают детям освоить коммуникативные навыки. Простым способом достижения поставленной цели также является игра с распределением ролей, в основе которой лежит диалог.

Таким образом, можно выделить следующие игровые факторы, характерные для субкультуры детства:

- творческие факторы (возможность проявления фантазии, что способствует креативному решению жизненных проблем в будущем);
- социальные и коммуникативные факторы (проигрывание жизненных ситуаций, взаимодействие ребенка в процессе игры со сверстниками и взрослыми);
- традиционные факторы (передача в процессе игры традиционных культурных ценностей и опыта от старших поколений младшим);
- культурологические факторы (формирование новых ценностей на основе общепринятых в культурном обществе ценностей);
- самоопределяющие факторы (получение возможности для определения своего места в обществе в процессе взросления);
- психологические факторы (снятие физического и эмоционального напряжения с помощью различных активных и пассивных игр);
- педагогические факторы (возможность ускорения и упрощения в восприятии, освоении и запоминании информации в процессе игры).

Анализируя материалы, можно сделать следующий вывод: игра является одной из важных ценностей культуры, благодаря ей ребенок учится жить в социуме, развивается как личность, проходя этапы взросления. Игра способствует формированию трудовых, общественных и коммуникативных навыков, а значит, влияет на развитие субкультуры детства, что подтверждается научной литературой культурологической, социологической, психологической, лингвистической и философской направленности.

Игра является феноменом человеческого бытия, неотъемлемой частью жизни общества, которая воздействует на различные аспекты как детской, так и взрослой жизни.

Заключение

Игру принято объяснять через жизнь и культуру общества. Однако современные исследователи в сфере культурологии и философии, наоборот, стали рассматривать человеческое бытие и культуру через игру, а также выявлять их тесную взаимосвязь. Из этого следует, что ребенок в процессе игры усваивает общепринятые культурные правила, традиции и формы окружающего его общества и некие новые формы, которые будут характерны для его поколе-

ния и переданы будущим. Так происходит развитие общества на культурном уровне.

Можно утверждать, что в современных условиях субкультура детства совершенствуется благодаря игре и ее влиянию на культуру. Ребенок становится более раскованным, толерантным, он получает дополнительную информацию из различных источников – реальных и виртуальных. Это происходит как самостоятельно, так и с помощью родителей,

²Коломыйский Я. Л., Стрелкова О. В. Психологическая культура детства : пособие для педагогов учреждений дошкольн. образования. Минск : Вышэйш. шк., 2013. С. 12.

воспитателей, учителей и даже искусственного интеллекта. Общество и родители несут ответственность за развитие молодого поколения, т. е. за тот багаж знаний из различных сфер жизни взрослого человека, который ребенок получит в процессе взросления.

Нельзя забывать, что сейчас в социуме происходит переоценка культурных и жизненных ценностей, так как научно-технический прогресс внес существенные корректировки в современное миропонимание. Социально-политические метаморфозы повлияли на общественное мышление. Самым простым способом дать детям представление о будущей взрослой жизни становится игра, потому что посредством этого передается информация с последующим осознанным либо неосознанным восприятием знаний в зависимости от возраста, а также происходит их усвоение.

Игровая деятельность имеет важное значение в понимании культуры общества. Во всех феноменах культуры в определенной степени обнаруживаются

элементы игры. Благодаря своему игровому началу культура становится формой гуманизации и социализации природы человека, дающей возможность всестороннего развития личности.

Таким образом, игра есть своеобразное взаимодействие индивидуума в определенном мире, который может быть как реальным, так и виртуальным, с группой других индивидуумов. Ребенок при такой коммуникации получает результат в виде опыта, а также саморазвития и утверждения личностных качеств.

Игра – это одна из ценностей культуры, способная дать человеку (еще в детском возрасте) социальную практику, так как игровая практика находится на одном уровне с трудовой, общественной и коммуникативной практиками, является в определенной степени их составляющей в субкультуре детства и, соответственно, подготавливает детей ко взрослой жизни.

Библиографические ссылки

1. Стрельникова ЛЮ. Эстетическое учение Ф. Шиллера об игре в искусстве как ресурс современной западноевропейской литературы: преодоление классика. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2015;3:119–128. EDN: UNETSF.
2. Бueva ЛП. *Социальная среда и формирование гармоничной личности*. Москва: Издательство Московского университета; 1968. 268 с.
3. Абраменкова ВВ. *Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре*. Москва: Московский психолого-социальный институт; 2000. 416 с.
4. Абраменкова ВВ. Социальная психология детства в контексте развития отношений ребенка в мире. *Вопросы психологии*. 2002;1:3–17. EDN: MGAHIL.
5. Сарычев ОВ. *Философия игры в европейской мысли: историко-проблемное рассмотрение* [диссертация]. Тула: Тульский государственный университет; 2002. 181 с.
6. Каравашкина МЕ. Культура игры и массовое сознание. *Гуманитарные научные исследования* [Интернет]. 2016 [протитировано 13 марта 2023 г.];2. Доступно по: <https://human.snauka.ru/2016/02/14122>.
7. Хейзинга Й. *Homo Ludens. Человек играющий*. Ошиса ВВ, переводчик. Москва: Эксмо-пресс; 2001. 325 с.
8. Шиллер Ф. *Письма об эстетическом воспитании человека*. Радлов ЭЛ, переводчик. Москва: Рипол-классик; 2022. 242 с.
9. Стрелкова ОВ. Детская субкультура как компонент развития старших дошкольников. *Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта*. 2013;5:91–99. EDN: QBHNFH.

References

1. Strelnikova LYu. A esthetic teaching of F. Schiller on the game in art as a resource of modern Western European literature: overcoming classics. *University Proceedings. Volga Region. Humanities*. 2015;3:119–128. Russian. EDN: UNETSF.
2. Bueva LP. [Social environment and the formation of a harmonious personality]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1968. 268 p. Russian.
3. Abramenkova VV. *Sotsial'naya psikhologiya detstva: razvitie otnoshenii rebenka v detskoj subkul'ture* [Social psychology of childhood: development of child relations in children's subculture]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; 2000. 416 p. Russian.
4. Abramenkova VV. [Social psychology of childhood in the context of the development of the child's relations in the world]. *Voprosy psikhologii*. 2002;1:3–17. Russian. EDN: MGAHIL.
5. Sarychev OV. *Filosofiya igry v evropeiskoi mysli: istoriko-problemnoe rassmotrenie* [Philosophy of the game in European thought: historical and problematic consideration] [dissertation]. Tula: Tula State University; 2002. 181 p. Russian.
6. Karavashkina ME. Game culture and mass consciousness. *Humanities scientific researches* [Internet]. 2016 [cited 2023 March 13];2. Available from: <https://human.snauka.ru/2016/02/14122>. Russian.
7. Huizinga J. *Homo Ludens. Chelovek igrayushchii* [Homo Ludens. Man playing]. Oshisa VV, translator. Moscow: Eksmopress; 2001. 325 p. Russian.
8. Schiller F. *Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka* [Letters on the aesthetic education of man]. Radlov EL, translator. Moscow: Rapol-classic; 2022. 242 p. Russian.
9. Strelkova OV. Children's subculture as a component of social development of older pre-school children. *IKBFU's Vestnik*. 2013;5:91–99. Russian. EDN: QBHNFH.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

<i>Хведченя Л. В.</i> Проблема смешанных форм обучения в научно-исследовательской работе кафедры.....	4
<i>Дадырова А. А.</i> Неклассические методы преподавания в инклюзивном образовании: авторский опыт в университете искусств.....	11
<i>Смоликова Т. М.</i> Технологии инъекционного микрочипирования в культуре биохакинга.....	15

МИРОВАЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

<i>Куделич Г. П.</i> Новые формы диалога власти с исламской культурой во Франции.....	25
<i>Сосновик А. Б.</i> Постмодернистский архивный поворот и «архивная лихорадка» белорусского фольклорного сообщества.....	32

КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ

<i>Фролова Н. Ю.</i> Обоснование научной дисциплины «Исследования дизайна».....	40
<i>Кузнецова Е. В.</i> Рекламный дискурс как форма коммуникации: культурный код в пространстве рекламы.....	49
<i>Машедо М. С.</i> Особенности использования реминисценции при проектировании фешен-костюма....	57
<i>Крыса В. С.</i> Игровые факторы субкультуры детства.....	62

CONTENTS

SOCIO-CULTURAL COMMUNICATIONS

<i>Khvedchenya L. V.</i> The problem of blended forms of learning in the research work of the university department.....	4
<i>Dadyrova A. A.</i> Non-classical teaching methods in inclusive education: author's experience at the university of arts.....	11
<i>Smolikova T. M.</i> Injection microchipping technology in biohacking culture	15

WORLD AND NATIONAL CULTURE

<i>Kudzelich H. P.</i> New forms of dialog of authorities with Islamic culture in France	25
<i>Sosnovik H. B.</i> Postmodern archival turn and «archive fever» of the Belarusian folklore community	32

CULTURAL INDUSTRIES

<i>Frolova N. U.</i> Justification of the scientific discipline «Design studies»	40
<i>Kuznetsova E. V.</i> Advertising discourse as a form of communication: cultural code in the advertising space.....	49
<i>Mashedo M. S.</i> Features of using reminiscence in designing a fashion suit.....	57
<i>Krysa V. S.</i> Game factors of childhood subculture	62

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по культурологии, искусствоведению, дизайну.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Человек в социокультурном измерении.
№ 1. 2024**

Научно-теоретический журнал

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: pscd@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/pitscd/index>

Редактор *М. А. Журо*
Технический редактор *М. А. Панкратова*
Корректор *М. Д. Баранова*

Подписано в печать 29.02.2024.
Тираж 40 экз. Заказ 318.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Human in the Socio-Cultural Dimension.
No. 1. 2024**

Scientific and theoretical journal

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: pscd@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/pitscd/index>

Editor *M. A. Zhuro*
Technical editor *M. A. Pankratova*
Proofreader *M. D. Baranova*

Signed print 29.02.2024.
Edition 40 copies. Order number 318.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024